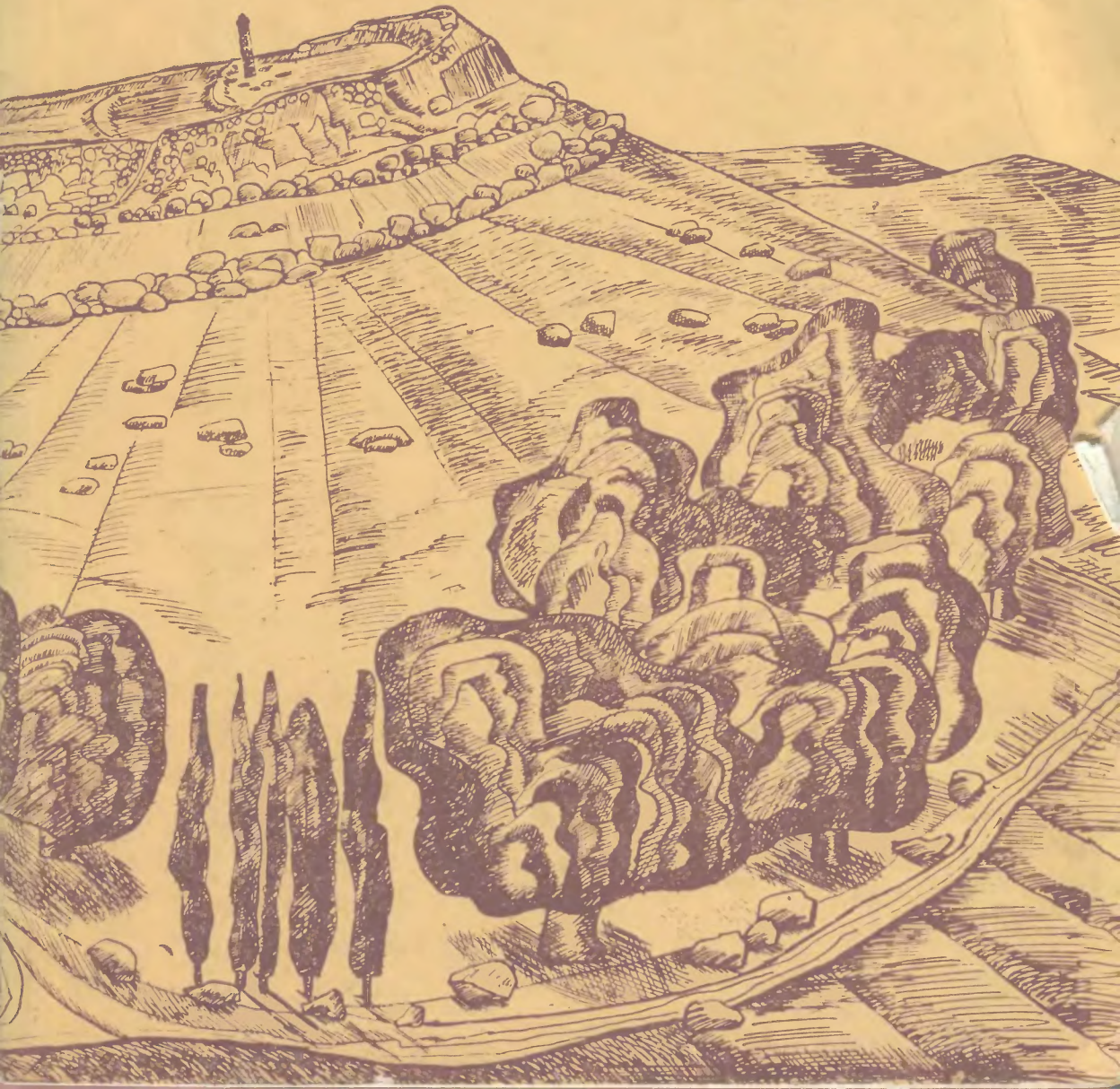
Б.А.Тимощук

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ОБЩИНА VI–X вв. н.э.



ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

USSR ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

B.A.Timoshchuk

THE COMMUNITY AMONG THE EASTERN SLAVS
(the 6 th through 10 th centuries)

General Editor S. PLETNEVA

MOSCOW
NAUKA PUBLISHERS
1990

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Б.А.Тимощук

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ОБЩИНА VI–X вв. н.э.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. А. ПЛЕТНЕВА

МОСКВА
«НАУКА»

ББК 63.4
Т41

Рецензенты
кандидаты исторических наук
Т. И. МАКАРОВА, В. А. БУРОВ

Т41 Тимощук Б. А.

Восточнославянская община VI—X вв. н. э. М.: Наука, 1990. — 192 с., ил.

ISBN 5—02—009474—9

В монографии исследуются структура и эволюция восточнославянской общины в период образования Киевской Руси, дается характеристика большесемейной, земледельческой и трех форм соседской общины раннего феодализма, раскрываются пути формирования индивидуальных семей и некоторых категорий феодально-зависимого населения.

Для археологов, историков.

Т $\frac{0504000000—421}{042(02)—90}$ 104-90(I) **ББК 63.4**

ISBN 5—02—009474—9

© Б. А. Тимощук, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Изучение восточнославянской общины VI—X вв. — основной ячейки общества накануне и в период образования Древнерусского государства — принадлежит к актуальным задачам советской исторической науки. Без решения этой проблемы невозможно полностью раскрыть сущность процесса перехода от первобытнообщинного строя к классовому, выяснить истоки формирования частной собственности, изучить процесс возникновения крестьянства, военно-служилой знати и других социальных групп общества. Исследование восточнославянской общины имеет большой теоретический интерес, так как проливает свет на общие закономерности перехода от первобытности к раннему феодализму.

Несмотря на важность проблемы, степень изученности восточнославянской общины VI—X вв. в настоящее время не удовлетворяет потребности исторической науки. Еще нет четкого представления о переходном периоде от родовой к соседской общине, продолжаются споры о хронологии этого процесса. Еще нет полной ясности, что представляли собой летописные «род», «вервь», «мир», «дым» и другие социальные структуры, продолжается дискуссия о соотношении рода и общины и т. п.[1]

Проблема восточнославянской общины является довольно сложной в теоретическом плане и труднейшей в отношении ее конкретного решения. Это объясняется не только сложностью общественных отношений переходного периода, но главным образом недостатком письменных источников по данной проблеме. Известия византийских авторов, «Повести временных лет» и древнейшей части «Русской Правды» о жизни восточных славян настолько случайны и отрывочны, что не позволяют реконструировать с достаточной полнотой характер и структуру восточнославянской общины VI—X вв.[2] Этнографические материалы по этой проблеме относятся к тому времени, когда община была сильно модифицирована классовым обществом, и в изучении общины восточных славян VI—X вв. им принадлежит лишь вспомогательная роль.

Пробелы письменных и других источников могут быть восполнены за счет археологических материалов. Достижения советской археологической науки в области изучения материальной, духовной и экономической жизни восточных славян общеизвестны. Но в исследовании восточнославянской общины археологические источники еще не заняли надлежащего им места. До сих пор по этой проблематике не создано обобщенного исследования.

Советские археологи выдвинули тезис о том, что община нашла свое отражение в таком комплексе археологических памятников, как «гнездо поселений» [3]. Этот критерий опознания общины разделяется не всеми ис-

следователями. Одни из них склонны рассматривать гнезда поселений как остатки племени [4], другие — как выражение территориальной общины [5]. В. И. Горемыкина видит в гнездах поселений-городищ фратральную организацию [6]. Е. А. Горюнов объяснял возникновение гнезд поселений как результат частых перемещений поселений в связи с тем, что основным занятием населения было подсечное земледелие [7]. Поэтому критерии опознания восточнославянской общины по археологическим данным требуют дальнейшей разработки.

Разные мнения о восточнославянских гнездах поселений, т. е. относительно изолированных скоплениях памятников со своими объединяющими центрами, можно объяснить тем, что эти гнезда еще плохо изучены: не выяснена их структура, занимаемая ими территория, расстояние и границы между соседними гнездами поселений, не проведена их хронологическая классификация и т. п.

Изучение гнезд поселений зависит прежде всего от разработки социальной типологии поселений. Но эта сторона классификации восточнославянских поселений находится на начальном этапе и, естественно, археологические памятники не могли стать достоверными источниками при исследовании общинных отношений. Поэтому археологические памятники привлекаются чаще всего лишь для иллюстрации или подтверждения тех или иных концепций социальной истории, которые сложились на основании изучения письменных или других источников.

Данная работа является попыткой провести монографическое исследование тех археологических материалов, которые позволяют выяснить структуру восточнославянской общины VI—X вв. и ее эволюцию. В основу работы положены материалы археологического изучения гнезд поселений на территории Украинского Прикарпатья (рис. 1). Выбор этой территории для исследования объясняется следующими факторами.

Во-первых, Украинское Прикарпатье принадлежит к коренным восточнославянским землям. Здесь впервые были выделены достоверные славянские памятники V в.[8] С этого времени и на протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э. исследуемая территория была заселена восточными славянами. Открытые и изученные здесь археологические памятники VI—X вв. принадлежат к двум хронологически последовательным периодам славянской культуры. Первый из этих периодов представлен памятниками культуры пражского типа (вторая половина V—VII в.) и второй — памятниками культуры типа Луки Райковецкой (VIII—X вв.).

Анализ основных элементов материальной культуры (керамических комплексов, домостроительства, оборонительных сооружений и др.) позволил определить некоторые особенности археологических памятников VI—X вв. этой территории, выделив их в верхнеднестровский (прикарпатский) вариант восточнославянской культуры. Предполагается, что памятники этого варианта оставлены упомянутыми в древнерусских летописях восточными хорватами [9].

Украинское Прикарпатье не подвергалось, как показали исследования, значительным миграционным потокам других племен и народов, и материальная культура коренного восточнославянского населения здесь развивалась в сравнительно спокойном русле. Это создало благоприятные условия для изучения по археологическим данным разного рода соци-

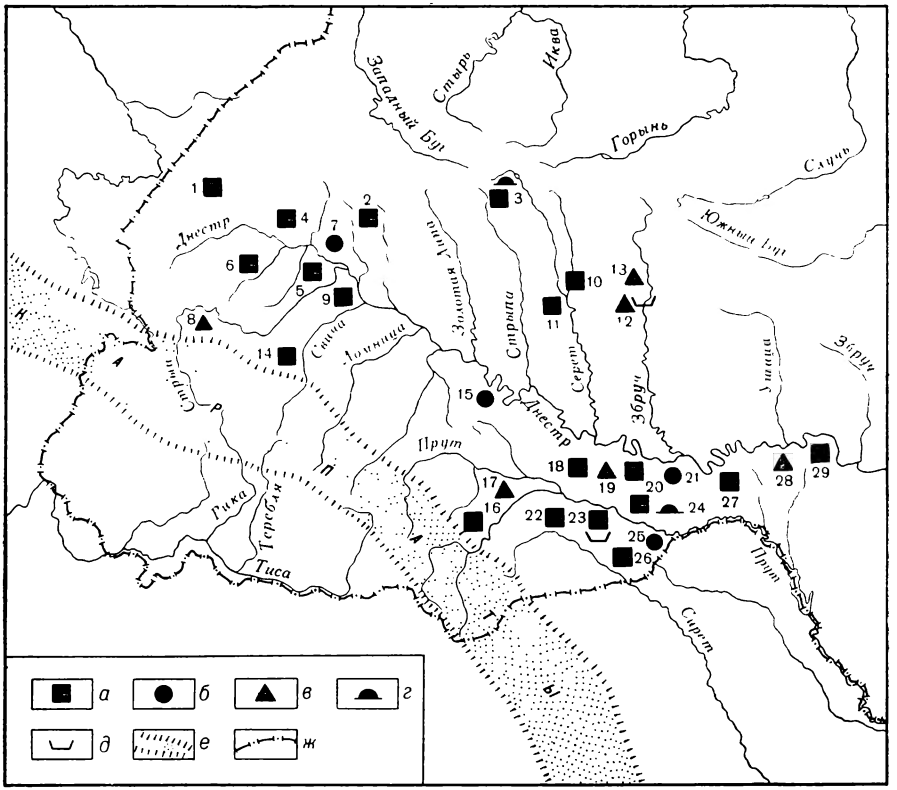


Рис. 1. Важнейшие археологические памятники VI—X вв. Украинского Прикарпатья

а — городище; *б* — селище; *в* — святилище; *г* — курганный могильник; *д* — грунтовой могильник; *е* — Карпатские горы; *ж* — государственная граница СССР; *1* — Судовая Вишня; *2* — Звенигород; *3* — Плисненск; *4* — Стольское; *5* — Жидачов; *6* — Ступница; *7* — Бовшев-Демьянов; *8* — Урич; *9* — Галич; *10* — Теребовля; *11* — Семенов; *12* — Городница; *13* — Крутилов; *14* — Нижний Струтень; *15* — Незвиско; *16* — Кобаки; *17* — Рудники; *18* — Добрыновцы; *19* — Ржавинцы; *20* — Баламутовка; *21* — Рашков; *22* — Верхние Становцы; *23* — Ревно; *24* — Горошние Шеровцы; *25* — Кодын; *26* — Червона Диброва; *27* — Хотин; *28* — Кулишовка; *29* — Ломачинцы

ально-экономических перемен в среде одного и того же восточнославянского населения.

Во-вторых, на территории Украинского Прикарпатья проведены массовые обследования и изучения гнезд поселений VI—X вв., в том числе и тех, которые расположены в лесах и на которых сохранились западины-жилища [10]. На территории Черновицкой, Иваново-Франковской и Тернопольской областей открыто более 400 славянских поселений второй половины I тысячелетия н. э. и изучена структура 36 гнезд поселений (см. приложение). Социальная и хронологическая классификация этих поселений и их комплексов позволяет приступить к исследованию восточнославянской общины VI—X вв., выяснить из каких компонентов состоит эта община, определить ее стадиальные типы, раскрыть процесс их формирова-

ния, определить функции и взаимосвязи разных типов и форм общины.

В-третьих, постепенное развитие славянской культуры на территории Украинского Прикарпатья позволило создать хронологическую шкалу керамических комплексов, на основании которых поселения можно датировать в пределах столетия и в более узких хронологических рамках. Выделено пять последовательных периодов развития восточнославянской культуры второй половины I тысячелетия н. э. этого региона [11]. Такая дробная хронология памятников дает возможность выявить особенности социально-экономического развития восточнославянского общества каждого узкого хронологического периода, определить характер эволюции восточнославянской общины.

Роль и место общины в историческом процессе впервые с позиций исторического материализма обоснованы в произведениях Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Обобщив достижения науки по этой проблеме, они показали, что община была исторически обусловленной формой человеческого общежития, обратили внимание на ее универсальность «у всех культурных народов», раскрыли характерные ее черты, предложили схему развития общины, выделив два последовательно сменяющихся основных стадиальных ее типа: родовую (кровнородственную, первобытную, архаическую) и соседскую (сельскую, территориальную). Они рассматривали общину в процессе постоянной эволюции в зависимости от развития производительных сил, создали схему расслоения родовой и становления соседской общины, выделив такие промежуточные типы, как большесемейная и земледельческая общины, и указали, что у разных народов формы перехода от родовой к соседской общине могут быть различными и требуют специального изучения [12]. Данные положения имеют прямое отношение к изучению восточнославянской общины VI—X вв.

В данной работе на основе анализа конкретных археологических материалов дается характеристика большесемейной (VI—VII вв.), земледельческой (соседско-большесемейной) (VIII—IX вв.) и трем формам соседской (X—XI вв.) общин, показана роль общинных и раннефеодальных центров в жизни восточнославянской общины, раскрывается процесс распада больших патриархальных и выделения малых семей.

Впервые привлекаются материалы селищ-спутников княжеских крепостей для характеристики феодально-зависимой общины X в., вводятся в научный оборот новые археологические данные, касающиеся крестьянской общины-верви и городской (посадской) общины. Представленные и соответственно классифицированные археологические материалы показывают более широкие возможности археологии для изучения социальной истории населения, чем это представлялось до настоящего времени.

Исследование восточнославянской общины ограничено определенными хронологическими рамками. Началом изучаемого периода является VI в. В этом столетии полностью сформировалась славянская культура пражского типа. К этому же времени относятся первые письменные упоминания о славянах под их собственным именем. В конце X в. завершается процесс включения восточных хорватов, живших на территории Украинского Прикарпатья, в состав Древнерусского государства, что определило верхнюю границу исследуемого периода.

Алаев Л. Б. Община // Советская историческая энциклопедия. 1967. Т. 10. С. 418--424; *Данилова Л. В.* Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 26—66; *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978. С. 9—60; *Маретин Ю. В.* Социальная типология общины // Тез. докл. и сообщ. XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972. Вып. 2. С. 165—170; *Рапов О. М.* Была ли вервь «Русской Правды» патронимией? // СЭ. 1969. № 3. С. 108—118; *Фроянов И. Я.* Семья и вервь в Киевской Руси: (По поводу статьи О. М. Рапова) // СЭ. 1972. № 2. С. 90—97; *Кизилов Ю. А.* Спорные вопросы истории древнерусского феодализма // История СССР. 1973. № 5. С. 146—155; *Серов О. В.* К вопросу о стадиальной типологии общины // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев, 1987. С. 85—91.

В советской исторической науке из-за отсутствия достоверных данных существуют различные точки зрения об уровне развития восточнославянской общины. Одни исследователи полагают, что у восточных славян второй половины I тысячелетия н. э. существовала соседская община (*Третьяков П. Н.* Вопросы и факты археологии восточных славян // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 172; *Довженок В. И.* Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 34—38; *Баран В. Д.* Пражская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 149), другие — родовая община (*Фроянов И. Я.* Киевская Русь; Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 13—19), третьи — время VI—VIII вв. рассматривают как переходный период от родовой или семейной к соседской общине (*Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74. С. 224—225; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 238, 256; *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 244).

[3] *Третьяков П. Н.* Работы на строительстве Ярославской гидростанции // Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. Известия ГАИМК. 1935. Вып. 109. С. 162; *Он же.* Восточнославянские племена. М.; Л., 1948. С. 152—156.

[4] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 16; *Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Об общественном строе восточных славян VIII—IX вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 131; *Куза А. В.* Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981. С. 33—36.

[5] *Третьяков П. Н.* Общественный и политический строй восточнославянских племен в первой половине I тысячелетия н. э. // Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958. С. 94; *Он же.* Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 54—55; *Он же.* Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н. э. // СА. 1974. № 2. С. 81.

[6] *Горемыкина В. И.* К проблеме истории докапиталистических обществ: (На материале Древней Руси). Минск, 1970. С. 30.

[7] *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. С. 12, 13.

[8] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М., 1984. С. 23—28; *Баран В. Д.* Пражская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 147.

[9] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 66, 67.

[10] Целенаправленное изучение гнезд поселений VI—X вв. на территории Украинского Прикарпатья проводилось экспедицией Черновицкого университета в 1968—1973 гг. (Б. А. Тимощук) и Прикарпатской экспедицией Института археологии АН СССР в 1974—1985 гг. (И. П. Русанова, Б. А. Тимощук).

[11] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976. С. 8—46; *Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П.* Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V—X вв. // СА. 1981. № 2. С. 84. Рис. 4.

[12] *Маркс К.* Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 130—136; *Он же.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 400—421; *Энгельс Ф.* Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 495, 496; *Он же.* Анти-Дюринг // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 183, 184; *Он же.* Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 327—345; *Он же.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 23—178; *Андреев И. Л.* К. Маркс о закономерностях развития общины // ВИ. 1979. № 12. С. 3—17; *Он же.* К. Маркс о месте общины во всемирной истории в набросках ответа на письмо В. И. Засулич // СЭ. 1979. № 5. С. 3—20; *Голубцова Е. С.* К. Маркс о роли общины в древнем мире // ВДИ. 1983. № 3. С. 3—8; *Тер-Акопян Н. Б.* Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973. С. 167—220.

СОЦИАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ VI—X вв.

Классификация поселений по их типам и периодам определяется целями и задачами данного исследования: изучить социальные структуры восточных славян на разных этапах их развития. Типологию, которая служит этим целям, называем социальной, так как она направлена на раскрытие социального содержания исследуемых поселений.

Социальная типология позволяет путем выбора определенных археологических признаков (это всегда будет не один, а комплекс главных и второстепенных признаков) привести в систему все многообразие поселений, выявить общие и индивидуальные их черты, определить социальные функции поселений и на этой основе приступить к исследованию такого социального микроорганизма как восточнославянская община.

Советские археологи уделяют постоянное внимание раскрытию социального содержания восточнославянских поселений. Но пока нет единых принципов социальной типологии этих поселений. Часто деление поселений на типы проводится по их внешним признакам, без должного учета внутренних, более важных признаков [1]. Иногда для типологии используются археологические признаки, которые указывают не на общие, а на индивидуальные особенности поселений. Этим и объясняется тот факт, что часто одни и те же памятники получают различную социальную оценку. Например, восточнославянские городища VIII—IX вв. одни исследователи принимали за остатки общинных центров [2], другие — за остатки феодальных замков [3], третьи — за остатки родовых поселений [4]. Таких примеров можно привести и больше.

Восточнославянские поселения VI—X вв. Украинского Прикарпатья частично уже подвергались социальной типологии [5]. В данной работе социальная типология этих же поселений и их хронологическая классификация рассматриваются на новом уровне, с учетом новейших археологических данных.

Социальная типология селищ

Важным критерием социальной типологии поселений является планировка и характер их застройки: особенности группировки жилищ, хозяйственных и производственных построек, наличие площадок общего пользования, наличие или отсутствие индивидуальных усадеб и др. Этот критерий позволяет получить наиболее полную информацию о функциональном назначении поселений.

Достаточные данные о характере застройки селища можно получить лишь тогда, когда оно будет раскопано полностью. При этом следует учитывать не только застроенную часть селища, но и зону хозяйственной деятельности его жителей: огороды, поля, пастбища, древние карьеры и т. п. Например, благодаря изучению зоны хозяйственной деятельности были выделены сезонные производственные поселки, жители которых занимались добычей железной болотной руды [6].

Селища VI—X вв. в настоящее время известны в большом количестве. Небольшая часть из них раскопана полностью или в значительной своей части [7]. При этом получены важные данные о характере их застройки. Они дополняются массовыми материалами обследования тех селищ, на территории которых сохранились следы древних построек в виде западин и других внешних признаков. На территории Украинского Прикарпатья жилища, иногда и хозяйственно-производственные постройки VI—X вв., были углублены в землю. На месте их котлованов, расположенных в лесах и на древних неподвергавшихся распашке пастбищах, часто сохраняются западины стабильных очертаний, позволяющие судить о планировке и размерах селища даже без раскопок.

Западины-жилища [8] четко отличаются от углублений, образовавшихся при других обстоятельствах, следующими признаками: 1) они имеют корытообразную, овальную, иногда прямоугольную с закругленными углами форму (рис. 2). Размеры западин-жилищ приблизительно такие же, как и древних жилищ; 2) вокруг западины-жилища почти всегда лежит в определенном порядке выброс земли из котлована, что увеличивало глубину котлована (рис. 2, *г*). В отдельных случаях прослеживается вход в жилище в виде неширокого (до 1 м) разрыва насыпи выброса (рис. 2, *Б*); 3) западины-жилища почти всегда образуют скопления и располагаются в определенном порядке. Иногда возле этих западин-жилищ находятся западины от хозяйственных ям диаметром около 1 м (рис. 2, *в*).

Благодаря сохранившимся западинам есть возможность еще до начала раскопок определить размеры селища, его планировку, приблизительное количество на нем древних построек. Это касается главным образом однослойных селищ, время существования которых было недолговременным и которые датируются найденными на их территории обломками керамики и другими находками. Конечно, и на однослойных поселениях жилища могут быть не вполне одновременными. Следует иметь в виду, что и раскопанные жилища не всегда можно разделить на четкие хронологические периоды, так как часто в них мало материала и он недостаточно выразителен. Поэтому даже полностью раскопанное поселение не всегда дает исчерпывающую информацию о его планировке в определенный период его обитания, количестве синхронных жилищ и т. п.

На долговременных поселениях западины-жилища обычно располагаются довольно плотно одна возле другой, но имеют неодинаковую глубину. Западины на месте более древних жилищ, как правило, меньшей глубины, так как еще в древности они служили местом свалки и были заполнены мусором (обломками керамики, костями животных, камнями, углями и т. п.). Западины-жилища, относящиеся к последнему этапу жизни селища, чаще всего имеют бо́льшую глубину, чем более древние жилища этого же поселения. Таким образом, и долговременные поселения с запа-

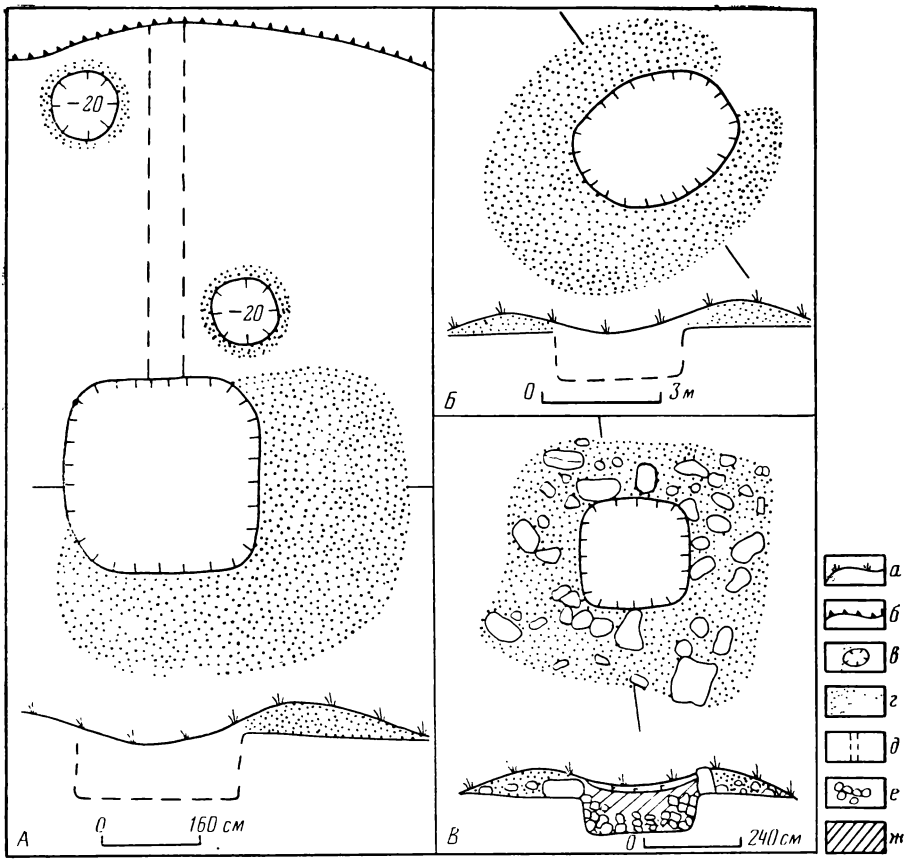


Рис. 2. Западины-жилища и западины-погреба

А — Грозинцы; *Б* — Черновка; *В* — Городница; *а* — современная поверхность земли; *б* — обрыв берега реки; *в* — яма-погреб; *г* — земля, выброшенная из котлована; *д* — тропинка к реке; *е* — камни; *ж* — серая земля

динами-жилищами могут дать приблизительное представление не только о размерах поселений, но и о его планировке в разное время.

Археологи, исследуя славянские поселения, неоднократно обращали внимание на западины-жилища [9]. Так, перед началом раскопок Новотроицкого городища И. И. Ляпушкин на его площадке насчитал 40 западин-жилищ, а при раскопках их оказалось 47 [10]. Но площадка городища частично обрабатывалась под посевы и, естественно, на этой ее части западины-жилища были снивелированы. Следовательно, западины-жилища Новотроицкого городища еще до начала раскопок дали почти верное представление о количестве жилищ и о его планировке.

Особое внимание западинам-жилищам уделила А. Н. Москаленко при исследовании городища Титчиха. Она выделила отдельные группы жилищ по западинам на этом поселении, приняв их за остатки патронимий [11].

П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков определили территорию селища возле Большого Борщевского городища по западинам-жилищам [12].

Поселения с западинами-жилищами на территории Украинского Прикарпатья специально изучаются на протяжении многих лет [13]. Здесь они обнаружены более чем в 80 пунктах. На каждом из этих поселений сняты планы расположения западин-жилищ и собраны материалы о их датировке. Данные о планировке поселений с западинами-жилищами, подтвержденные материалами полностью раскопанных селищ, относим к главному критерию социальной типологии памятников этого типа.

Значительное влияние на формирование типов селищ оказывало социально-экономическое развитие общества. От него в значительной мере зависели размеры селищ. Например, в период господства подсечной системы земледелия преобладали рядовые селища небольших размеров, и с переходом к паровой системе земледелия их размеры значительно увеличиваются. Учитывая то, что размеры селищ почти всегда можно определить средствами археологии, этот признак также относим к важным категориям социальной типологии селищ.

Почти каждое селище VI—X вв., как теперь выясняется, является остатками не отдельного социального микроорганизма [14], а лишь его составной частью. Поэтому необходимым условием изучения по археологическим данным социально-экономических функций того или иного селища является определение места селища в составе микроорганизма — гнезда-общины, его отношение к общинному или феодальному центру. Это следующий важный критерий социальной типологии селищ.

Итак, существенными, устойчивыми и общезначимыми критериями, позволяющими установить закономерности сходства и различия отдельных селищ VI—X вв. по их социальному содержанию, являются: 1) планировка селища (особенности группировки жилищ, хозяйственных и производственных построек, наличие площадок общего пользования — дворов, индивидуальных усадеб и т. п.); 2) размеры селища (общая площадь, количество одновременных жилищ и других построек); 3) место селища в гнезде поселений, его отношение к общинному или другому центру. Устойчивое сочетание археологических признаков согласно этим критериям определяет тип селища. Конечно, при типологизации селищ следует учитывать и другие, второстепенные признаки (типы жилищ и их ориентация, наличие оград и т. п.). Но не они являются определяющими при выделении типов селищ. Им принадлежит вспомогательная роль в типологии.

Согласно первым двум главным критериям, селища VI—X вв. на современном уровне их изучения можно разделить на четыре основные группы: малые селища площадью до 1 га, на которых насчитывается от 6 до 15 синхронных жилищ, сгруппированных вокруг или возле площадки-двора коллективного пользования; большие селища площадью до 10 га, на которых насчитывается несколько десятков синхронных жилищ, расположенных отдельными большими группами со своими площадками-коллективными дворами; миниатюрные селища площадью до 0,5 га, состоящие из 2—5 синхронных жилищ, рядом с которыми находятся хозяйственные постройки; большие селища, на которых нет площадок—коллективных дворов и выделяются небольшие группы жилищ вместе с их хозяйственно-производственными постройками, а также индивидуальные усадьбы.

Типологическая классификация селищ показывает, что существенными особенностями их планировки являются, во-первых, наличие или отсутствие площадок-коллективных дворов и, во-вторых, характер группировки жилищ и хозяйственных построек. Например, если ямы-погреба на селище сгруппированы в одном месте и отдельно от жилищ, то это дает основание полагать, что эти погреба находились в общем пользовании жителей селища, сохраняющих между собой родственные или общественные связи.

Третий критерий социальной типологии селищ (место селищ в гнездах поселений) позволяет, кроме основных, выделить другие, не основные типы селищ. Так, в центре гнезда поселений могут располагаться крупные селища, площадь застроенной части которых составляет более 10 га и количество синхронных жилищ на их территории может превышать сотню. На территории этих селищ обычно имеются значительные остатки ремесла. Эти селища являлись общинными центрами.

Большинство общинных центров VIII—IX вв. были укреплены. Их остатками являются городища этого времени. Расположение селищ по отношению к этим городищам неодинаково. Одни селища располагаются рядом с этими городищами, в одинаковых с ними топографических условиях. Эти селища начинали свое функционирование, как правило, одновременно с городищами, возле которых расположены, и прекращали свое существование вместе с ними. Такие селища выделяются в отдельный тип — селища-спутники городищ-общинных центров.

На определенном этапе исторического развития на территории гнезд-поселений появляются укрепленные феодальные центры, возле которых располагались зависимые от них села. Остатки последних также находятся рядом с городищами в одинаковых с ними топографических условиях. Хронологические рамки этих селищ обычно совпадают с такими же рамками функционирования городищ. Эти селища также выделяются в отдельный тип — селища-спутники городищ—феодальных центров.

Итак, селища второй половины I тысячелетия н. э., согласно главным критериям социальной типологии, делятся на следующие типы: 1) малые селища, состоящие из 6—15 синхронных жилищ, расположенных вокруг или около площадки-коллективного двора; 2) большие селища, состоящие из нескольких групп жилищ, каждая из которых сконцентрирована около своей площадки-коллективного двора; 3) миниатюрные селища, состоящие из 2—5 одновременных жилищ; 4) селища, на которых нет площадок-коллективных дворов, но выделяются отдельные небольшие группы жилищ в количестве не больше шести, а также индивидуальные усадьбы; 5) крупные селища со следами ремесла — общинные центры; 6) селища-спутники городищ—общинных центров; 7) селища-спутники городищ—феодальных центров.

Селища первого типа исследованы более чем в 60 пунктах. На многих из них сохранились западины-жилища, дающие общее представление о размерах и планировке этих селищ, количестве жилищ на их территории [15]. Особый интерес представляют те из них, которые существовали сравнительно недолго и имеют естественные границы. К числу таких принадлежит, например, селище Черновка VII (рис. 3, *А*), которое входит в состав Черновского гнезда поселений (см. приложение).

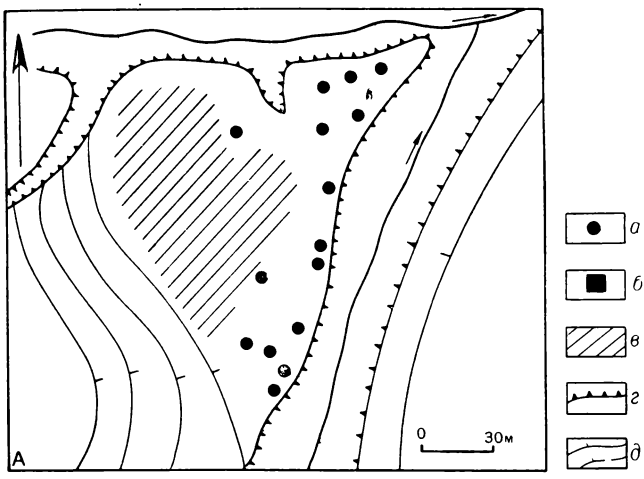
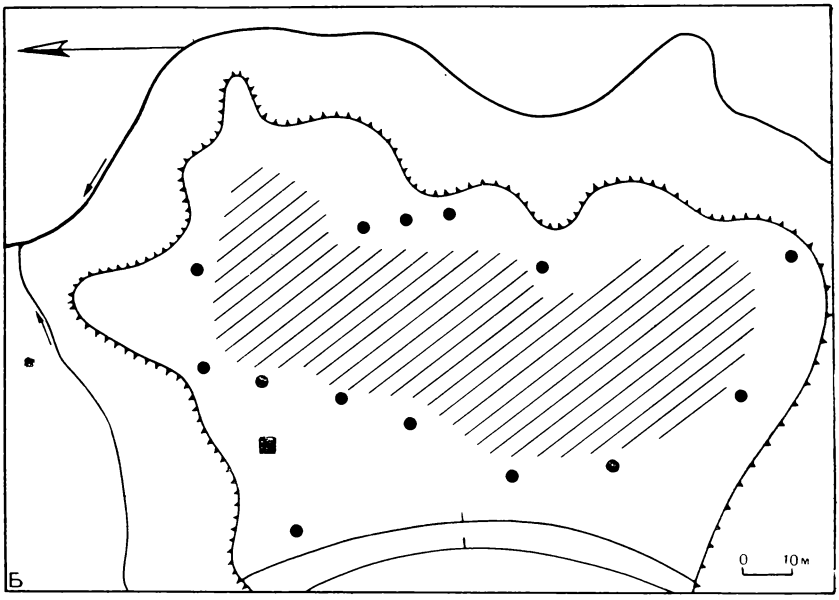


Рис. 3. Селища

А — Черновка VII,
Б — Веретенниково:
а — западина-жилище;
б — раскопанное жилище;
в — площадка-двор;
г — обрыв берега;
д — склоны холма



Селище Черновка VII расположено на первой надпойменной террасе ручья, выше по течению других синхронных селищ, и имеет естественные границы. Мыс площадью около 1 га, на котором находится это поселение, ограничен с трех сторон глубокими оврагами, а с четвертой — высоким плато. Вся площадка мыса ровная, удобная для размещения на ней жилищ. Но эти жилища (они датируются керамическими комплексами IX—X вв., и от них сохранилось 15 западин) расположены у края площадки, оставляя в центре значительную площадь незастроенной. Расположение жилищ

по отношению к незастроенной площадке таково, что позволяет принять эту площадку за двор общего пользования [16].

Площадка-коллективный двор размерами 100×30 м хорошо выделяется на селище Веретинниково, входящем в Ревнянское гнездо поселений (рис. 3, *Б*). Это селище расположено на мысу левого берега р. Ревняк, занимает территорию размером около 1 га, которая с трех сторон окружена оврагами, а с четвертой — возвышающимся плато. На селище сохранилось 15 западин-жилищ (одно из них раскопано), которые расположены вокруг незастроенной стационарными жилищами площадки—двора.

Расположение жилищ по отношению к площадкам—коллективным дворам не всегда одинаково и зависело от конкретных условий той или иной местности. В одних случаях площадки—коллективные дворы находятся в окружении жилищ, в других — эти площадки располагаются не в центре, а на краю поселения. Примером последнего может быть селище Парикова I (Садгорское гнездо поселений) (рис. 4). Оно расположено на мысу, окруженном с трех сторон глубокими оврагами. На территории селища площадью 0,7 га находится 21 западина-жилище. Все они размещены на склонах мыса, оставляя свободной от застройки стационарными жилищами горизонтальную площадку размерами 120×25 м, расположенную вдоль ручья (рис. 4, *Б*, *в*). Эта площадка, по всей вероятности, находилась в общем пользовании жителей всего поселка.

Более достоверные данные о планировке и характере застройки селищ получены при исследовании тех из них, которые раскопаны полностью или в большей своей части. На этих поселениях хорошо выделяются площадки-коллективные дворы — главный археологический признак селищ первого типа.

Площадка-коллективный двор обнаружена при сплошном исследовании селища Кодын II (Острицкое гнездо поселений) (рис. 5). На этом селище (его размеры 60×27 м) раскопано 37 жилищ (полуземлянки с печами-каменками и стенами столбовой конструкции) и 2 полуземлянки—ремесленные мастерские. Все постройки укладываются в хронологические рамки от второй половины V и до рубежа VIII—IX вв. Обращает на себя внимание тот факт, что принцип устройства всех раскопанных жилищ одинаков и они представлены приблизительно сходным составом находок (лепная глиняная посуда, железные ножи, костяные проколки, глиняные пряслица).

В южной части селища Кодын II находилась площадка-коллективный двор размерами 20×10 мм (рис. 5, *е*). На ней не было стационарных жилищ, которые окружают площадку со всех сторон. На площадке-дворе раскопано 8 ям-погребов. Некоторые из этих ям имеют значительные размеры. Например, диаметр ямы 7 больше 2 м (ее глубина не определена, так как верхняя часть ямы срезана пахотой). Сосредоточение такого количества ям-погребов в одном месте, отдельно от жилищ (это также важный археологический признак селищ первого типа), позволяет утверждать, что они служили хранилищами общего пользования. Кроме ям-погребов общего пользования, на селище раскопаны такие же ямы индивидуального пользования. Они располагаются рядом с жилищами, а в отдельных случаях — внутри жилищ.

«Археологический центр»

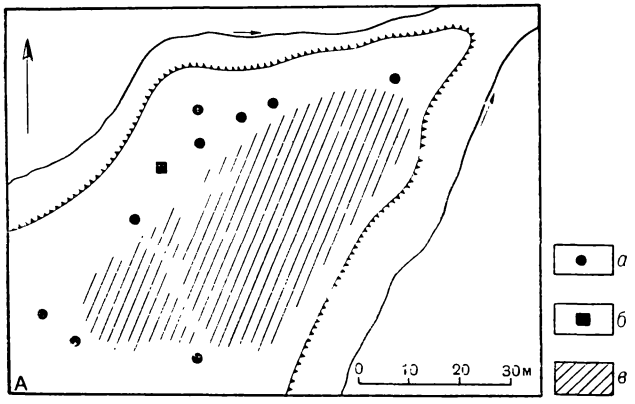


Рис. 4. Селища

А — Грушевка,
Б — Парикова;
а — западина-жилище;
б — раскопанное жилище;
в — площадка общего пользования

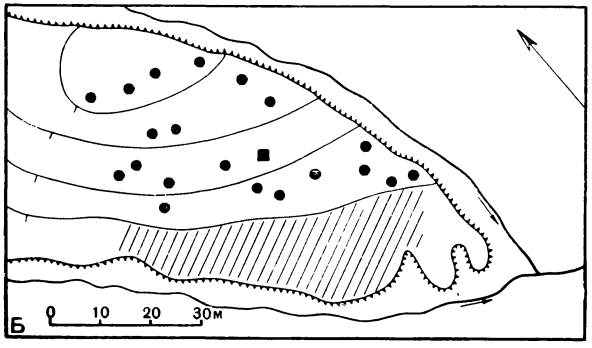
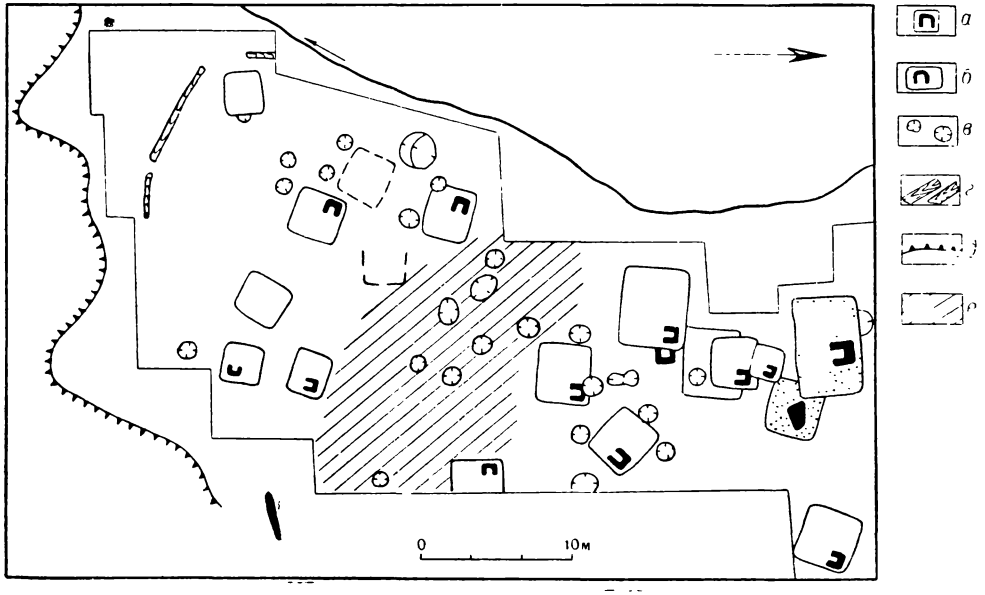


Рис. 5. Селище Кодын II

а — жилище;
б — ремесленная мастерская;
в — ямы-погреба;
г — древняя канава;
д — крутой склон;
е — площадка общего пользования



На славянском селище Теремцы (левый берег Среднего Днестра), которое исследовалось широкой площадью, выделяется два отдельных скопления жилищ: северное и южное [17]. Более полно исследована северная группа жилищ. Она состоит из 15 жилищ-полуземлянок, расположенных вокруг овальной площадки-коллективного двора размерами 24 и 18 м. На этой площадке раскопаны 2 хозяйственные постройки (полуземлянки без отопительных сооружений) и 15 ям-погребов. Сооружения на площадке-дворе следует принять за хранилища общего пользования.

Площадка общего пользования диаметром около 50 м исследована на славянском поселении VI—VII вв. Семенки на Южном Буге [18]. Она расположена в центре селища в окружении жилищ (полуземлянок с печами-каменками) и хозяйственных построек. Селище Семенки функционировало более двух столетий, и здесь выделяется два периода застройки (VI и VII вв.). Площадка-коллективный двор оставалась свободной от застройки стационарными жилищами на протяжении всего времени существования этого поселения. Таким образом, и здесь площадка общего пользования являлась важной составной частью селищ первого типа. Обращает на себя внимание и то, что хозяйственные постройки располагаются независимо от жилищ — признак того, что эти постройки являлись коллективной собственностью жителей всего поселка.

На площадке-коллективном дворе селища Данчены I в Молдавии раскопаны 4 производственные нишеобразные печи и 7 ям-хранилищ [19]. Коллективный двор размерами 20×15 м раскопан на славянском поселении IX—X вв. в Луцке, в урочище Гнидава [20]. Одной стороной этот двор примыкал к обрыву берега р. Стырь, а с других сторон его окружали жилища и постройки производственно-хозяйственного назначения. На территории двора находились ямы-погреба коллективного пользования.

В плане нашего исследования вызывает интерес поселение Корчак VII, которое имеет естественные ограничения и раскопано полностью [21]. Жилища этого селища (их раскопано 16, и они датируются VI—VII вв.) располагались вдоль гребня возвышения, в основном по его южному склону. Около домов, иногда внутри их помещений, находились небольшие ямы-погреба. Основная же масса ям-погребов сосредоточивалась в центральной части поселка и по северному склону дюны. Здесь же располагались хозяйственные наземные постройки и 2 печи для обжига болотной руды. Эти хранилища и хозяйственно-производственные постройки находились в общем пользовании.

Такая же ситуация раскрылась и на селище Корчак IX (на нем раскопаны 7 жилищ-полуземлянок VI—VII вв.). Основная масса ям-погребов сосредоточивалась в центре поселка и на его восточной окраине, где также находились 2 большие наземные постройки хозяйственного назначения [22]. Кроме отдельных скоплений ям-погребов общего пользования, на этом селище раскопаны ямы-погреба индивидуального пользования, которые располагались возле жилищ.

Наличие на селищах первого типа общественных и индивидуальных (личных) хранилищ подтверждается материалами селища Кодын I. На его территории размерами 60×50 м раскопано 25 жилищ—полуземлянок второй половины V—VIII в., 3 ремесленные мастерские и 2 постройки-хранилища [23]. Одно хранилище представляло собой наземную постройку раз-

мерами 5,2 и 4,9 м с глиняными стенами на каркасе из плетня. По центральной оси этой постройки находились 3 хозяйственные ямы. В этом помещении могли храниться общественные запасы. На этом же селище раскопаны ямы-погреба, располагавшиеся рядом с жилищами, а в двух случаях ямы-погреба находились в середине жилищ 27 и 28. Это ямы-погреба индивидуального пользования.

Итак, есть возможность назвать следующие наиболее характерные археологические признаки селищ первого типа: селища имели небольшие размеры. Застроенная их площадь не превышала 1 га, на которой одновременно могло функционировать не больше 10—15 жилищ; в центре или на краю селищ находились площадки-коллективные дворы, на которых могли располагаться постройки общественного назначения; для селищ первого типа характерно сочетание общественных и индивидуальных (личных) хранилищ. Первые из них концентрировались кучно в одном месте, без связи с жилищами, а индивидуальные ямы-погреба располагались возле жилищ или же внутри них; жилища на селищах первого типа имели одинаковый принцип устройства (например, полуземлянки с печами-каменками), и в них находился однотипный бытовой инвентарь.

Археологические данные позволяют утверждать, что селища первого типа принадлежали коллективам людей, которые вели безраздельное, совместное хозяйство. Об этом свидетельствуют раскопанные хранилища общего пользования, площадки-коллективные дворы и общие хозяйственные участки. Жители этих поселков, по всей вероятности, сообща обрабатывали землю, которая находилась в общем их пользовании. Некоторым подтверждением такого предположения могут быть коллективные зернохранилища, а также находки «кладов» сельскохозяйственных орудий производства.

На поселении Макаров остров в Среднем Поднепровье, которое относится к селищам первого типа, раскопано 10 жилищ-полуземлянок VIII—X вв.[24] В жилище 1 найден «клад», состоящий из железного наральника, двух мотыг, шести серпов и других предметов. Количество орудий обработки земли и уборки урожая в «кладе» явно больше, чем это требовалось для одной брачной семьи. Здесь следует согласиться с предположением, что этими орудиями владели жители всего поселка, но они хранились в одном месте [25].

К категории находок такого типа следует отнести также «клад» сельскохозяйственных орудий из городища-общинного центра Холопий Городок возле Новгорода. В составе этого «клада» (он датируется IX в.) есть сошники (2), косы (2), топор, мотыжка и др.[26]

Если орудия обработки земли находились в общем пользовании, то следует признать, что и земля, которая обрабатывалась этими орудиями, находилась в общем пользовании. Следовательно, продукты питания жители селищ первого типа добывали сообща, но ежедневное потребление этих продуктов было обособленно в пределах брачных семей, о чем свидетельствуют ямы-погреба личного пользования. Какая-то часть коллективно добытых продуктов питания составляла общественный запас и хранилась в общественных хранилищах.

В свете выше изложенного не будет ошибкой, если селища первого типа принять за остатки коллективных усадеб [27] таких родственных групп,

как большие патриархальные семьи. Во-первых, они упоминаются под названием «дым» на страницах «Повести временных лет», и эти упоминания относят к VIII—IX вв.[28], т. е. времени существования селищ первого типа. Во-вторых, археологические данные о селищах первого типа во многом совпадают с этнографическими данными о «дворищах», принадлежавших большим патриархальным семьям. Например, средневековое «дворище» имело коллективную усадьбу и объединяло 5—11 домов [29]. Приблизительно такое же количество одновременных жилищ насчитывается и на селищах первого типа: 5—6 [30] до 10—15 [31], но не больше. Площадь этих жилищ редко превышала 20 кв. м. В каждом таком жилище могло жить в среднем 5 человек [32]. Таким образом, население поселка-селища первого типа насчитывало не больше 50—70 человек. Именно такое количество людей в соответствии с уровнем развития производительных сил второй половины I тысячелетия н. э. вполне обеспечивало ведение общего нераздельного хозяйства.

Большая патриархальная семья в переходный период от первобытности к классовому обществу состояла из трех и больше поколений потомков одного отца и управлялась старейшиной [33]. Она была сплочена представлением о своем происхождении от общего предка и являлась формой семьи, входящей в состав общины, а не самостоятельным социальным микроорганизмом. Селище, являющееся остатками поселка патриархальной семьи, в нашем исследовании получило название «селище-патриархальная семья».

Поселения, которые являются остатками нескольких, расположенных рядом «селищ-патриархальных семей», относятся, согласно предложенной классификации, ко второму типу. Определенное представление об их структуре дают те из них, на которых хорошо сохранились западины-жилища. Например, большое селище в Широкой Поляне (Широкополянское гнездо поселений) состоит из двух селищ-патриархальных семей, расположенных рядом, но на отдельных мысах (рис. 6, *А*). На них — одинаковое количество западин-жилищ (12), и их планировка одинакова: жилища каждого малого селища окружают отдельную площадку-двор.

На Надобоевском большом селище [34] выделяются три отдельные группы западин-жилищ со своими площадками-коллективными дворами (рис. 6, *Б*). Они территориально соприкасаются, но разделены между собой неглубокими оврагами. По количеству западин-жилищ выделяется центральная группа (2). Здесь сохранилось 25 западин-жилищ, и расположены они довольно плотно. Эта группа, по-видимому, наиболее древняя, так как здесь имеются западины, заполненные древним мусором. Другие группы жилищ могли образоваться путем отпочкования от этой центральной группы. Если это так, то следует вывод, что жители всех групп жилищ этого поселения могли быть родственными между собой.

Подобную ситуацию имеем и на Малокучуровском большом селище (Малокучуровское гнездо поселений), где выделяется не менее трех групп западин-жилищ с отдельными площадками-коллективными дворами (рис. 7, *Б*). Центральное место здесь занимает группа I, состоящая из 13 западин-жилищ. Все жилища этой группы располагаются вдоль берега реки, на ровной площадке. Другие группы жилищ с площадками-дворами расположены в иных топографических условиях, на мало удобных для жизни склонах. Такое их размещение можно объяснить тесными связями

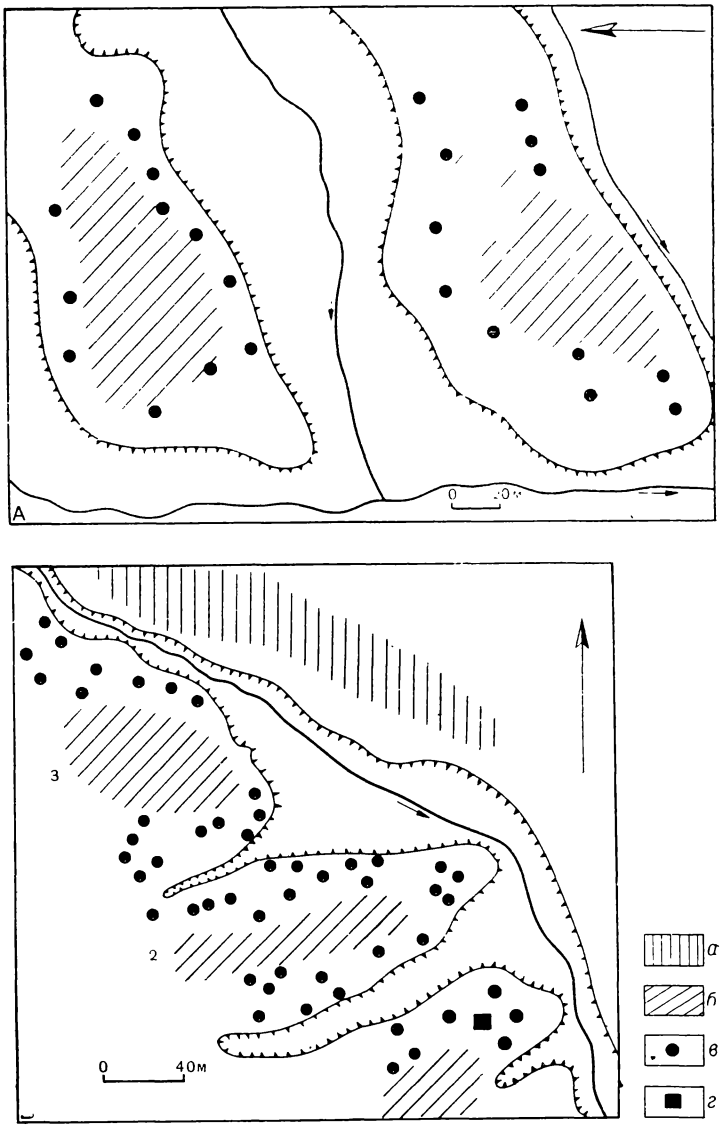


Рис. 6. Селища

А — Широкая Поляна, *Б* — Недобоевцы; *а* — распаханная часть селища; *б* — площадка-двор; *в* — западина-жилище; *г* — раскопанное жилище

со своим родственным центральным поселком. Большие патриархальные семьи, остатками жизни которых здесь являются отдельные группы западин-жилищ со своими площадками-дворами, могли разрастаться до определенных размеров, соответствующих уровню социально-экономического развития общества того времени. Со временем от них отпочковывались новые

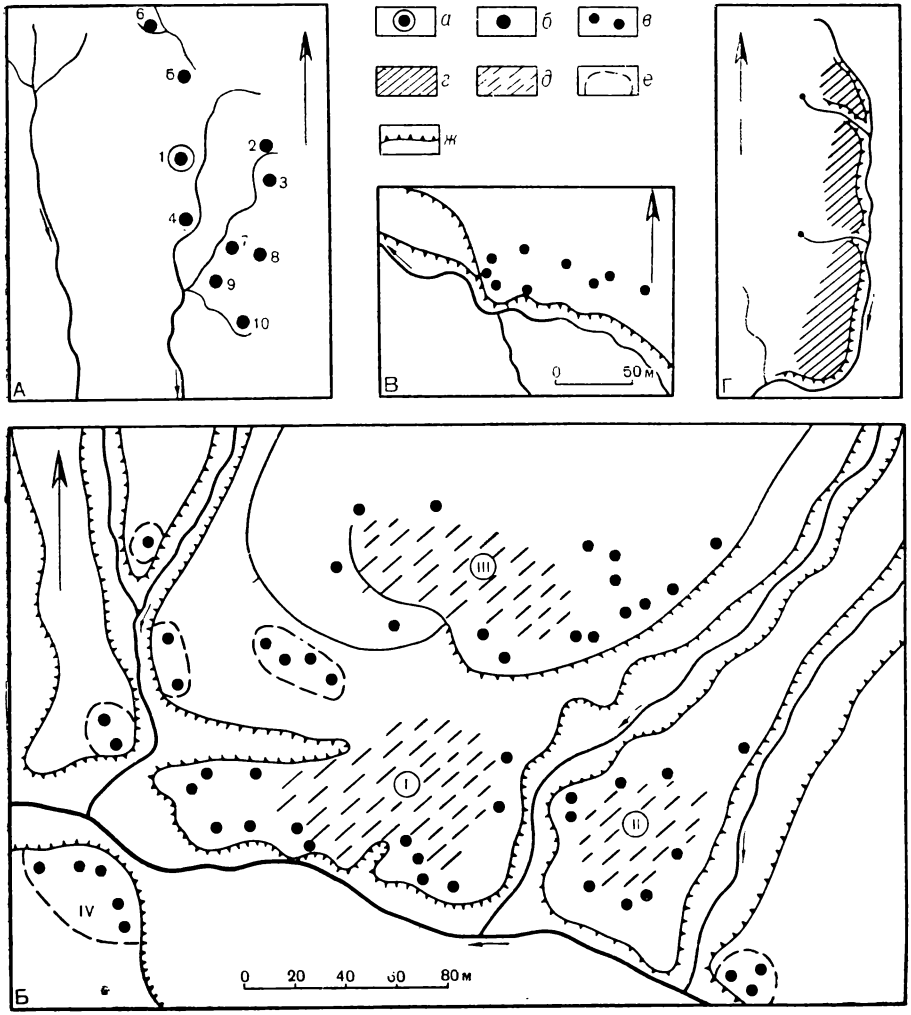


Рис. 7. Малокучуровское гнездо поселений

А — схема расположения селищ: *Б* — «У вояка»; *В* — «Четыре дуба»; *Г* — Вербовцы-центр; *а* — общинный центр; *б* — селище; *в* — западины-жилища; *г* — территория селища; *д* — площадка-двор; *е* — группа жилищ; *ж* — крутой склон

патриархальные семьи, которые часто селились рядом со своим материнским ядром. Отделившиеся семьи при таких обстоятельствах вынуждены были селиться в местах, которые были менее удобны для жизни.

Такой порядок образования больших селищ с несколькими площадками-дворами подтверждается также материалами раскопок поселений этого типа. На поселении Лука Каветчинская, которое раскопано в большей своей части, выделяется не менее трех групп жилищ со своими отдельными площадками-дворами [35]. Судя по плотности и характеру застройки,

наиболее древней является центральная группа жилищ. Здесь выделяются: а) хозяйственный участок, где раскопаны 2 хозяйственные постройки и несколько ям-погребов, и б) площадка-коллективный двор, на которой находились ремесленная мастерская и ямы-погреба. Две другие группы жилищ, принадлежавшие двум патриархальным семьям, могли сформироваться вследствие отпочкования от центральной, более древней патриархальной семьи.

Патриархальные семьи, поселки которых располагались рядом, по всей вероятности, вели свое происхождение от одного предка и были родственными между собой. Такие социальные структуры этнографы называют патронимиями [36]. Структура патронимий на разных этапах исторического развития была неодинаковой. Они могли объединять то большие патриархальные, то малые индивидуальные семьи [37]. Селища второй половины I тысячелетия н. э. с несколькими площадками-коллективными дворами (селища второго типа) принадлежали большим патриархальным семьям, поселки которых располагались рядом. Такую структуру более целесообразно называть не патронимией, в понятие которой включаются разные структурные единицы, а «селище — группа патриархальных семей».

Селища первого и второго типов (селища-патриархальные семьи и селища-группы патриархальных семей) характерны для всех периодов развития восточнославянской культуры VI—IX вв. Третий и четвертый типы селищ (миниатюрные селища, состоящие из небольших групп жилищ и индивидуальных усадеб) характерны лишь для культуры типа Луки Райковецкой (VIII—X вв).

Миниатюрные селища впервые были обнаружены при сплошном обследовании территории гнезд-общин благодаря сохранившимся на территории этих селищ западинам-жилищам. Эти селища, состоящие не более чем из 5—6 синхронных жилищ, располагаются, как правило, недалеко от большого и синхронного им селища. Примером такого расположения могут быть селища у с. Бузовица (Бабинское гнездо поселений) (рис. 8, *А*). Здесь обнаружены три миниатюрных селища, расположенные на некотором расстоянии от большого селища IX—X вв. (рис. 8, *Б*, *В*). Более раннее из них (миниатюрное селище 2) расположено вверх по ручью, в 150 м от основного, большого селища. На этом миниатюрном селище сохранилось 6 западин-жилищ, давших лепную и гончарную керамику типа Луки Райковецкой (IX в). Неодинаковая глубина западин-жилищ позволяет предположить, что на этом селище есть более ранние (мелкие, заполненные древним мусором) и более поздние (глубокие, без древнего мусора) жилища.

Второе миниатюрное селище (3) расположено в одном километре от большого селища, вниз по ручью, на его левом берегу (рис. 8, *Б*). Оно состоит из четырех западин-жилищ, расположенных на склоне, хотя рядом на берегу ручья есть удобная для поселения горизонтальная площадка. В 300 м вниз по ручью от селища 3, на том же берегу ручья, находится еще одно миниатюрное селище (4). Здесь на мысу размерами 40×40 м сохранились три западины-жилища (рис. 8, *В*).

Пока ни одно отдельно расположенное миниатюрное селище не раскопано полностью и нет данных о их структуре. Но оказалось, что мини-

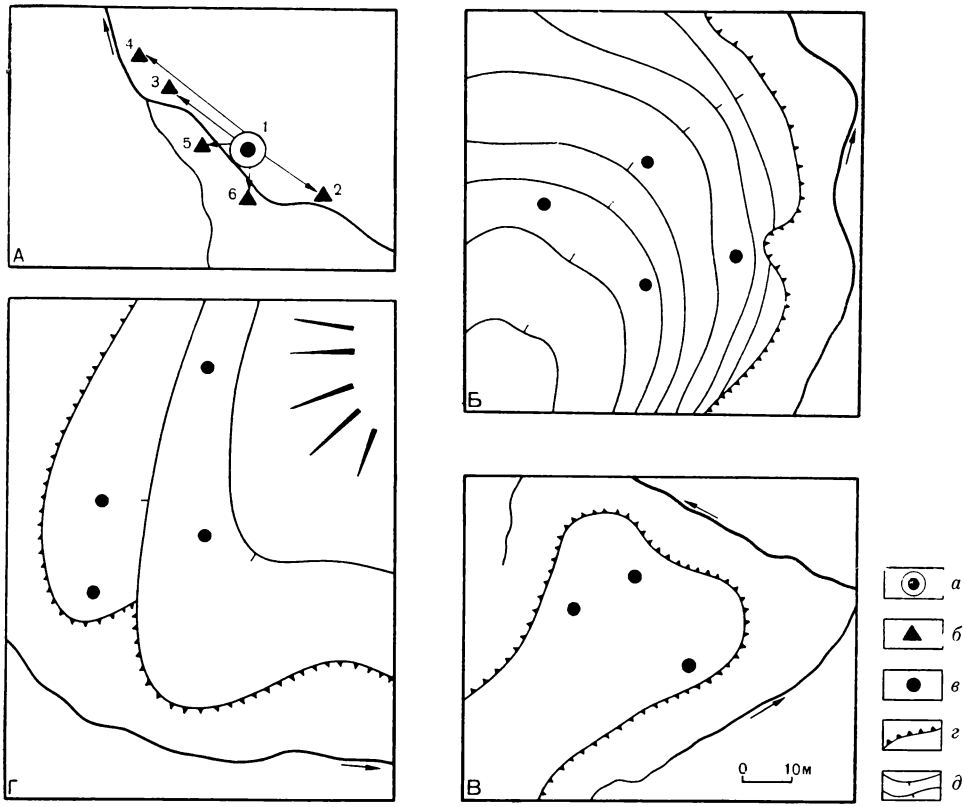


Рис. 8. Миниатюрные селища IX—X вв.

А — схема образования миниатюрных селищ; селища: *Б* — Бузовица 3; *В* — Бузовица 4; *Г* — Белая 4; *а* — большое селище Бузовица; *б* — миниатюрное селище; *в* — западина-жилище; *г* — обрыв; *д* — склоны мыса

атюрные селища часто располагаются на близком расстоянии между собой, составляя как бы одно большое поселение. Например, в 200 м от Глыбокского городища Замчище (Червонодибровское гнездо поселений), на берегу ручья сохранилось 18 западин-жилищ, которые расположены группами по 2—4 западины в каждой из них. Эти группы разграничены между собой болотами (рис. 9, *В*). Поселения, состоящие из отдельных небольших групп жилищ (четвертый тип селищ), подвергались раскопкам, и при этом получено более полное представление об этих структурах.

Впервые на отдельные группы жилищ обратили внимание при исследовании поселений IX—XI вв. возле городищ Екимауцы и Алчедар в Молдавии [38]. Эти группы здесь состояли из 2—5 полуземляночных жилищ, а в центре или рядом с ними находились домницы для выплавки железа. Г. Б. Федоров такие группы принял за остатки патронимных семей, которые выделились «когда большая патриархальная семья уже распалась на малые индивидуальные семьи, но между ними еще сохраня-

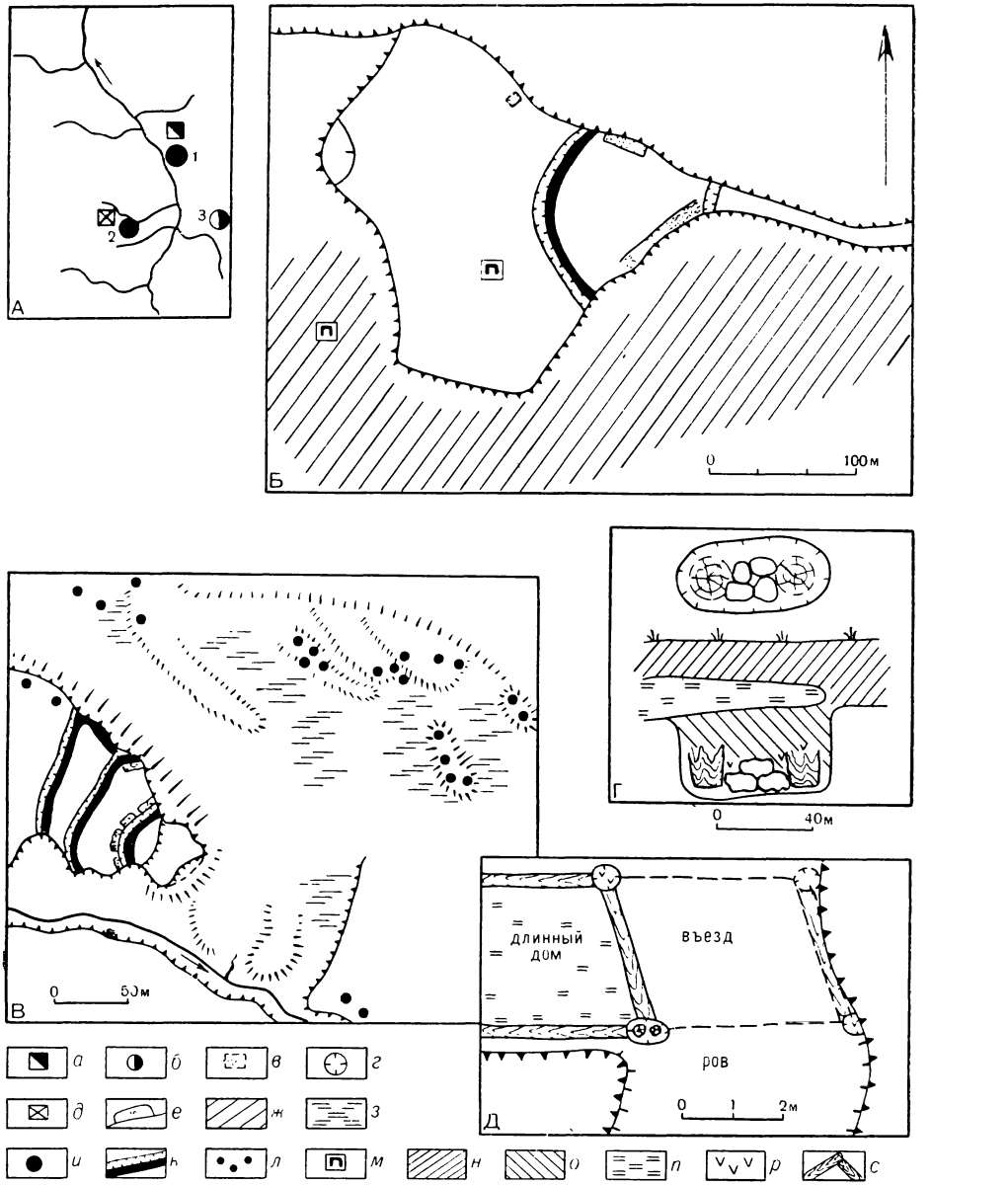


Рис. 9. Червонодибровское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — поселение Червоная Диброва; *В* (*2*) — поселение Глыбока; *Г* — план и профиль столбовых ям от ворот въезда на городище Червона Диброва; *Д* — план въезда на городище Диброва; *а* — городище-убежище; *б* — селище VI—VII вв.; *в* — следы жилища; *г* — столбовая яма; *д* — городище-святилище; *е* — остатки длинного дома; *ж* — территория селища; *з* — болото; *и* — селище VIII—X вв.; *к* — вал и ров IX в.; *л* — западины-жилища; *м* — раскопанное жилище; *н* — черная земля; *о* — серая земля; *п* — обожженная глина; *р* — угли; *с* — обгоревшее дерево

ются определенные родственные, территориальные и производственные связи» [39].

Предложенная концепция образования малых групп жилищ с общими производственными комплексами не вызывает возражений, но следует сделать оговорку в отношении наименования этих структур. Вряд ли правомерно называть их патронимиями. В то время патронимии представляли собой более крупные объединения, чем ячейки, состоящие из 2—5 жилищ. Более правильно будет, если по отношению отдельных небольших групп жилищ придерживаться терминологии, предложенной этнографами. Структуры из нескольких жилищ, представляющие собой отдельные производственные единицы, этнографы называют малыми неразделенными семьями [40]. Такие семьи на территории Украинского Прикарпатья сохраняются как пережиток вплоть до XIX в.[41]

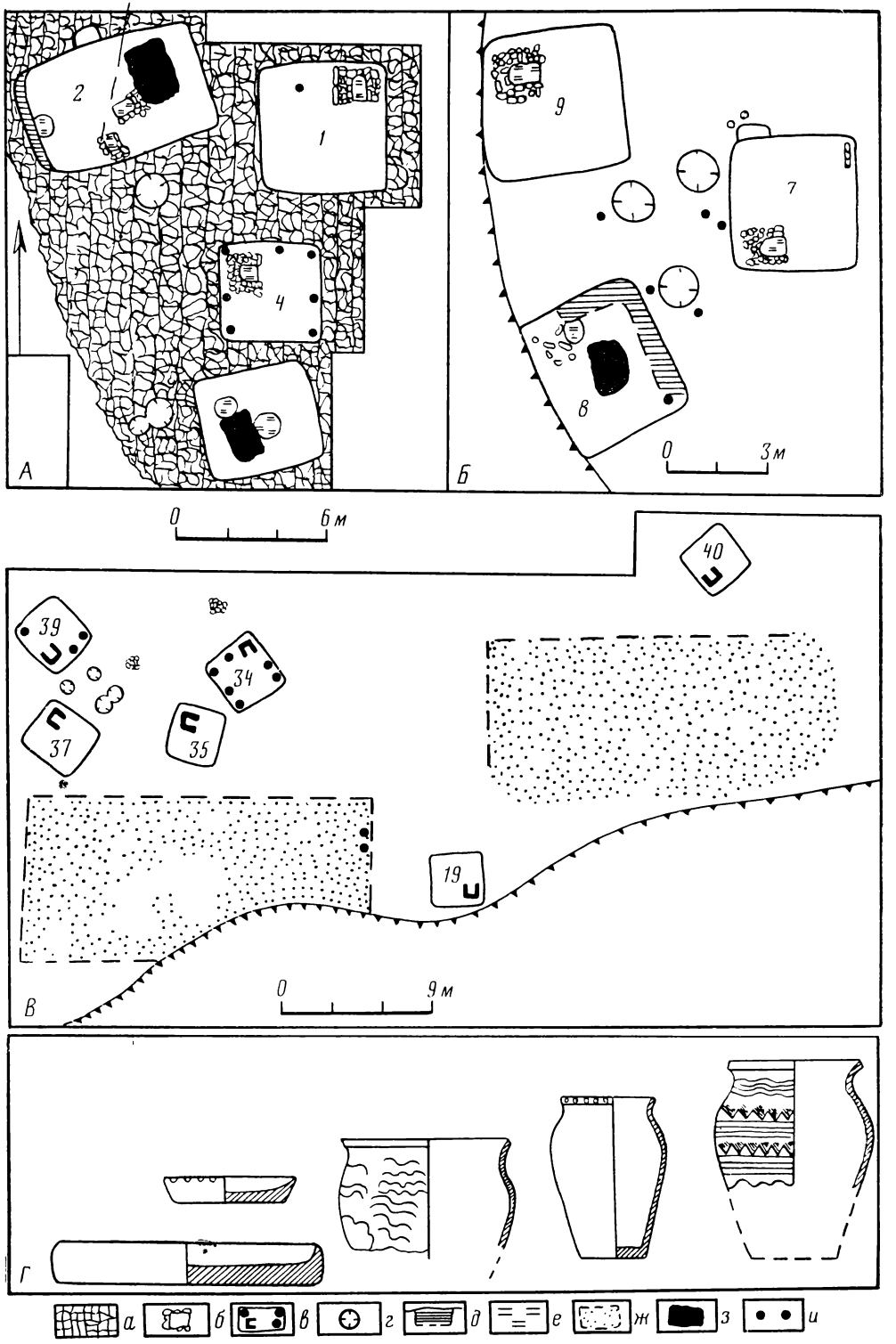
Комплекс построек, принадлежавших малой неразделенной семье, хорошо выделился на Добрыновском городище [42]. Этот комплекс состоял из двух жилищ-полуземлянок с печами-каменками, двух ремесленных мастерских и двух ям-погребов, объединенных сплошной каменной вымосткой двора (рис. 10, *А*). Подобных вымосток возле соседних строений не обнаружено. Благодаря этому представилась возможность изучить усадьбу неразделенной малой семьи ремесленника IX в. Ее глава (отец) возможно жил в полуземлянке 1, стены которой были срубными. Рядом с этим жилищем располагалась ремесленная мастерская, в которой находилась большая каменная рабочая площадка и три очага возле нее. В этой мастерской одновременно могли работать три мастера (например, отец и два его сына). Можно предположить, что женатый сын на этой усадьбе построил себе отдельное жилище (полуземлянку 4), а рядом с ней ремесленную мастерскую с каменной рабочей площадкой.

Другие синхронные постройки Добрыновского городища также располагаются отдельными группами. Так, в раскопе IV исследована группа отдельно расположенных построек (7, 8, 9), состоящая из двух полуземляночных жилищ и ремесленной мастерской. Между этими постройками находятся ямы-погреба (рис. 10, *Б*). В раскопе III постройки 34, 35, 37 и 39 также составляют отдельную группу, которая могла принадлежать малой неразделенной семье (рис. 10, *В*).

Итак, на селищах четвертого типа выделяются отдельные группы жилищ, которые, как и миниатюрные селища, следует принять за остатки малых неразделенных семей. Эти семьи возникали в процессе распада больших патриархальных семей, в начале которого некоторое время сохранялась традиция не отделять женатых сыновей. Только этим можно объяснить существование неразделенной, двухпоколенной семьи, состоящей из отца и его взрослых сыновей.

Миниатюрные селища, согласно предложенной здесь типологии, именуем «селище-малая семья», а большие селища без площадок общего пользования, на которых выделяются отдельные небольшие группы жилищ, — «селища-группы малых семей».

Таким образом, сравнительный анализ главных типологизирующих признаков позволяет выделить четыре основных социальных типа селищ VI—X вв.: 1) селища-патриархальные семьи; 2) селища-группы патриархальных семей; 3) селища-малые семьи и 4) селища-группы малых (нераз-


А
2
1
4
0
6 м
Б
9
7
8
0
3 м
В
40
39
34
37
35
19
0
9 м
Г
а
б
в
г
д
е
ж
з
и

деленных и моногамных) семей. При этом следует учитывать и тот факт, что были селища переходного типа с признаками, характерными не для одного, а для двух и больше типов селищ.

Кроме основных типов селищ, выделены еще три типа: 5) крупные селища-общинные центры; 6) селища-спутники городищ-общинных центров и 7) селища-спутники городищ-феодальных центров. Эти типы несколько отличаются от основных типов селищ. Например, они являлись составной частью общинных центров, что нехарактерно для основных типов селищ. Если главным занятием жителей основных типов селищ было сельское хозяйство, то на селищах 5, 6 и 7 типов встречены и другие виды хозяйственной деятельности (например, ремесло). Характеристика селищ-общинных центров и селищ-спутников городищ дается в следующих разделах, где речь идет об общинных и раннефеодальных центрах.

Социальная типология городищ

Социальная типология древнерусских городищ Украинского Прикарпатья рассмотрена в монографии «Давньоруська Буковина» [43]. Анализ конкретных археологических материалов позволил определить наиболее существенные критерии типологизации, на основе которых стало возможным разделить исследуемые городища на типы в соответствии с их социальным содержанием. К существенным критериям отнесены: 1) система и конструкция оборонительных линий городищ; 2) характер застройки их укрепленных площадок (внутренняя планировка) и 3) место городища в системе окружающих его поселений.

Эти три главные критерия дают возможность выяснить социальное содержание любого городища и вполне пригодны для социальной типологии памятников этой группы. Конечно, при типологизации следует учитывать, кроме главных, второстепенные (дополнительные) признаки: степень использования защитных свойств рельефа, размеры и форму городища, характер культурного слоя на городище и др.[44]

Сравнительный анализ главных и второстепенных признаков и привлечение данных письменных источников позволяют славяно-русские городища разделить на две основные группы: городища-общинные центры и городища-феодальные центры. Первые из них являются структурами первобытнообщинного строя, а вторые принадлежат феодальной формации. Но следует иметь в виду, что в переходный период от первобытности к классовому обществу общинные и раннефеодальные центры некоторое время могут сосуществовать.

Городища-общинные центры отличаются от городищ-феодальных центров рядом существенных археологических признаков. Прежде всего, у них разные типы конструкций оборонительных линий. Так, основу

Рис. 10. Добрыновское городище IX в.

А, *Б* — усадьбы малых семей; *В* — жилища и длинные дома; *Г* — керамика из жилищ; *а* — каменная вымостка двора; *б* — печь-каменка; *в* — жилище-полуземлянка; *г* — яма-погреб; *д* — материковый останец; *е* — обожженная глина; *ж* — длинный дом; *з* — каменная рабочая площадка; *и* — столбовые ямы

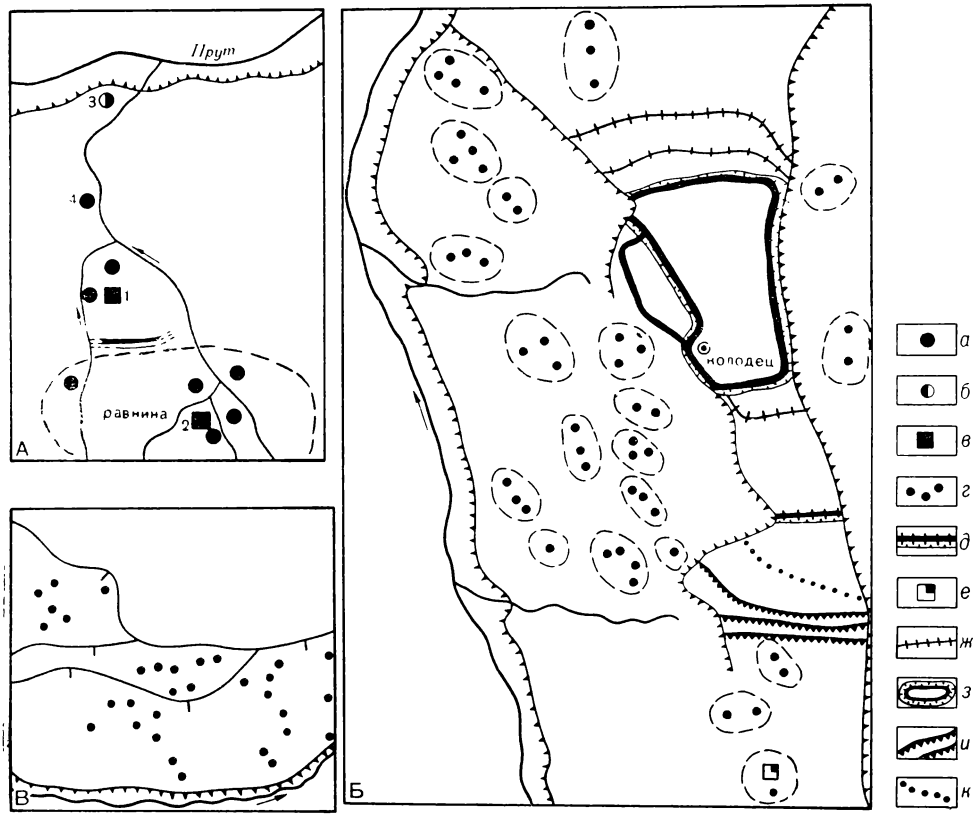


Рис. 11. Коростоватовское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* — поселение Замчище; *В* — селище Равнина; *1* — городище Замчище; *2* — городище Равнина; *а* — селище VIII—XI вв.; *б* — селище VI—VII вв.; *в* — городище-общинный центр; *г* — западины-жилища; *д* — вал раннежелезного века, использованный в XI в.: *е* — раскопанное жилище; *ж* — вал раннежелезного века; *з* — вал IX в.; *и* — вал неопределенного времени; *к* — следы частокола

главных оборонительных линий городищ-общинных центров составляли деревянные стены столбовой конструкции. Ими могли быть деревянные частоколы или стены из горизонтально положенных бревен, закрепленных столбами-стояками или отдельно расположенными срубами-опорами. Эти стены сооружались, как правило, на поверхности земли, без применения валов-платформ. У славян VIII—IX вв. еще не было обычая сооружать деревянные укрепления на валах-платформах, что подтверждается конкретными археологическими данными. Например, укрепления общинного центра VIII—IX вв. в Коростоватой (Коростоватовское гнездо поселений) были построены на месте городища голиградской культуры (рис. 11, *Б*). При этом славянами не были использованы хорошо сохранившиеся валы древней крепости для возведения на них деревянных оборонительных стен. Валы голиградской культуры были использованы позже, при соору-

жении укреплений феодального центра X—XI вв., когда в оборонительном зодчестве широко применялись валы-платформы.

Деревянные оборонительные стены общинных центров с внешней стороны в большинстве случаев усиливали насыпными глиняными откосами. Остатками последних являются невысокие земляные валы на городищах—общинных центрах.

Городища-феодальные центры X—XI вв. строились по другим организационным принципам и служили иным целям. Конструкция их главных оборонительных линий была более сложной. Основу этих линий составляли, как правило, земляные валы-платформы, на вершине которых находились сплошные ряды оборонительных срубов. Последние также усиливались откосами, но часто более сложной конструкции (с применением дерева, камня и сырцового кирпича).

Городища-раннефеодальные центры отличаются от городищ-общинных центров и системой укрепленных линий. Городища-общинные центры, как правило, ограждались одной оборонительной линией. У них иногда лишь въезды усиливались дополнительными укрепленными линиями. Городища-раннефеодальные центры имеют более сложную систему укреплений. Они чаще всего ограждены широкими оборонительными полосами, которые складывались из нескольких укрепленных линий. Но внешние оборонительные линии таких крепостей по сравнению с главной часто имели менее сложную конструкцию, и от них на поверхности земли могли не сохраниться заметные их остатки.

Обе группы городищ отличаются между собой и характером застройки укрепленных площадок. Например, вдоль главных оборонительных линий городищ-общинных центров обычно располагаются длинные наземные дома общественного назначения, тогда как вдоль таких же линий городищ-раннефеодальных центров находятся жилищно-хозяйственные срубы для воинов. Стационарные жилища на городищах-общинных центрах, как правило, однообразны (полуземлянки с печами-каменками), тогда как на городищах-раннефеодальных центрах они гораздо разнообразнее (углубленные и наземные, расчлененные по вертикали, с подвалами и без подвалов).

Корреляция основных признаков социальной типологии позволила в обеих группах городищ (общинных и раннефеодальных центрах) выделить отдельные типы этих памятников. Так, среди городищ-общинных центров выделяются: а) убежища; б) административно-хозяйственные центры и в) святилища. Представилась возможность разделить городища — феодальные центры на два основных типа: а) княжеские (государственные) крепости, т. е. такие, которые строились по инициативе княжеских (государственных) властей и б) феодальные замки, принадлежавшие частным лицам и представлявшие собой укрепленные усадьбы феодалов [45].

Городища-общинные центры и городища-феодальные центры принадлежат к важным структурным элементам гнезд-общин. Поэтому есть необходимость остановиться более детально на характеристике городищ-общинных центров и городищ-княжеских крепостей, т. е. тех типов городищ, функционирование которых относится к тому времени, которое рассматривается в настоящей работе (VI—X вв.).

Городища-убежища

Восточнославянские городища-убежища [46] давно обратили на себя внимание исследователей. Уже при первых попытках классификации городищ были выделены памятники этого типа [47]. К ним относили городища без культурного слоя. Обычно городища-убежища рассматриваются как остатки пунктов временной коллективной обороны местного населения (отсюда и название этих памятников — «убежища»). Городища-убежища специальным исследованиям долгое время не подвергались, и их социальную сущность предстоит еще выяснить.

Массовое изучение городищ-убежищ восточных славян проведено на Буковине в процессе исследования гнезд поселений VIII—X вв. На этой территории городища этого типа обнаружены в 14 пунктах (Белая, Волока, Верхние Становцы, Горошевцы, Коростовата, Ломачинцы, Магала, Новая Жучка (Черновцы), Рашков, Ревно, Снячев, Черновцы, Червоная Диброва, Широкая Поляна (см. Приложение). Изучены система и конструкция их оборонительных линий, характер застройки укрепленных площадок, выяснено место этих городищ в системе гнезд поселений.

Конструкция оборонительной линии городища-убежища наиболее полно изучена в Ломачинцах [48]. Оказалось, что основу укреплений убежища составляли деревянные стены. Около рубежа IX—X вв. эти стены были сожжены, и на их месте насыпан вал новой крепости — феодального центра. Таким образом, остатки укреплений IX в. были законсервированы (рис. 12, *В*). На отдельных участках остатки сгоревших стен сохранились на высоту до 1 м. Их изучение показало, что главная оборонительная стена крепости IX в. складывалась из горизонтально положенных плах, закрепленных при помощи столбов. Опорные столбы этой стены вкапывались в материк на глубину 1,4 м и располагались по периметру оборонительной линии на расстоянии 3—4 м один от другого. В продольных пазах этих столбов укреплялись заостренные концы горизонтальных плах. К тому же стена еще укреплялась дополнительными столбами, которые располагались в промежутках между опорными столбами, с обеих сторон стены.

С внутренней стороны к главной оборонительной стене примыкал длинный наземный дом шириной 2,5 м, стены которого имели также столбовую конструкцию. Снаружи главная оборонительная стена была усилена насыпным откосом высотой 1м, шириной 1,5 м (рис. 12, *В*, м). С внешней стороны вала располагался оборонительный ров глубиной 2 м, шириной 6 м. Его внутренняя стенка приблизительно совпадала со склоном насыпного откоса, образуя таким образом общий склон шириной более 3 м.

Остатками насыпных откосов являются невысокие земляные валы на городищах-убежищах. Под насыпью этих валов, на древней поверхности обычно находится продольная канавка шириной до 20 см. глубиной до 15 см — оттиск на земле нижнего бревна стены. В этой канавке почти всегда лежат угли, так как нижнее бревно стены при ее сооружении обугливали для лучшей сохранности.

На многих городищах-убежищах (Верхние Становцы, Коростовата, Магала, Новая Жучка, Ревна и др.) невысокие валы окружают центральную площадку со всех сторон, т. е. городища имели замкнутую систему

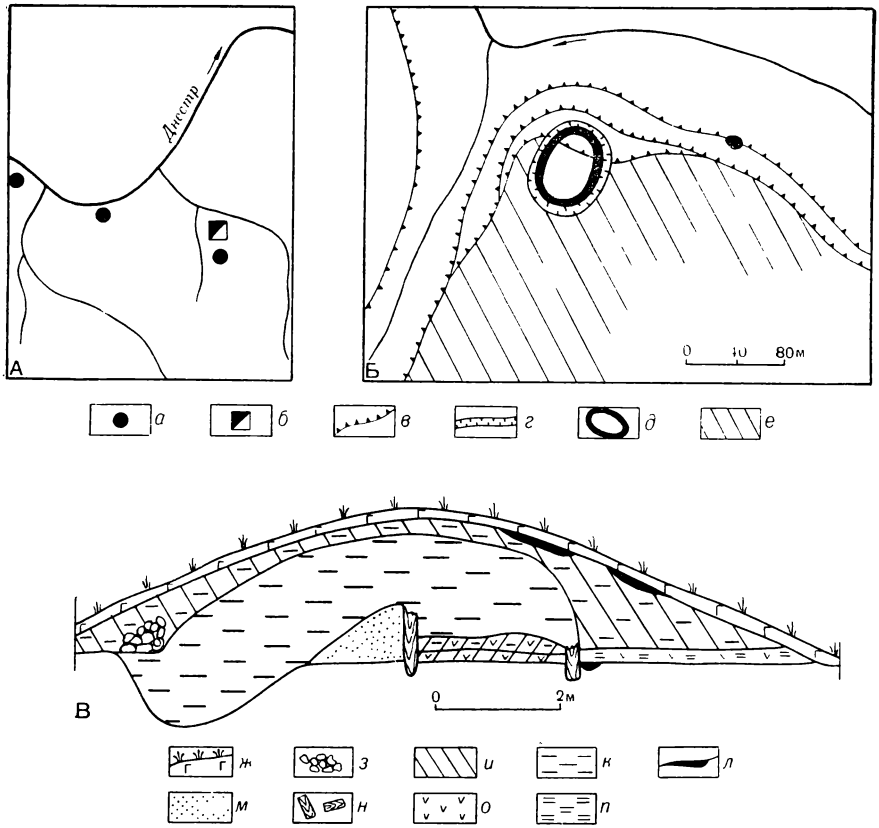


Рис. 12. Ломачинское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — городище Ломачинцы-Окопы; *В* — профиль вала городища Окопы

а — селище VIII—X вв.; *б* — городище-убежище; *в* — обрыв берега; *г* — ров; *д* — вал; *е* — территория селища VIII—X вв.; *ж* — гумус; *з* — камни; *и* — мешанная глина; *к* — глина; *л* — слой сожжения; *м* — откос; *н* — обгоревшее дерево; *о* — угли; *п* — обожженная глина

обороны. На других городищах валы видны лишь с напольной стороны. Но это не означает, что не было укреплений по всему периметру городища. На краю площадок городищ-убежищ, вдоль крутых склонов, где нет ни земляных валов, ни рвов, также находились деревянные оборонительные стены. Остатки таких стен обнаружены, например, на городище Червоная Диброва [49].

Городища-убежища обычно ограждались одной замкнутой оборонительной линией. Если мыс, на котором располагалось городище, имел пологие склоны, на нем устраивались эскарпы. Дополнительные укрепленные линии на этих городищах применялись для усиления въезда на городище. В Червоновой Диброве изучен въезд на городище-убежище. Оказалось, что он запирался двойными воротами, от которых сохранились

столбовые ямы с остатками дерева (рис. 9, *Г*, *Д*). Ширина въезда — более 3 м, что является одним из свидетельств того, что в случае военной опасности сюда стекалось население со своим имуществом и убежище одновременно могло принять значительное количество людей. Для повседневного посещения убежища не было необходимости иметь ворота такой ширины.

Наиболее характерной чертой застройки городищ-убежищ является полное отсутствие на их укрепленных площадках стационарных жилищ. Единственным типом стационарных жилищ VIII—IX вв. на территории Украинского Прикарпатья была полуземлянка с печью-каменкой в углу [50]. Жилища этого типа раскопаны не только на селищах VIII—IX вв., но и на городищах-административно-хозяйственных центрах (Добрыновцы, Грозинцы, Горишние Шеровцы и др.). Однако на городищах-убежищах жилища-полуземлянки не обнаружены.

Довольно важным элементом застройки городищ-убежищ, как показали исследования, являются длинные дома. Они характерны и для других типов городищ-общинных центров (административно-хозяйственных центров и святилищ). Место длинных домов в структуре городищ-общинных центров настолько значительно, что только при условии полного раскрытия функционального назначения этих домов можно выяснить социальное содержание городищ-общинных центров, в том числе и городищ-убежищ.

Длинные дома открыты на многих городищах-общинных центрах (славянских и неславянских), но получили неоднозначную оценку. Изучив остатки длинных домов IX в. во Вщиже, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что это «огромное помещение для собраний и трапез» [51]. «Здесь, — пишет автор, — приносили жертвы, поедали жертвенное мясо, пили священное пиво и обсуждали дела племени» [52].

Приблизительно такую же оценку длинным домам дал Ю. В. Кухаренко. Характеризуя городища Зимно, Бабка и Хотомель, он отметил: «по своему характеру все три городища, на которых проводились раскопки, являются, по-видимому, какими-то религиозными или военно-общественными центрами отдельных племен или крупных родов. Это отнюдь не места постоянного обитания и тем более не зародыши феодальных замков или городов. Возможно, их следует рассматривать в качестве праобраза контин, известных в более позднее время у западных славян по письменным источникам» [53].

Дом длиной 30 м, шириной 4,5 м, открытый на городище Екимауцы, Г. Б. Федоров рассматривал как языческое культовое место, «где совершались, как и полагается в таком месте, общественные трапезы» [54]. Свое предположение автор подтверждает не только большими размерами и центральным местоположением этого сооружения, но и находками в нем большого количества керамики и костей животных, подвесок-амулетов и двух небольших керамических лепешек с изображением креста в круге.

Другие авторы длинные дома включали в систему обороны городищ. Так, П. Н. Третьяков длинные дома на городищах Верхнего Поднепровья (Смоленщина) рассматривал как «укрепления с жилыми стенами» [55]. Такого же мнения придерживался В. В. Аулих относительно Зимновского городища. Длинные дома этого городища он интерпретировал как жилища [56].

Некоторые исследователи длинные дома на городищах-общинных центрах рассматривают как хозяйственные постройки. Так, Э. А. Сымонович длинные дома вдоль оборонительных стен Колочинского городища принял за навесы, где хранились «неприкосновенные запасы воды и пищи на случай осады» [57].

Различная интерпретация длинных домов свидетельствует, с одной стороны, о том, что такого типа строения являются важной составной частью городищ-общинных центров, а с другой — что их роль в жизни населения еще полностью не выяснена, остается дискуссионной.

Проблему длинных домов на территории городищ-общинных центров помогают решать новые археологические материалы, которые могут быть сопоставлены с письменными источниками, прежде всего сведениями немецких хронистов о домах-континах у западных славян, у которых такие дома также известны и по археологическим данным [58].

Описание домов-контин в городе Щетине относится к XII в., но хронист отметил, что в этих домах сохранялись обычаи, установленные предками («по старому обычаю предков») [59]. Поэтому есть основание считать, что эти обычаи сложились значительно раньше, чем сведения о них попали на страницы хроник. Коснувшись основных функций домов-контин, хроника свидетельствует, что эти дома были: 1) хранилищами общинных запасов и драгоценностей (сюда «по старому обычаю предков, приносилась законом определенная десятина. здесь хранилась. всякая драгоценная утварь»); 2) местами народных собраний («внутри их кругом расставлены были скамьи и столы потому, что тут происходили совещания и сходки граждан»); 3) местами исполнения религиозно-обрядовых церемоний («знатные и сильные люди здесь гадали»); 4) местами, где устраивались общественные пиры-братчины («в определенные дни и часы они собирались, чтобы пить»).

Сведения хронистов о функциях домов-контин во многом совпадают с данными, полученными при исследовании длинных домов на городищах-общинных центрах. Так, возле длинного дома 1 Добрыновского городища раскопаны ямы-погреба, которые следует принять за общинные хранилища [60]. В центре длинного дома 2 этого же городища раскопано культовое погребение IX в. — скелет пожилого мужчины, помещенного в круглой яме (рис. 13, *А*). В этой же яме найдены лепные сосуды культуры типа Луки Райковецкой, кости животных, угли и др.[61] Культовое погребение раскопано также на территории длинного дома 2 городища-убежища в Ревно (рис. 13, *В*).

Останки сожженного покойника находились в овальной яме вместе с обломками керамики X в. и костями животных. Два погребения такого же типа раскопаны на территории длинного дома городища Белая (Беловское гнездо поселений). Погребения на территории длинных домов свидетельствуют о том, что в этих домах совершались религиозные обряды, связанные с культом предков. Находки на территории длинных домов (на городищах в Ревно, Городнице, Крутилове и др.) большого количества специально разбитой здесь посуды позволяет предположить, что в этих домах общественные пиры-братчины сопровождались обрядом битья посуды.

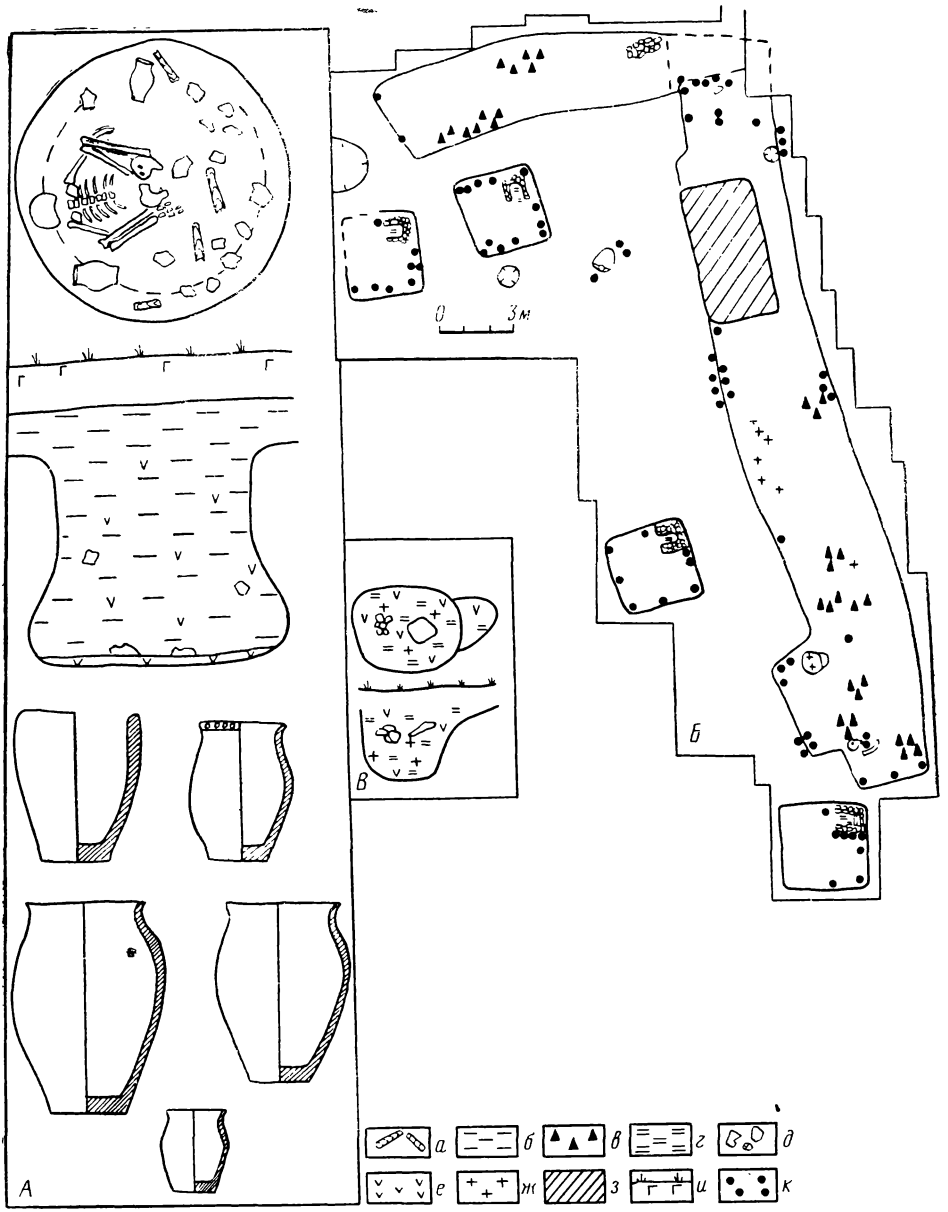


Рис. 13. Длинные дома IX—X вв.

А — культовое погребение в длинном доме Добрыновского городища (план, профиль и лепная посуда); **Б** — план длинного дома 2 Ревнянского городища; **В** — культовое погребение в длинном доме 2 (Ревно); *а* — обгоревшее дерево; *б* — глина; *в* — скопление обломков керамики; *г* — обожженная глина; *д* — камни; *е* — угли; *ж* — кальцинированные кости; *з* — остатки дома XII в.; *и* — гумус; *к* — столбовые ямки

Раскопки длинных домов на многих городищах дают общее представление об этих сооружениях. Во-первых, длинные дома располагаются на укрепленных площадках городищ-общинных центров чаще всего вдоль оборонительных линий, с которыми они конструктивно связаны. Стены длинных домов имели столбовую конструкцию и были сложены из горизонтально уложенных бревен (Ломачинцы, Карапчев, Белая) или представляли собой плетень, обмазанный глиной (Добрыновцы, Ревно, Червоная Диброва и др.). Во-вторых, внутреннее устройство длинных домов состояло из очагов и ям разного назначения. Обнаруженные в некоторых домах ямки от столбиков, возможно, являются следами скамеек или столов. Большие ямы следует принять за остатки хранилищ. В-третьих, длинные дома имели большие размеры — их площадь достигала 500 и больше кв. м.

Итак, важным археологическим признаком городищ-общинных центров являются длинные дома-контины. Они обнаружены на городищах-административно-хозяйственных центрах, городищах-убежищах и городищах-святилищах. Важно подчеркнуть, что длинные дома являются одним из ведущих признаков городищ-убежищ. Длинные дома, в которых проводились народные собрания, устраивались ритуальные пиры-братчины и культовые церемонии, хранились общинные запасы, свидетельствуют о важной общественной роли убежищ в жизни населения. Это подтверждается и другими данными.

На территории городищ-убежищ, например, могли располагаться общинные могильники. Один из них исследован на городище-убежище в Ревно [62]. Здесь раскопано более 50 погребений IX в. — ям с остатками кремации покойников, крематорий в виде ямы длиной 2,65 м, шириной 1,1 м, глубиной 0,35 м, дно и стенки которой были сильно обожжены (в яме найдены кальцинированные человеческие кости и обломки керамики) и культовое место. Длинные дома-контины, могильник и культовое место на городищах-убежищах позволяют памятники этого типа рассматривать не только как места временной обороны. Это были постоянные центры общественной жизни общинников, являясь символом их сплоченности [63].

Городища-убежища чаще всего располагаются на высоких мысах и холмах, на некотором удалении от основной массы синхронных селищ. Так как убежища не имели постоянных обитателей, возникает вопрос о военно-сторожевой охране этих укреплений. Сначала функции по охране убежищ возлагались, вероятно, на всех жителей общины. Это предположение подтверждается обнаруженными вокруг городища-убежища Магала (Магалянское гнездо поселений) срубными помещениями без отопительных сооружений, в которых могла находиться временная стража. Позднее функции охраны убежищ община начала возлагать на определенные группы общинников, которые устраивали возле укреплений свои отдельные поселки [64]. Последние выделены при социальной типологии городищ как селища-спутники городищ-убежищ. Эти селища-спутники расположены обычно на тех же высоких, не слишком удобных для жилья мысах и холмах, что и городища-убежища.

Селище-спутник городища-убежища IX в. специально изучалось в Ревно. Оно расположено на вы оком мысу, в непосредственном соседстве с городищем Ревно IA, с его напольной стороны, около главного въезда

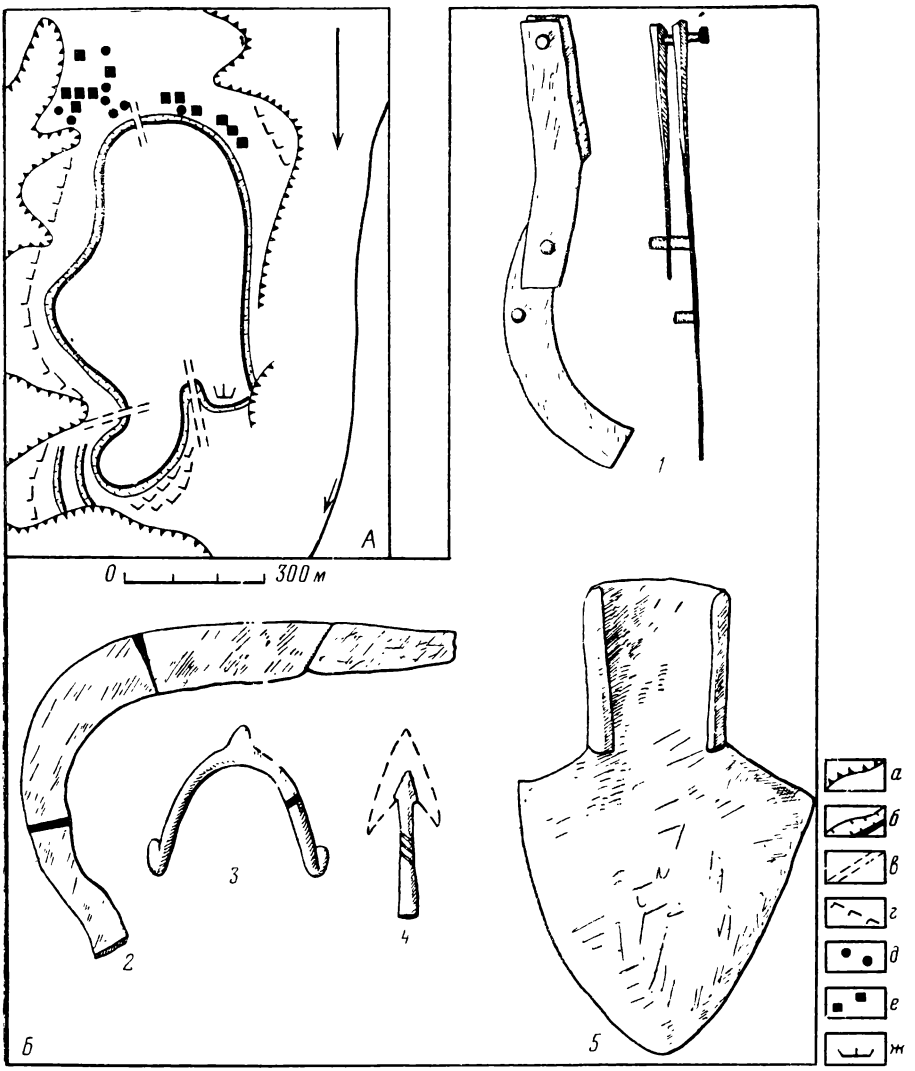


Рис. 14. Селище-спутник городища-убежища Ревно I

А — план городища IX в.; *Б* — находки на селище-спутнике; *а* — крутые склоны; *б* — укрепленная линия IX в.; *в* — въезд на городище; *г* — эскарп; *д* — западины-жилища; *е* — раскопанные жилища; *ж* — могильник IX в.; *1* — металлическая оковка ложен боевого ножа; *2* — серп; *3* — шпора; *4* — стрела; *5* — наральник

(рис. 14, *А*, *д*, *е*). Здесь сохранилось 20 западин-жилищ, занимавших территорию размерами 250×150 м. Раскопано 12 западин. В 11 случаях это были обычные жилые полуземлянки с печами-каменками и стенами столбовой конструкции. Одна постройка оказалась наземной со стенами срубной конструкции. В ее центральной части, на полу находился очаг.

Ничего больше в этом доме не обнаружено. Он вплотную примыкал к оборонительной линии IX в. и возможно использовался как сторожка.

Расположение селища-спутника возле главного въезда на городище-убежище позволяет высказать предположение, что жители этого поселка были обязаны следить за сохранностью укреплений и других сооружений общинного центра, поддерживать порядок во время собраний общинников, а в случае военного нападения — организовывать его оборону. Только этим можно объяснить тот факт, что это поселение расположено в неудобном для обычной жизни месте, а основная часть его построек располагалась вдоль оборонительной линии IX в., прикрывая городище с напольной стороны.

Заслуживает внимания еще одна черта этого селища-спутника. В его жилищах, которые были сожжены одновременно с укреплениями IX в., найдены вещи, свидетельствующие, с одной стороны, о занятии его жителей земледелием (железный наральник, серп), а с другой — военным делом (железная шпора, стрелы, железные оковки ножен для боевых ножей (рис. 14, *Б*). Эти находки позволяют утверждать, что на территории селища-спутника городища-убежища жили воины-земледельцы, которые занимались сельским хозяйством, а в случае необходимости брались за оружие. На селищах-спутниках городищ-убежищ в Верхних Становцах и Белой раскопаны ремесленные мастерские, указывающие на то, что воины-земледельцы занимались также ремеслом.

Воины-земледельцы (полупрофессиональные воины) — это упомянутые в летописи «лучшие люди», которым община поручала охранять свой центр и те богатства, которые хранились на его территории. Благодаря воинам-земледельцам создавались нормальные условия для функционирования общинных центров. Кроме выполнения военно-сторожевых функций, эти воины контролировали и регулировали процессы экономической, социальной и идеологической жизнедеятельности общины. Они защищали общие интересы, и сами находились под надзором общественности. Постепенно воины-земледельцы все больше и больше отрывались от остальных общинников, конституировались в особый общественный слой, который приобретал наследственное право на власть.

Итак, главные археологические признаки городищ-убежищ можно свести к следующему: 1) убежища со всех сторон были ограждены деревянными стенами столбовой конструкции, усиленными насыпными глиняными и естественными откосами с наружной и длинными домами с внутренней стороны; 2) их укрепленные площадки были свободны от застройки стационарными жилищами. Здесь могли находиться культовые места, могильники, длинные дома-контины и другие объекты общественного пользования; 3) составной частью убежищ были поселки воинов-земледельцев, охранявших их укрепления и выполнявших другие обязанности, связанные с использованием общинного центра в интересах всех жителей общины-гнезда.

Одним из наиболее изученных памятников этого типа является Новотроицкое городище [65]. Найденные на его территории остатки оружия дружинников (обломок меча, наконечники стрел), драгоценные украшения (серебряные браслеты, гривны и др.), клады иранского и арабского серебра и других импортных предметов несомненно принадлежали общинной знати, в руках которой сосредоточивалась административная власть. На Новотроицком и других городищах этого типа раскопаны ремесленные мастерские и хозяйственные постройки, указывающие на то, что городища этого типа были не только административными, но и хозяйственно-производственными центрами.

На территории Украинского Прикарпатья городища-административно-хозяйственные центры обнаружены в Баламутовке, Добрыновцах, Горшних Шеровцах, Грозинцах, Карапчеве, Кобаках и Ревне II (см. приложение). Изучена система и конструкция их укрепленных линий, выяснены некоторые черты застройки их укрепленных площадок.

Городища-административно-хозяйственные центры, как и городища-убежища, ограждались со всех сторон деревянными стенами столбовой конструкции, усиленными с внешней стороны глиняными откосами. Исследованы стены в виде частокола (например, в Грозинцах), в виде горизонтально уложенных бревен, закрепленных столбами-стояками (например, в Кобаках [66], Карапчеве). Особый интерес вызывает конструкция оборонительной деревянной стены, впервые обнаруженной на Добрыновском городище (рис. 15, *А*, б). Эта стена также складывалась из горизонтальных бревен, закрепленных столбами. Но на наиболее важных участках горизонтальные бревна врубались в срубы-опоры, нижняя часть которых была опущена в материк на глубину до 1 м. Это значительно повышало устойчивость стены, которая при этой конструкции получала большую площадь опоры. Срубы-опоры (их здесь раскопано 16) по периметру городища располагались нерегулярно. Наиболее плотно они были поставлены там, где городище не имело естественной защиты. Например, в юго-западной части оборонительной линии срубы-опоры были расположены между собой на расстоянии 8—10 м. В то же время в юго-восточной части городища, где имелась хорошая естественная защита, срубы отстояли друг от друга на 25 м.

Восточная оборонительная стена Добрыновского городища (она раскопана полностью) проходила вдоль края оврага, берег которого был эскарпирован (подрезан) с таким расчетом, чтобы оборонительная линия образовала здесь тупой угол, направленный своим острием в сторону поля (рис. 15, *В*). Здесь располагалась оборонительная башня, представляющая собой сруб размерами 3,2×3,2 м, опущенный в котлован глубиной 0,9 м. Сгоревшие бревна нижнего венца сруба были соединены между собой в обло, и их концы выступали в углах на 10 см (рис. 15, *Б*). Это сооружение относим к типу башен, так как, во-первых, оно выступало за внешнюю линию оборонительной стены на 1 м, что позволяло вести обстрел вдоль стен, во-вторых, здесь обнаружены две потолочные засыпки, что характерно для боевых башен [67]. Можно предположить, что башня была двухэтажной и венчалась конической крышей. Конструкция оборонительной

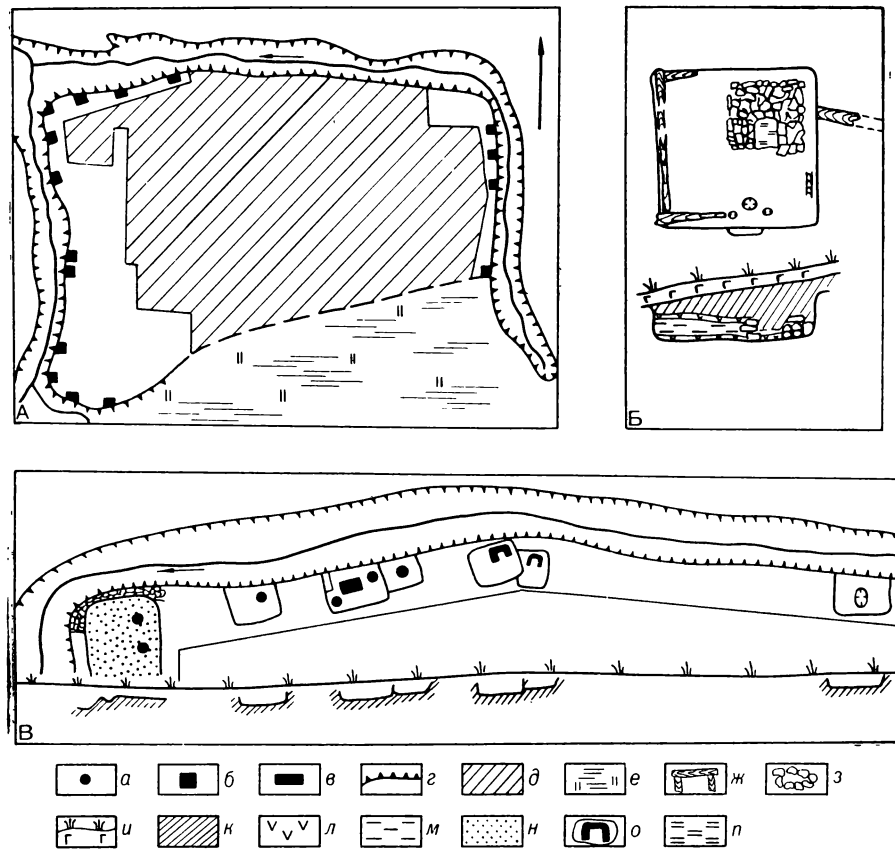


Рис. 15. Добрыновское городище IX в.

А — схема расположения; *Б* — план и профиль башни (постройка 15); *В* — план и профиль восточной оборонительной линии; *а* — очаг; *б* — сруб-опора; *в* — каменная рабочая площадка, *г* — крутой склон; *д* — нераскопанная часть городища; *е* — болото; *ж* — остатки сруба; *з* — камни; *и* — гумус; *к* — материк; *л* — угли; *м* — глина; *н* — длинный дом; *о* — жилище-полуземлянка; *п* — обожженная глина

линии со срубами-опорами обнаружена и на городище-административно-хозяйственном центре в Горишних Шеровцах.

Итак, в конструкции оборонительных линий общинных центров не позже IX в. появились срубы-опоры, которые в дальнейшем применялись в древнерусском оборонительном зодчестве. В летописях они упоминаются под названием «столпие» [68]. Столпием в Киеве были ограждены городской посад на Подоле и Печерский монастырь [69]. Это одно из свидетельств того, что древнерусское военное зодчество сложилось и развивалось на основе оборонительного зодчества восточных славян второй половины I тысячелетия н. э.

Таким образом, городища-административно-хозяйственные центры укреплялись деревянными стенами столбовой конструкции с применением

глиняных откосов, а наиболее развитые из этих центров — деревянными стенами со срубами-опорами.

Укрепленные площадки городищ-административно-хозяйственных центров в отличие от городищ-убежищ были застроены стационарными жилищами, ремесленными мастерскими и другими постройками хозяйственно-производственного назначения. Основным типом жилищ на городищах этой группы в лесостепной полосе была полуземлянка с каменной или глинобитной печью в одном из углов [70]. Эти жилища в пределах каждого гнезда-общины были однотипными, со сходным внутренним устройством, и они почти ничем не отличаются от стационарных жилищ на синхронных селищах. Как будто на городищах чаще, чем на селищах, встречаются жилища со стенами срубной конструкции, но и здесь явно преобладают жилища со стенами столбовой конструкции. Говорить более определенно о соотношении жилищ со стенами столбовой и срубной конструкции на памятниках пока нет достаточных оснований, так как в большинстве случаев невозможно по материалам раскопок точно определить срубную конструкцию стен.

Ремесленные мастерские на городищах—административно-хозяйственных центрах чаще всего представлены углубленными в землю постройками (рис. 16). От жилищ-полуземлянок они отличаются рядом признаков. Прежде всего различна конструкция этих построек. Ремесленные мастерские обычно представляли собой землянки, т. е. постройки, стены которых за исключением фасадных и крыша были полностью засыпаны землей. Поэтому на полу этих построек после их разрушения из упавшей кровли образовался слой рыхлой глины с углями толщиной более 40 см в центре и более 60 см возле стен котлована. Стены землянок — ремесленных мастерских могли иметь разную конструкцию, быть материковыми, не облицованными деревом, складываться из горизонтальных плах, прижатых к земляным стенам котлованов с помощью столбов-стояков и др.

Землянки-ремесленные мастерские имели иное, чем жилища, внутреннее устройство. В них вместо печей чаще всего встречаются очаги, которые располагаются посередине помещения, что характерно для ремесленных мастерских [71]. Вдоль стен мастерских часто находятся так называемые «прилавки» — материковые останцы, возвышающиеся над полом до 0,5 м. Предполагается, что эти прилавки использовались как рабочие столы [72]. К числу характерных признаков производственных помещений относятся нишеобразные печи, устроенные в материковых стенах (рис. 16, *Д*).

При исследовании городищ Украинского Прикарпатья выделен еще один характерный признак ремесленных мастерских, связанный с горячей обработкой металлов, — наличие каменных рабочих площадок. Они исследовались в Добрыновцах, Ревне, Крутилове и Кодыне. Впервые ремесленная мастерская с хорошо сохранившейся каменной рабочей площадкой раскопана на Добрыновском городище (рис. 10, *А*, *з*). В котловане размерами 4,5×3,7 м, глубиной 1,3 м находилась площадка (2,0× ×1,8 м), выложенная из камней различной величины на высоту 0,3 м. В углах этой площадки были вмонтированы большие каменные плиты размерами около 50×40 см, на которых имелись следы от их использования в качестве наковален. На других камнях были следы огня — результат горячей обработки металлов. Рядом с каменной пло-

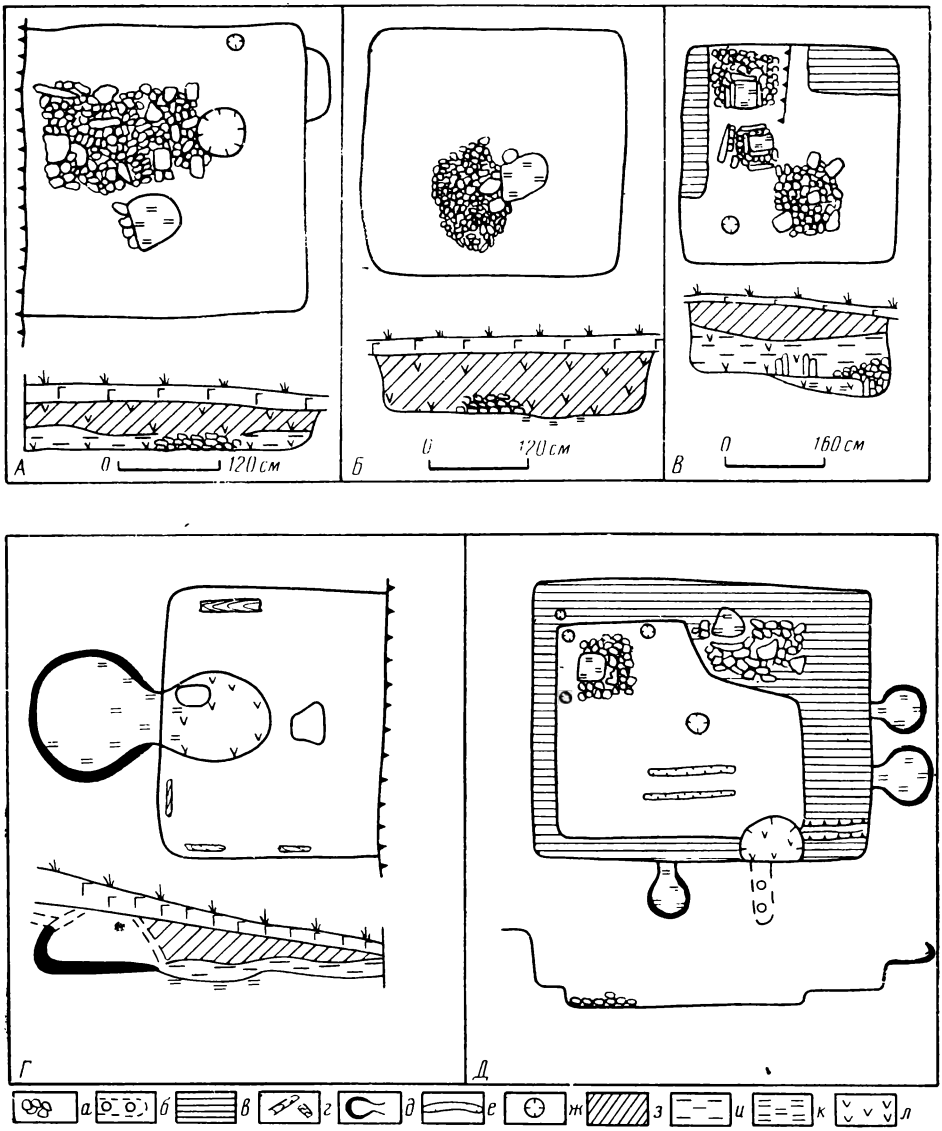


Рис. 16. Ремесленные мастерские VIII—IX вв.

А, Б, Г — Добрыновцы; *В, Д* — Ревно; *а* — камни; *б* — вытяжная труба; *в* — материковый останец-«лавка»; *г* — обгоревшее дерево; *д* — нишеобразная печь; *е* — канавка; *ж* — яма; *з* — серая земля; *и* — глина; *к* — обожженная глина; *л* — угли

щадкой располагались два очага, обложенные каменными плитками. В помещении находился еще один очаг возле материкового останца-«прилавка». На полу мастерской, покрытом слоем песка и угля, найдены обломки глиняных тиглей с прикипевшими к их стенкам кусочками металла, точильные бруски, глиняная посуда.

На Добыновском городище раскопано 7 ремесленных мастерских с каменными рабочими площадками. Они датируются IX в. Более древние мастерские такого типа раскопаны в Кодыне. Их дата — VIII в.[73]

Хлева и другие хозяйственные постройки на городищах-административно-хозяйственных центрах были наземными прямоугольными, со стенами плетнево-кольцевой конструкции. Стены этих построек обычно обмазывали глиной, и от них сохраняются куски глиняной обмазки с отпечатками плетня.

Устойчивым элементом застройки городищ-административно-хозяйственных центров являются хозяйственные ямы. Одни из них располагаются рядом с жилищами (они входили в состав усадеб), другие — отдельно от жилищ (эти ямы-погреба находились в общем пользовании жителей городища). Ямы обычно круглые, верхний диаметр которых (около 1 м) меньше диаметра дна (около 1,5 м). Стенки и дно некоторых хозяйственных ям обмазаны глиной и обожжены. Они могли использоваться для хранения зерна.

Городища-административно-хозяйственные центры всегда расположены в центре гнезд поселений. Рядом с городищами этого типа расположены большие селища, которые застроены такими же углубленными жилищами, как и городища. Например, возле Добрыновского городища-административно-хозяйственного центра располагается селище площадью 500×200 м. На территории этого селища в стенках карьеров обнаружено более двух десятков полуземляночных жилищ с печами-каменками. Два жилища раскопаны [74]. Возле этих жилищ находились ямы-погреба. Жилища на этом селище располагаются на значительном расстоянии одно от другого. Они, по-видимому, принадлежали индивидуальным хозяйствам.

Итак, городища-административно-хозяйственные центры отличаются от других типов городищ-общинных центров (убежищ и святилищ) прежде всего тем, что их укрепленные площадки были плотно застроены стационарными жилищами (полуземлянками с каменными или глинобитными печами в одном из углов), ремесленными мастерскими и хозяйственными постройками. На территории этих городищ могли располагаться (обычно возле оборонительных стен) длинные дома общественного назначения. Укрепленные линии городищ-административно-хозяйственных центров были деревянными, но несколько более сложной структуры, чем на городищах-убежищах. Например, административно-хозяйственные центры в Добрыновцах и Горишних Шеровцах были ограждены деревянными стенами типа «столпие». Рядом с городищами-административно-хозяйственными центрами находятся большие синхронные селища.

Городища-святилища

На территории Украинского Прикарпатья обнаружена группа городищ VIII—X вв., которые по главным типологическим признакам отличаются от городищ-убежищ, городищ-административно-хозяйственных центров и городищ-феодальных центров. Эти городища (они исследовались в Ржавинцах, Кулишовке, Горбовом, Рудниках, Городнице и Крутилове) отнесены к святилищам [75]. Городища-святилища до недавнего времени почти не изучались, и новые археологические данные о них заслуживают особого внимания.

Специальное изучение городищ-святилищ в Поднестровье и в бассейне верхнего Прута показали, что главной составной частью памятников этого типа были площадки для идолов — капища. Они сравнительно небольших размеров, не застраивались жилищами и другими сооружениями хозяйственно-бытового назначения и ограждались не оборонительными, а культовыми валами и рвами. Главной отличительной чертой культовых валов является то, что на их вершинах не сооружали укреплений, а устраивали площадки-алтари для ритуальных кострищ, жертвоприношений и других культовых действий. Площадки-алтари на культовых валах городищ-святилищ исследовались в Кулишовке, Городнице, Крутилове и других местах.

Кулишовское городище-святилище расположено на высоком мысу правого берега Днестра (рис. 17, *Б*). Его центральная площадка (капище) диаметром около 8 м в древности, как показали раскопки, была окружена кольцевым рвом с плоским дном и пятью валами. Внутренний вал первоначально был насыпан на высоту 0,5 м, при ширине 8,5 м (рис. 17, *Г*). На его плоской вершине находилась площадка-алтарь шириной 3,2 м. От нее сохранились каменные плитки со следами огня, слой прокаленной глины, угли, кальцинированные кости и обломки глиняной посуды X—XII вв.

Восточные славяне часто свои святилища устраивали на месте городищ-святилищ раннежелезного века. И в таких случаях на древних валах, которые окружали капища, сооружались площадки-алтари. К таким святилищам принадлежит, например, Городницкое городище [76]. Оно расположено на высокой горе Богит, на вершине которой хорошо сохранились каменные валы скифского времени (рис. 18, *Б*). Два поперечных каменных вала делят площадку городища на три части. На самой высокой части этой площадки славянами было устроено капище, от которого сохранился пьедестал для идола в виде круглой каменной площадки диаметром 9 м, высотой 0,5 м, окруженной 8 жертвенными углублениями овальной формы. На каменных валах, окружающих капище, были устроены площадки-алтари, на которых найдено много обломков керамики X—XII вв. и костей животных.

Площадки-алтари на валах обнаружены на Крутиловском святилище X—XII вв., которое также было устроено на месте городища-святилища раннежелезного века. Городище расположено на крутом склоне высокого мыса правого берега р. Збруч, в урочище Звенигород (рис. 19, *Б*). Хорошо сохранились каменные валы скифского времени, окружающие площадь размерами 700×450 м. Четыре восточнославянские капища находились на

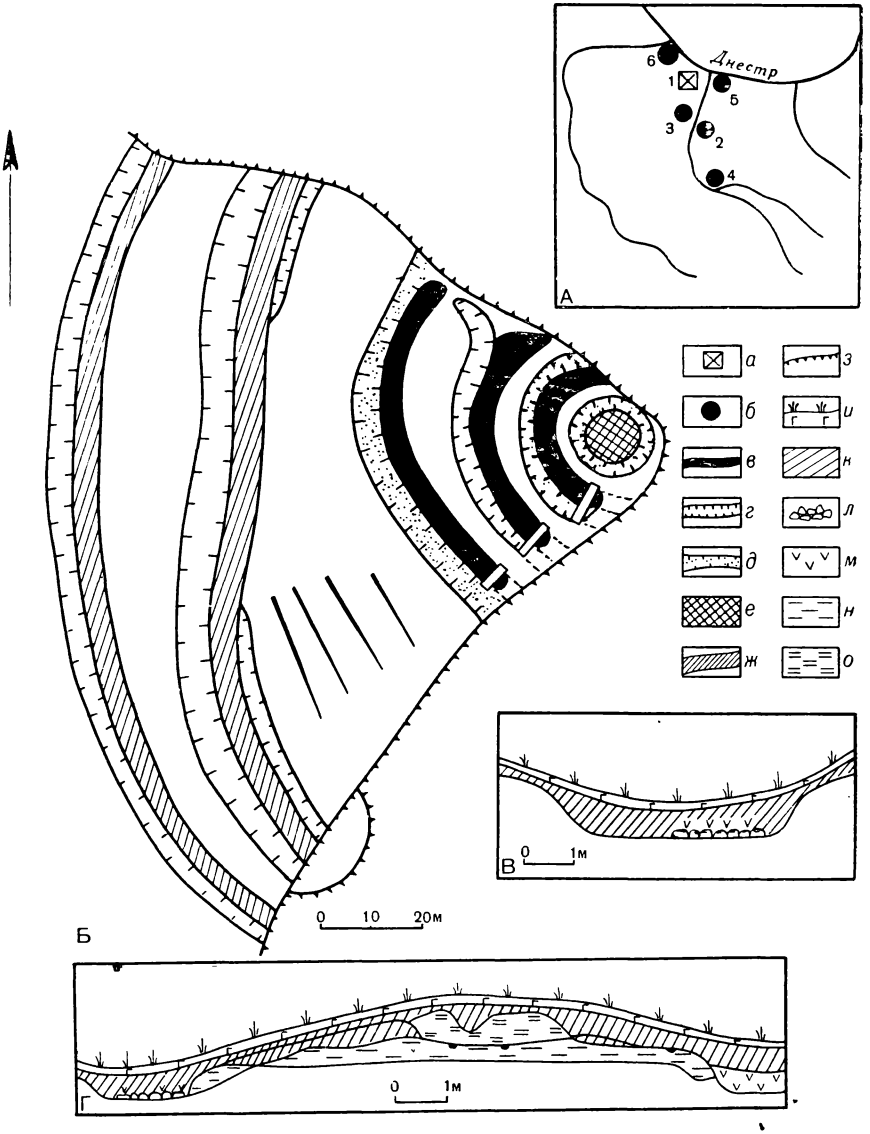


Рис. 17. Кулишовское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* — план городища-святилища; *В* — профиль культового рва; *Г* — профиль культового вала; *а* — городище-святилище Паланка; *б* — селище VIII—X вв.; *в* — вал древнерусского времени; *г* — ров; *д* — культовый ров; *е* — капище; *ж* — вал неопределенного времени; *з* — крутой склон; *и* — гумус; *к* — серая земля; *л* — камни; *м* — угли; *н* — глина; *о* — обожженная глина

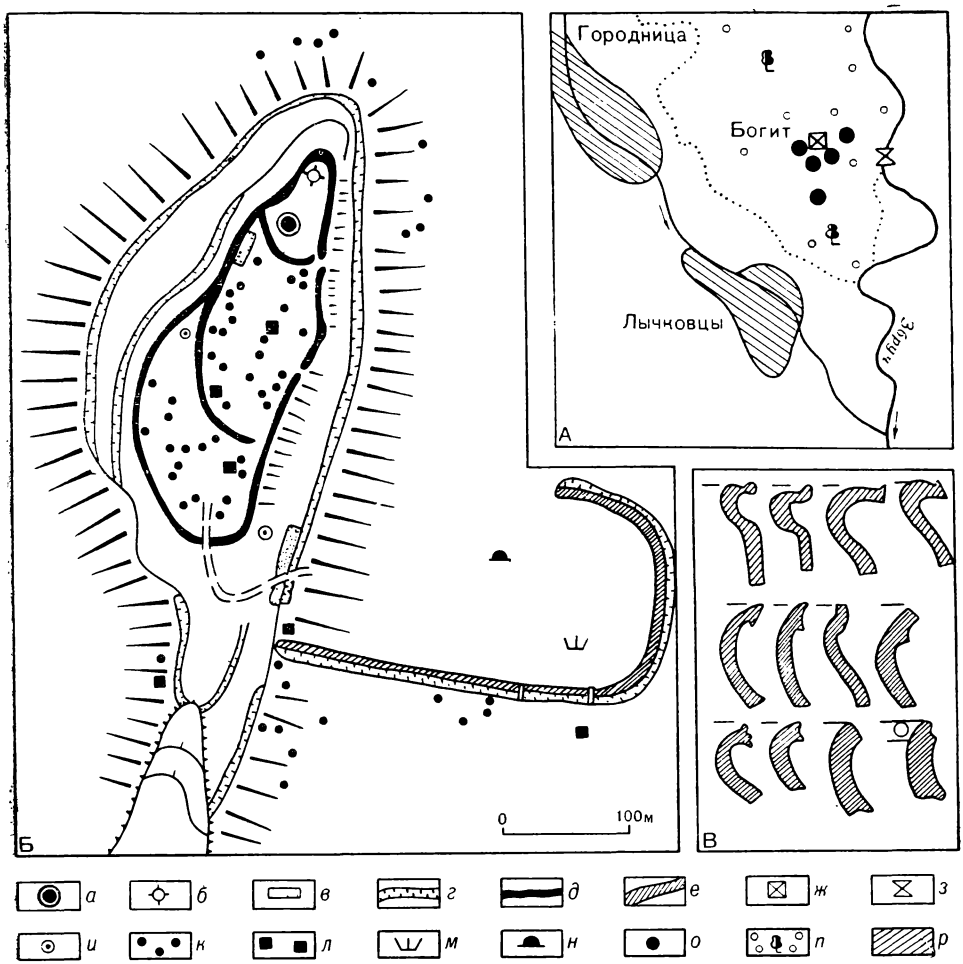


Рис. 18. Городницкое гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* — городище-святилище Богит; *В* — керамика из городища Богит; *а* — пьедестал для идола; *б* — курган-жертвенник; *в* — длинный дом; *г* — ров; *д* — каменный вал; *е* — земляной вал X в.; *ж* — городище-святилище; *з* — место находки Збручского идола; *и* — колодец; *к* — западина-жилище; *л* — раскопанные жилища; *м* — могильник; *н* — курган; *о* — селище X—XI вв.; *п* — лес; *р* — территория современного села

самой возвышенной части городища. На каменных валах, окружающих территорию с капищами, обнаружены площадки-алтари.

Сравнительно хорошо сохранилась площадка-алтарь на валу Крутиловского городища возле капища 1. Часть этой площадки длиной 10 м была исследована. Оказалось, что вершина каменного вала была снивелирована и на ней вымощена каменная площадка толщиной до 30 см. Верхние камни этой площадки обожжены. При зачистке площадки-алтаря (ее ширина более 3 м) найдены угли, зола, обожженные и необожженные кости

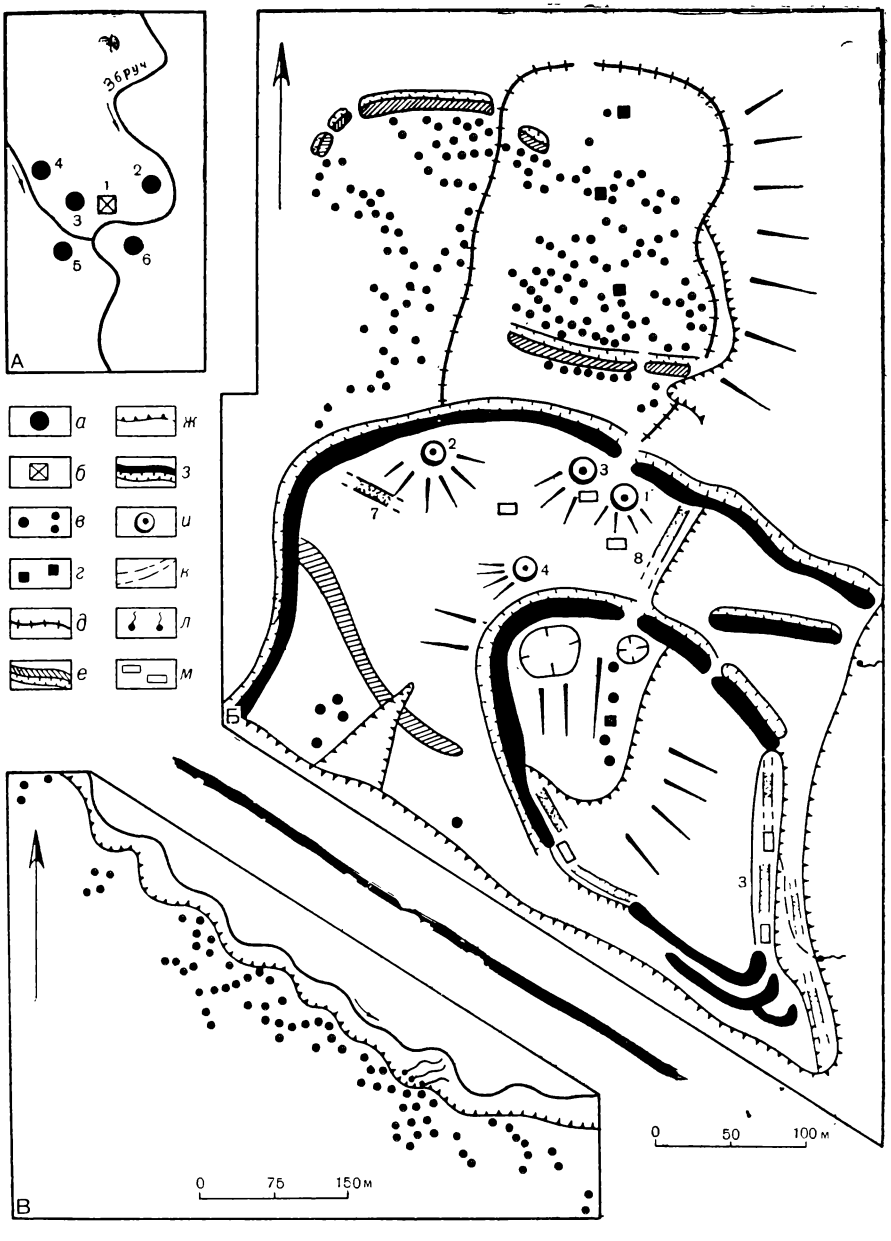


Рис. 19. Крутиловское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — городище-святилище Звенигород; *В* — селище Бабина долина; *а* — селище X—XI вв.; *б* — городище-святилище; *в* — западины-жилища; *г* — раскопанные жилища; *д* — вал раннежелезного века; *е* — вал и ров древнерусского времени; *ж* — крутой склон; *з* — каменный вал; *и* — капище; *к* — длинный дом; *л* — источники; *м* — жертвенные камеры

животных, кусочек детского черепа, обломки керамики XI—XII вв., разнообразные предметы, положенные на алтарь, по-видимому, как жертва богам. Среди этих предметов: железные цилиндрические замки (3), пружина цилиндрического замка, металлическая пряжка, медный черпак, обломки медного котелка.

Площадки-алтари устраивались не только на вершинах валов, но и на дне рвов, окружавших капища. Культовые рвы городищ-святилищ, как правило, были плоскими, и этим они отличались от оборонительных рвов, которые обычно имели большую глубину, крутые стенки и остроугольное или скруглепное дно. На плоском дне культовых рвов городищ-святилищ в Кулешовке, Рудниках и Крутилове обнаружены каменные площадки-алтари. Так, на Кулишовском городище с внешней стороны первого, внутреннего вала находится ров глубиной 0,6 м, шириной 5,3 м (рис. 17, *В*). На его плоском дне была устроена каменная площадка шириной 1,6 м. Верхние камни этой площадки имеют следы огня. На ней найдено много углей и обломков керамики X—XII вв.

Рудниковское городище-святилище X—XII вв. расположено на месте городища-святилища раннежелезного века [77] (рис. 20, *Б*). Капище древнерусского святилища занимает самое высокое в этом месте конусообразное возвышение, на вершине которого обнаружены остатки деревянно-глиняной постройки, возможно языческого («идольского») храма. Конусообразное возвышение у подножия окружено кольцевым рвом глубиной 1,1 м, шириной больше 4 м. При раскопках этого рва расчищены три каменные площадки-алтаря, расположенные на разных уровнях заполнения рва (рис. 20, *В*).

На плоском дне этого культового рва находилась каменная вымостка шириной 1,7 м, поверхность которой сильно обожжена. На камнях лежали угли, кости животных, иногда кальцинированные, и обломки посуды X—XI вв. Нижняя каменная площадка-алтарь с культовыми остатками была перекрыта слоем земли толщиной до 20 см. По-видимому, некоторое время алтарь не функционировал, и он был перекрыт слоем земли, вероятно наплывшей со стенок рва. Со временем во рву соорудили вторую каменную площадку такого же характера, как и нижняя. Найденные здесь обломки посуды датируются XI в. Затем ров был частично присыпан чистой глиной, и на ней вымощена третья каменная площадка-алтарь шириной 1 м, на которой также сохранились следы сильного огня. Керамика, найденная на верхней вымостке, относится к XII в. На дне культового рва Рудниковского святилища во все периоды его функционирования, кроме площадок-алтарей, находилось свободное пространство шириной больше 1 м, удобное для прохождения по дну рва верующих.

Культовый ров X—XII вв. Крутиловского городища-святилища был устроен на месте рва раннежелезного века. При этом древний ров был засыпан слоем камней толщиной 0,5 м, в результате чего образовалась горизонтальная площадка шириной около 5 м. На ней найдены угли, обломки керамики XI—XII вв., много костей животных, отдельные человеческие кости, кусок железного шлака.

Исследование площадок-алтарей на валах и во рвах позволяют утверждать, что на них во время богослужений и общественных жертвоприношений «огонь неугасающий за дубового древия непрестанно паляху» [78].

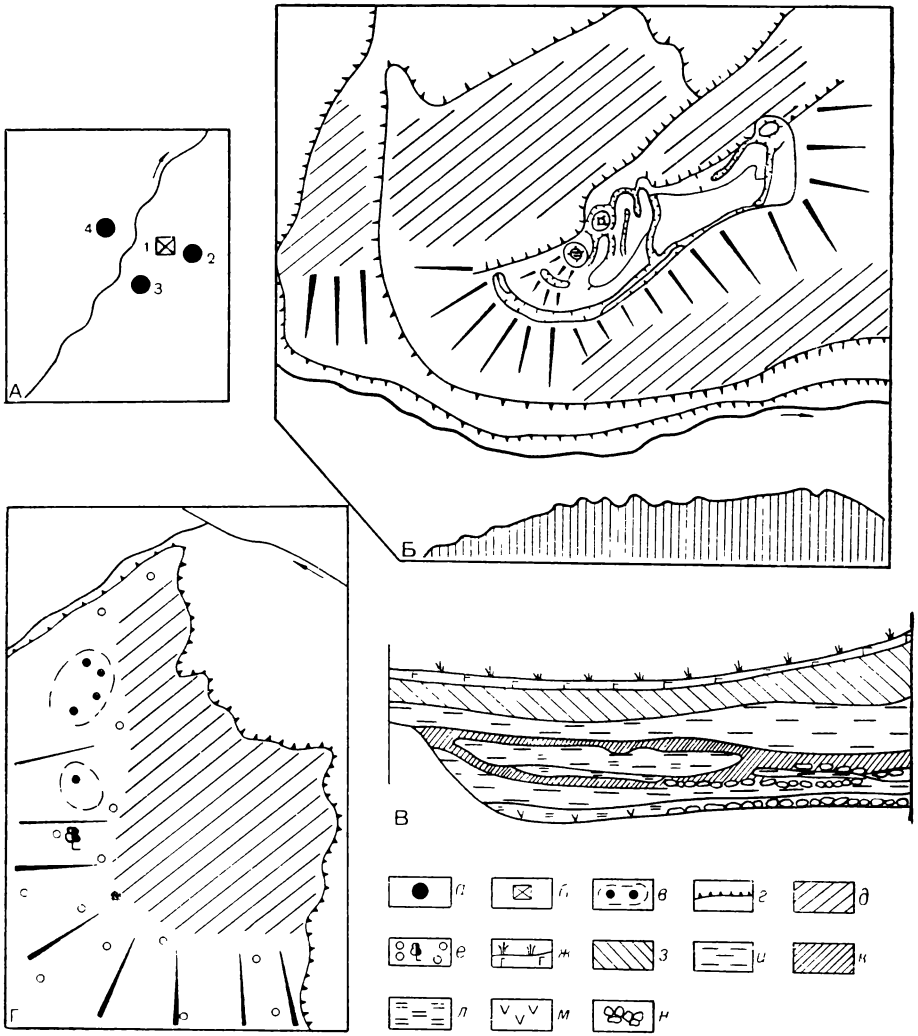


Рис. 20. Рудниковское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — план и профиль городища-святилища Копана Гора; *В* — профиль культового рва X—XII вв.; *Г* — селище Поляна; селища: *а* — IX—XII вв.; *б* — городище-святилище; *в* — западины-жилища; *г* — обрыв берега; *д* — территория селища; *е* — лес; *ж* — гумус; *з* — серая земля; *и* — глина; *к* — черная земля; *л* — обожженная глина; *м* — угли; *н* — камни

Этому «огню» язычники приносили жертвы, остатками которых являются кости животных, обломки глиняной посуды и разные предметы. Культовые валы и рвы с площадками-алтарями являются важным археологическим признаком восточнославянских городищ-святилищ.

Из других составных частей городищ-святилищ заслуживают особого внимания длинные дома. Их исследование проведено на святилищах в Го-

роднице и Крутилове. На территории Городницкого городища обнаружены два длинные дома (рис. 18, *в*). Оба они находятся за пределами капища. Первый из них расположен возле культового вала на территории городища, где находятся западины-жилища. От этого длинного дома (1) сохранилась горизонтальная площадка размерами 40×12 м. Часть этой площадки была расчищена на участке размерами 5,2×12,6 м. Оказалось, что пол наземного длинного дома выложен камнями. По контурам здания выявлены четыре столбовые ямы, и возле них найдены кусочки глиняной обмазки с отпечатками дерева. По-видимому, стены дома были деревянно-глиняными. На полу дома лежал культурный слой толщиной 10—30 см. В нем найдено очень много обломков глиняной посуды X—XII вв., причем преобладает наиболее поздняя. Часть керамики вторично обожжена. Здесь же встречены кости крупного рогатого скота. На полу найден обломок костяного предмета, бронзовая пластинка с отверстием и фрагмент железного обруча.

Длинный дом 2 Городницкого городища-святилища находится за пределами главного каменного вала, на территории, огражденной культовым рвом, возле древнего колодца. От этого дома сохранилась горизонтальная площадка длиной до 60 м, при ширине 6—8 м. Восточная часть дома, которая разрушается оползнями, была расчищена на площади 4,8×5,2 м. Оказалось, что его конструкция была такой же, как и дома 1. Но на его полу мало находок. Найдено несколько обломков гончарной посуды X—XI вв. и костей животных. Недалеко от этого дома раскопана нишеобразная печь для выпечки хлеба.

На Крутиловском городище-святилище длинные дома обнаружены в нескольких местах (рис. 19, *к*). Они имели, как показали раскопки, такую же конструкцию, как и длинные дома Городницкого городища-святилища. Их деревянно-глиняные стены были столбовой конструкции, и пол выложен из камней.

Два длинные дома Крутиловского святилища располагаются рядом с капищами, и на их территории обнаружены значительные остатки жертвоприношений. Так, длинный дом 7 располагался в 10 м от капища 2, на искусственно созданной террасе склона. Длина дома около 21 м, ширина 5,5 м. Раскопана центральная часть дома, свободная от деревьев, на всю ширину дома и в длину на 9,8 м. Здесь, на каменном полу находился глиняный под очага и возле него концентрировались находки: верхняя часть меча с навершием и перекрестием, обух топора, два ножа, коса-горбуша, замки трубчатые целые и в обломках (10 экз.), металлическая оковка ножен меча, часть железного удила, два полуторооборотных проволочных серебряных кольца, зерненная бусина минского типа, серп и др. На полу дома найдено много обломков глиняной посуды XII—XIII вв., стеклянных браслетов, побывавших в огне, и костей животных (часть из них обожжена).

Другой длинный дом (8) находится в 15 м от капища 1. Сохранившаяся от него горизонтальная площадка возле склона мыса имеет длину 25 м и ширину 5 м. Раскопана центральная часть дома, свободная от деревьев, площадью 5×4 м. На каменном полу этого дома найдены в большом количестве обломки керамики XII—XIII вв., кости животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, все особи молодые), а также обломки стеклян-

ных браслетов, топор, наконечник костяной стрелы и переплетенные друг с другом восемь проволочных перстеобразных серебряных колец. Под стенкой дома обнаружена яма диаметром 40 см, глубиной 30 см, на дне которой лежали четыре височных серебряных кольца с нанизанными на них тремя бусинами. На месте этого дома где-то в середине XIII в. была выкопана яма прямоугольной формы размерами 2,6×2 м, дно которой ниже пола дома на 20 см. На полу ямы и в ее заполнении лежали человеческие кости: разрушенные черепа, позвонки и бедренные кости от нескольких человек (ребенка 7 лет, подростка 15—18 лет, взрослых мужчин около 25 и 35 до 40 лет). Здесь же найдены черепки посуды первой половины XIII в., кости животных, стеклянные браслеты, проволочное перстнеобразное височное серебряное кольцо, перстень со щитком, выпиленный из кости, две шпоры, удила, три стрелы, трубчатый замок, нож. Эти жертвоприношения свидетельствуют о том, что в длинных домах возле капищ осуществлялись религиозные функции.

На территории Крутиловского городища-святилища, за пределами площадки для капищ, частично исследован длинный дом 3. Его длина более 20 м, ширина 5 м. Южная половина дома раскопана. Оказалось, что его стены были сложены из горизонтальных бревен, закрепленных столбами-стояками. Дом имел вход с южной стороны, ограниченный столбами, образующими тамбур шириной 1,1 м, длиной 1,4 м. Под тыльной стенкой дома находился очаг в виде глинобитного пода диаметром 90 см и остатков глинобитных стенок высотой 10 см. Перед очагом расположено возвышение, сложенное из камней размерами 1,6×0,8 м, высотой 40 см. На каменном полу найдены в небольшом количестве обломки глиняной посуды XII—XIII вв., угли, кости животных. Этот дом предназначался, по-видимому, для разного рода собраний язычников.

Остатки длинных домов обнаружены и на других городищах-святилищах. Так, на Ржавинском городище капище занимало почти круглую площадку диаметром 24 м, окруженную культовым валом. К этой главной части святилища примыкает круглая площадка шириной до 15 м, окруженная вторым кольцевым валом (рис. 21, *д*). На этой площадке сохранились следы длинных домов в виде горизонтальных площадок шириной 4—5 м (рис. 21, *з*). Пробными раскопками на территории одного из этих домов обнаружены обломки глиняной посуды IX в. и раздробленные кости животных — свидетельство того, что здесь съедали мясо животных.

Таким образом, важным элементом застройки городищ-святилищ наряду с площадками для идолов — капищами являются длинные дома, выполнявшие общественно-религиозные функции по типу контин, известных у западных славян. По свидетельству Гельмольда, на территории святилищ совершались, что во многом подтверждается археологическими данными, жертвоприношения, языческие пиршества и «каждый второй день недели собирался народ с князем и жрецом на суд» [79]. Все это происходило в длинных домах-континах, которые могли использоваться в любое время года и при ненастной погоде.

На городищах-святилищах в Городнице и Крутилове обнаружены углубленные жилища, которые располагаются на площадках, огражденных древними каменными валами, но за пределами капищ. Так, на городище-святилище Богит возле Городницы в пределах каменных валов сохра-

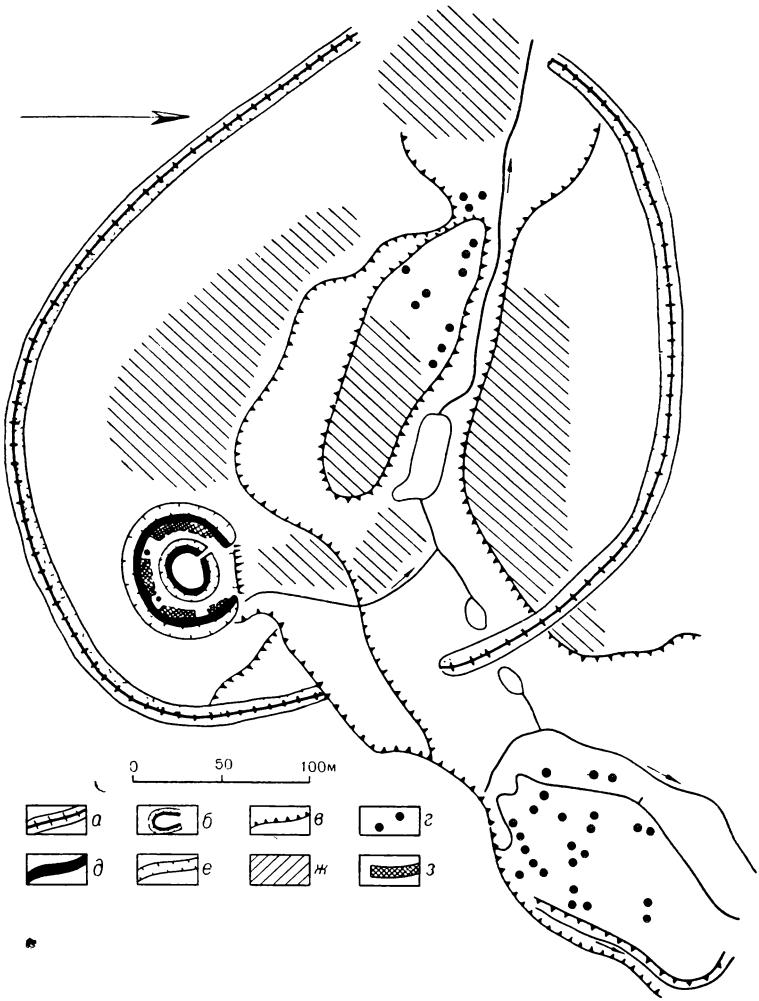


Рис. 21. Ржавинское городище-святилище

а — вал и ров раннежелезного века; *б* — капище; *в* — крутой склон; *г* — западины-жилища; *д* — вал IX в.; *е* — ров IX в.; *ж* — территория селища; *з* — длинный дом

нилось 44 западины-жилища. Их котлованы были выбиты в материковом каменистом грунте и скале. В настоящее время западины имеют квадратную или прямоугольную форму и окружены камнями из выброса. Некоторые из них расположены на дне внутреннего рва раннежелезного века. Три западины в пределах валов были раскопаны (рис. 22, *А*, *Б*, *В*). Они оказались остатками углубленных жилищ, деревянные стены которых имели столбовую конструкцию. На каменистом полу жилищ находились очаги, обломки горшков, мисок и сковородок X—XI вв., глиняные и каменные пряслица, кости животных.

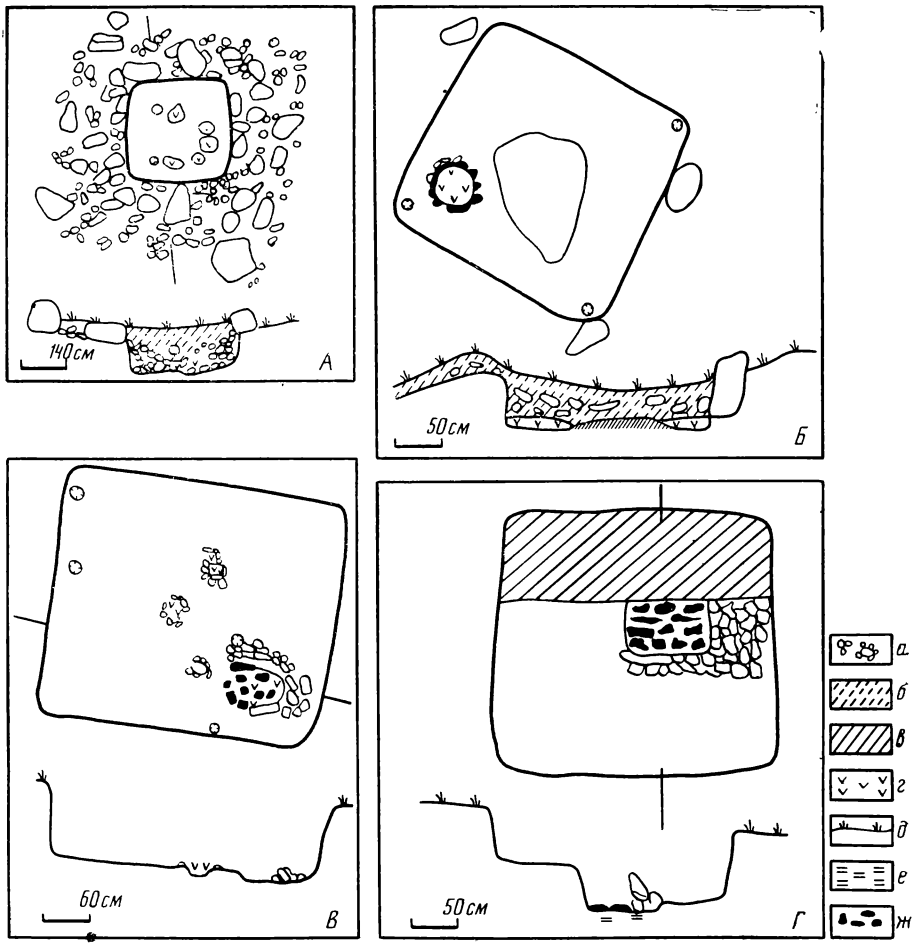


Рис. 22. Жилища X—XI вв. на городище-святилище Богит

а — камни; *б* — серая земля; *в* — материковый останец; *г* — угли; *д* — современная поверхность земли; *е* — обожженная глина; *ж* — обожженные камни

В центре городища-святилища Звенигород, возле Крутилова, за пределами площадки с капищами сохранилось 5 западин-жилищ (рис. 19, *в*). Одна из них раскопана. Здесь в каменистом материке выбит котлован прямоугольной формы размерами 2,8×3 м. В нем находились печь-каменка, горшок и черепки посуды XI—XII вв., целый стеклянный браслет, железный ключ, обгорелые зерна ржи и кости животных. Можно предположить, что жилища на территории городищ-святилищ принадлежали служителям языческого культа.

Привлекают к себе внимание западины-жилища городища Богит, которые располагаются на высоком мысу возле городища, но за пределами культового рва (рис. 18, *Б*, *к*). Они прикрывают святилище с более доступ-

ных к нему сторон. Предполагаем, что это жилища стражи, охранявшей городище-святилище. Одна из этих западин раскопана (рис. 22, *Г*). В котловане размерами 3×3,1 м находились печь-каменка и материковый останец высотой 0,5 м, шириной 1,1 м возле северной стены (здесь могли находиться нары). На каменистом полу жилища найдены угли от сгоревших стен, два обломка славянской керамики и кости животных.

Все исследованные на территории Украинского Прикарпатья городища-святилища находятся в окружении синхронных селищ. Эти селища часто располагаются рядом с городищами-святилищами в мало удобных для жизни местах. Например, вокруг Городницкого святилища обнаружено пять синхронных селищ (рис. 18, *А*, *о*). Все они находятся далеко от источников воды, а некоторые из них расположены на косогоре. Таково же расположение некоторых селищ возле Ржавинского святилища. Пять синхронных селищ обнаружено возле Крутиловского святилища. Два из них расположены на высоком плато.

Итак, на современном этапе исследования городищ-святилищ можно выделить следующие наиболее характерные (главные) археологические признаки памятников этого типа: 1) обязательной и наиболее важной составной частью любого городища-святилища является специально устроенная, обычно круглой или овальной формы, площадка для идола — капище. Жилища и хозяйственно-бытовые постройки на площадках-капищах не сооружались; 2) наличие культовых валов, ограждавших капища, на вершинах которых устраивались не оборонительные стены, а площадки — жертвенные алтари. Культовые валы не всегда связаны с рельефом местности, могут, например, располагаться на склонах холмов и мысов (Крутилов); 3) наличие культовых рвов, ограждавших капище или всю территорию святилища. Эти рвы не всегда сопровождаются валами, могут играть самостоятельную роль в «охране святилищ от злых сил». Культовые рвы имеют плоское или почти плоское дно, на котором устраивались площадки-жертвенные алтари; 4) важной составной частью городищ-святилищ были длинные дома-контины. Они располагаются на территории святилищ, но за пределами капищ; 5) городища-святилища находятся в окружении синхронных селищ.

Городища-княжеские крепости

Древнейшими феодальными центрами у восточных славян были княжеские (государственные) крепости [80]. Согласно хронологической классификации городищ княжеские крепости функционировали уже в X в. [81] На территории Украинского Прикарпатья они исследовались в Судовой Вишне [82], Ревне, Горишних Шеровцах, Коростоватой [83], Теребовле (рис. 23, *В*) и других местах. Их строили по инициативе княжеских (государственных) властей, по единому плану с учетом требований военно-административного аппарата, для которого они предназначались. Поэтому княжеские крепости X—XI вв. по основным признакам довольно схожи между собой. Это относится прежде всего к существенным принципам сооружения оборонительных линий.

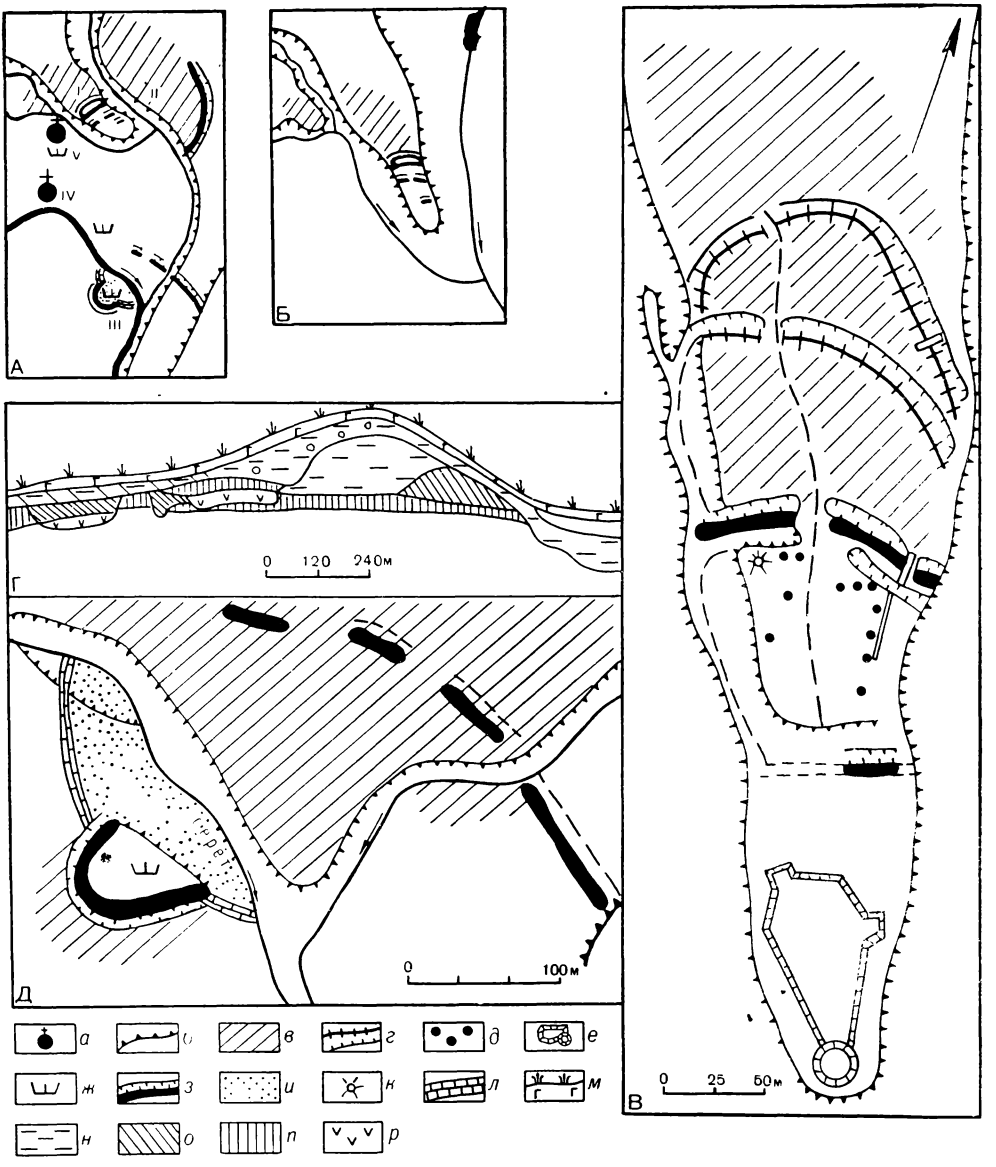


Рис. 23. Древнерусская Теребовля

А — схема расположения; *I* — княжеская крепость; *II* — посад; *III* — пристань; *IV—V* — монастыри; *Б* — городище и селище-спутник; *В* — план княжеской крепости; *Г* — профиль главного оборонительного вала крепости; *а* — монастырь; *б* — крутой склон; *в* — территория поселения; *г* — вал раннежелезного века; *д* — западины-жилища; *е* — каменная крепость XIV—XVII вв.; *ж* — могильник; *з* — вал древнерусского времени; *и* — территория гавани; *к* — курган; *л* — земляная дамба; *м* — гумус; *н* — глина; *о* — светлая глина; *п* — чернозем, *р* — угли

Основу главной оборонительной линии княжеских крепостей составляли валы-платформы, на гребне которых размещались сплошные линии оборонительных срубов. Валы-платформы древнерусских крепостей часто укрепляли внутривальными срубами. Но в X в. внутривальные срубы, по-видимому, еще не применялись. Например, вал-платформа Белгородского городища, сооруженного в конце X в., имел высоту 0,4—0,5 м и не был скреплен деревянными конструкциями [84]. Такую же высоту имел и вал-платформа княжеской крепости X в. в Ревне. На нем стояли оборонительные срубы, усиленные с наружной стороны глиняными откосами с каменной сердцевиной (рис. 24, *А*).

Оборонительные срубы княжеских крепостей X—XI вв. складывались из двух продольных параллельных стен, скрепленных между собой поперечными перегородками (рис. 24, *Б*). Образованные при этом помещения срубов не заполнялись землей, а использовались как боевые камеры-«стрельницы». В помещениях таких срубов, как показали исследования в Алчедаре [85], Екимауцах [86], Судовой Вишне, Ревне, Горишних Шеровцах, не было ни печей, ни очагов. В помещениях оборонительных срубов тех крепостей, которые были сожжены во время военного штурма (например, в Екимауцах и Алчедаре), найдены человеческие скелеты, остатки вооружения и другие предметы, принадлежавшие защитникам крепости. Эти находки указывают на использование боевых камер по прямому их назначению. Конечно, в период военных действий боевые камеры оборонительных срубов могли предоставляться и под временное жилье. По-видимому, так были использованы во время осады боевые камеры восточной части городища Судовая Вишня, в которых найдено вместе с вооружением много предметов быта (жерновые камни, горшки, сковородки, миски, кресала, шиферные пряслица, серпы, проколки и др.). Но в них не обнаружены отопительные сооружения.

Оборонительные срубы с внешней стороны, как уже отмечалось, укреплялись откосами. Та часть внешней стены этих срубов, которая не была прикрыта откосами, иногда обмазывалась толстым слоем глины (Ревна, Коростовата). Сверху оборонительные срубы перекрывались, как показали раскопки в Ревне, деревянным накатником, засыпанным слоем глины толщиной до 20 см.

Итак, основными элементами главных оборонительных линий княжеских крепостей X в. были невысокие валы-платформы и сплошные линии оборонительных срубов, расположенных на этих валах. Однако сохранность этих элементов далеко не одинакова. От оборонительных срубов на вершине вала могут сохраниться в лучшем случае отпечатки нижних венцов срубов и обгоревшие куски бревен. Чаще всего верхние части валов размыты и остатки наружных деревянных укреплений можно обнаружить лишь во рву в виде скоплений сгоревшего дерева и других находок.

Есть основания утверждать, что княжеские крепости X в. имели сложную систему укреплений. Кроме главной, их ограждали дополнительные укрепленные линии. Но последние часто имели менее сложную конструкцию, и их остатки на поверхности земли могли не сохраниться. Хорошо сохранилась вся система укреплений княжеской крепости в Ревне, так как она функционировала только в X в., позднейшим перестройкам не подвергалась, ее остатки расположены в лесу, где не проводились поздней-

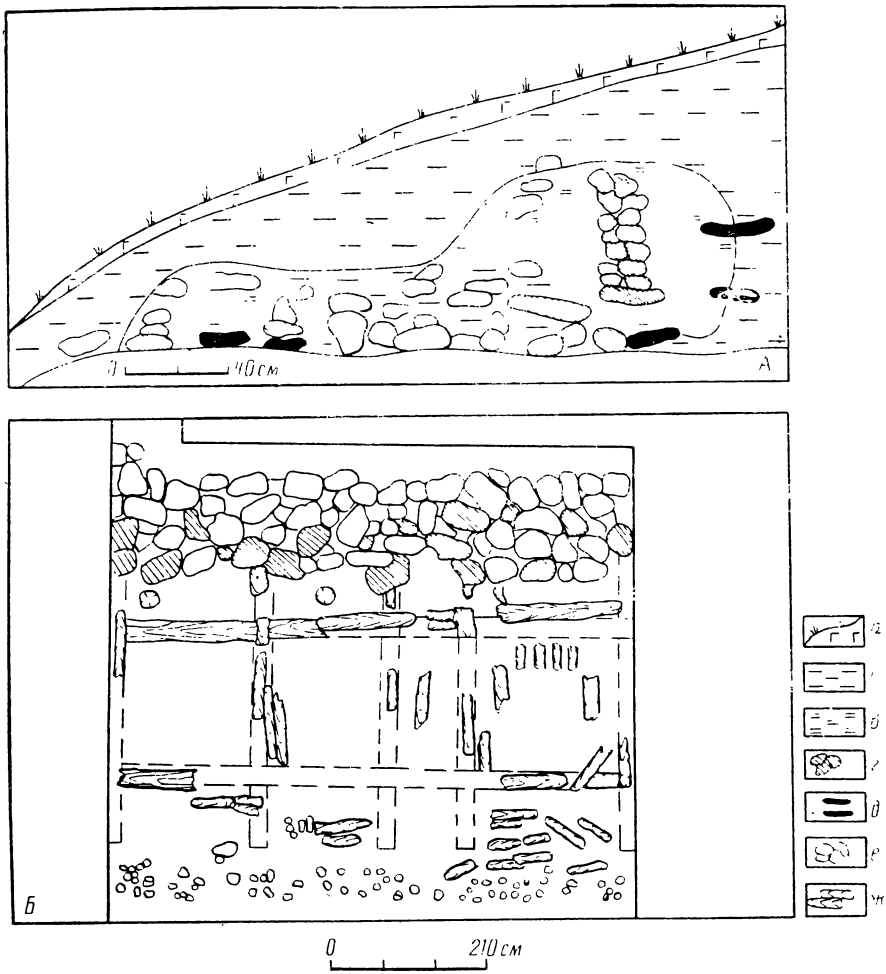


Рис. 24. Княжеская крепость X в. в Ревно

А — профиль внешнего откоса вала; *Б* — план оборонительных срубов главного оборонительного вала; *а* — гумус; *б* — глина; *в* — обожженная глина; *г* — обожженные камни; *д* — обгоревшее дерево; *е* — необожженные камни; *ж* — остатки срубов

шие земляные работы. Крепость расположена на высоком мысу, и, естественно, наиболее сложная система укрепленных линий прикрывала ее со стороны поля, где находился въезд в крепость (рис. 25, *А*). Здесь оборонительная полоса шириной 200 м состоит из пяти, включая главную, укрепленных линий. Дополнительные укрепленные линии ограждали крепость и с других сторон. С востока, например, где мыс имеет более пологий склон, кроме главной, крепость прикрывали еще три укрепленные линии.

На укрепленных площадках княжеских крепостей в Ревно и Горишних Шеровцах раскопаны жилищно-хозяйственные постройки, входившие

в конструкцию оборонительного вала. Они имели срубную конструкцию и по вертикали были расчленены на жилые (верхние) и хозяйственные (нижние) помещения. В нижних помещениях находились материковые останцы и не было печей. На полу этих помещений найдены железные шлаки, обломки глиняных тиглей, жерновые камни, точильные бруски, свидетельствующие об использовании этих помещений для хозяйственных нужд и занятия ремеслом. Находки предметов вооружения (стрела, шпора) среди остатков верхнего помещения позволяют утверждать, что в жилищно-хозяйственных срубах у вала жили дружинники, которые в свободное от военных занятий время занимались также ремеслом.

Заниматься домашним ремеслом дружинников заставила жизнь. Во время далеких походов они должны были ремонтировать, а то и изготовлять необходимое им снаряжение и вооружение. Иностранцы обратили внимание на то, как пишет Ибн-Мискавейх, что русские дружинники были не только вооружены, но и имели при себе ремесленные инструменты [87]. Поэтому дружинники должны были обучаться ремеслу постоянно — и тогда, когда жили в княжеских крепостях, и во время походов. Они не только учились ремеслу, но и принимали участие в материальном производстве.

Изучение жилищно-хозяйственных построек у вала позволяет определить приблизительное количество семей дружинников (о том, что они жили семьями свидетельствуют находки в этих жилищах женских украшений), которые могли постоянно жить в той или иной княжеской крепости. Так, протяженность главной оборонительной линии Ревнянской крепости составляет 960 м. Каждая жилищно-хозяйственная постройка у вала занимала пространство шириной около 5 м. Следовательно вдоль вала этой крепости могло разместиться около 200 таких жилищ. Но, как показали раскопки в северной (тыльной) части крепости, не все жилищно-хозяйственные постройки у вала были обитаемы. Это могли быть резервные жилища для тех, кто в случае военной опасности вставал на защиту крепости.

В отличие от плотно расположенных жилищно-хозяйственных построек у вала остальная часть укрепленных площадок княжеских крепостей X в. застраивалась свободно. Здесь жилища располагались на значительном расстоянии одно от другого, и их конструкция была несколько иной. Как показали исследования в Ревно, Горишних Шеровцах и Теребовле, это были срубные дома с подвалами. Так, на территории Ревнянской крепости следы этих домов сохранились в виде западин диаметром 5—7 м, глубиной до 0,5 м. Их здесь насчитано 10. Три из них раскопаны. Оказалось, что западины образовались на месте подвалов, входивших в конструкцию наземных деревянных домов.

На месте западины 1, например, раскопан подвал размерами 3,1 × 2,6 м, опущенный в материк на 1,8 м. С юга находился вход в подвал в виде коридора шириной 2,1 м, с покатым полом. На дне подвала лежали обгоревшие бревна, обожженные камни от печи, обломки керамики и другие находки, упавшие сюда во время пожара сверху. Это были остатки наземной части дома. Такие же остатки находились и вокруг котлована, образуя культурный слой толщиной до 20 см. Там, где этот культурный слой выклинивался, на древней поверхности сохранились отпечатки нижних бревен срубных

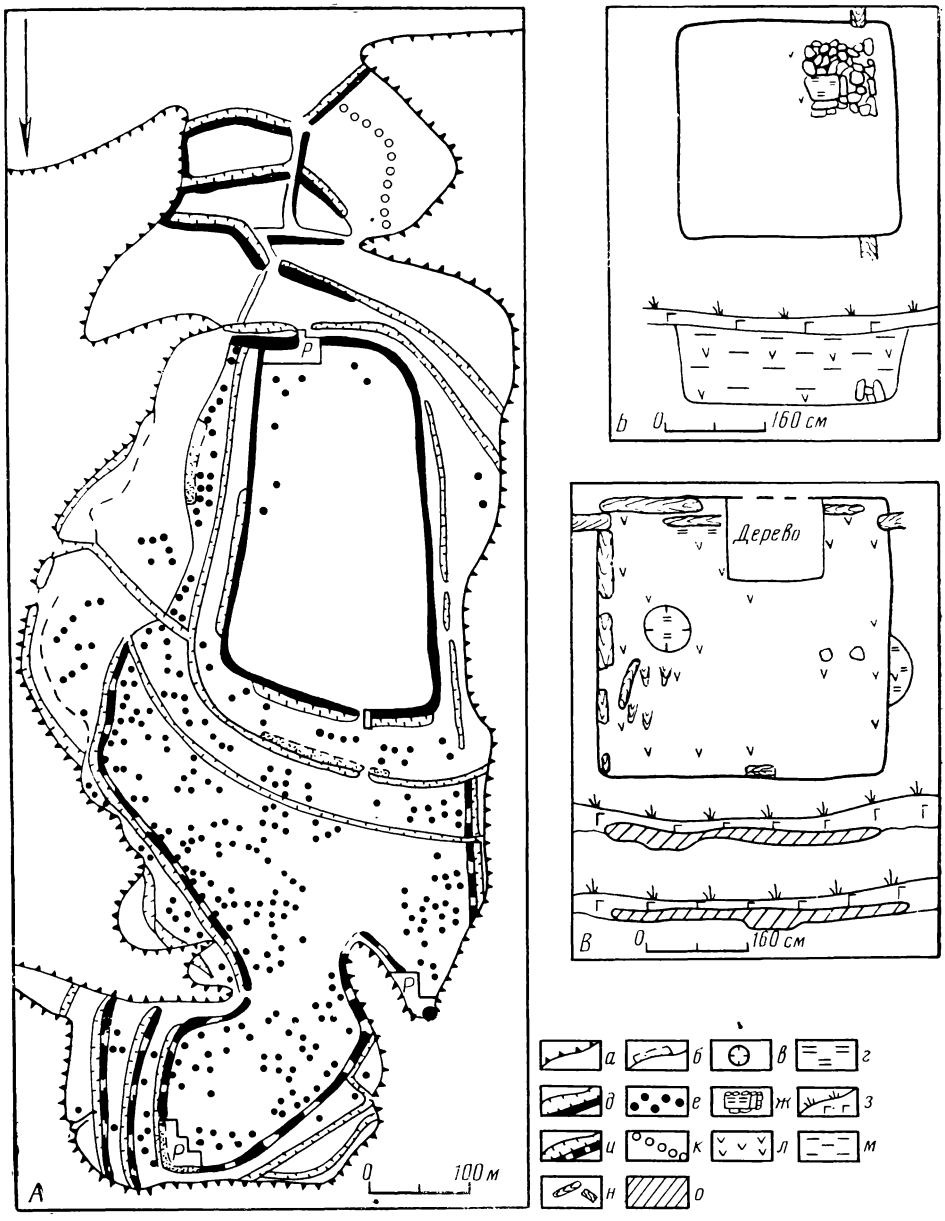


Рис. 25. Княжеская крепость Ревно

А — план крепости; *Б*, *В* — остатки срубов-опор дополнительной оборонительной линии крепости; *а* — обрыв; *б* — длинный дом; *в* — яма; *г* — обожженная глина; *д* — вал X в.; *е* — западины-жилища; *ж* — печь-каменка; *з* — гумус; *и* — вал IX в.; *к* — следы частокола; *л* — угли; *м* — глина; *н* — обгоревшее дерево; *о* — серая земля

стен дома, позволившие определить его размеры — 5×4 м. Приблизительно такой же характер имели и остатки двух других раскопанных домов с подвалами в Ревно.

На территории центральной площадки Горишнешеровецкой княжеской крепости на месте домов с подвалами также сохранились западины. На месте одной из них раскопан подвал размерами 5×4 м, в заполнении которого находились остатки сгоревшего наземного деревянного дома: обожженные камни от упавшей сверху печи, обгоревшие бревна, обломки керамики X—XI вв. и др.

На территории княжеской крепости летописной Теребовли (урочище Замковая гора), на месте домов с подвалами также сохранились западины диаметром 5—6 м (рис. 23, *д*). Зачистка одной из них, разрушенной строительством дороги, показала, что подвал был опущен в материк на 1,2 м. В его заполнении находились обожженные камни от отопительного сооружения, куски сгоревшего дерева, обломки керамики X—XI вв. и другие предметы, упавшие сверху.

Наземные срубные дома с подвалами, свободно располагавшиеся на территории центральной укрепленной площадки княжеских крепостей X—XI вв., несомненно принадлежали наиболее знатным жителям этих крепостей. Вполне допустимо, что это были дома членов княжеской администрации, на которой лежала обязанность также собирать дань и требовать выполнения других повинностей с населения той территории, на которую распространялась власть княжеской крепости. Обширные подвалы вполне были пригодны для хранения натуральных даней. О том, что великие князья собирали дань с населения, опираясь на военные гарнизоны княжеских крепостей, свидетельствуют летописи. Например, в «Повести временных лет» под 1096 г. говорится, что черниговский князь Олег «перея всю землю Муромскую и Ростовьскy, и посажа посадники по городам, и дани поча брати» [88].

Важной составной частью городищ-княжеских крепостей являются их селища-спутники, функционирование которых находилось в прямой зависимости от этих крепостей. Такие селища, как правило, располагаются рядом с городищами, часто в одинаковых топографических условиях (например, на высоких мысах), и время их существования синхронно времени функционирования городищ. Селища-спутники являются одним из показателей силы и могущества княжеской крепости. Чем больше было людей в этих селищах, тем сильнее была крепость. Жители селищ-спутников кормили, одевали и вооружали гарнизон крепости, ремонтировали укрепления, выполняли другие обязанности, связанные с нормальным функционированием крепости (см. ниже). Хозяйство княжеских крепостей (земледелие, скотоводство, прежде всего коневодство, ремесло, охотничьи службы и т. п.), которое велось и содержалось силами жителей селищ-спутников, страховало эти крепости от всяких неожиданностей, позволяло крепости выполнять свои функции и в том случае, если в силу каких-либо причин в крепость не поступала дань из окружающих сел.

Селища-спутники княжеских крепостей X—XI вв. еще плохо изучены. Не всегда есть возможность определить их размеры, так как они могли располагаться на некотором удалении от крепости, хотя и на землях, принадлежавших этим крепостям. Все же обследования селищ-спутников

княжеских крепостей X—XI вв. в Ревно, Горишних Шеровцах, Теребовле и других местах позволяют предварительно указать на следующие их характерные черты: 1) расположение селищ этого типа подчинено интересам княжеских крепостей; 2) время функционирования этих селищ совпадает со временем функционирования княжеских крепостей, спутниками которых они являлись; 3) на территории селищ этого типа, кроме стационарных жилищ (землянок с печами-каменками на территории Украинского Прикарпатья) и хозяйственных построек, выступают также остатки ремесленного производства (мастерские, отходы ремесла).

Таким образом, наиболее характерными признаками городищ-княжеских крепостей X в. являются 1) сложная фортификационная система, основу которой составляли укрепленные линии в виде валов-платформ с оборонительными срубами на них; 2) внутренний двор княжеских крепостей X в. застраивался по определенной системе. По периметру вала в один ряд размещались жилищно-хозяйственные, часто расчлененные по вертикали постройки, принадлежавшие дружинникам. Основным типом построек на остальной территории укрепленного двора крепости были срубные дома часто с подвалами, располагавшиеся на значительном расстоянии один от другого. Эти дома могли принадлежать членам княжеской администрации, которые, кроме выполнения военных и административно-судебных функций, ведали также сбором дани с подвластных им общин; 3) городища-княжеские крепости X в. всегда сопровождаются синхронными селищами-спутниками, на территории которых сосредоточивалось население, обеспечивавшее всем необходимым военно-административный гарнизон крепости.

Хронологическая классификация основных типов поселений VI—X вв.

Рассмотренные выше типы поселений могут стать полноценными историческими источниками лишь при условии их правильной хронологической классификации. При изучении гнезд-общин, как известно, учитываются все памятники независимо от степени их изученности. Для их хронологической классификации требуются массовые материалы. По отношению к восточнославянским памятникам VI—X вв. такими материалами являются керамические комплексы — часто единственные находки на недостаточно изученных поселениях.

Формы глиняной посуды, ее орнаментация и техника изготовления в процессе развития хозяйственной деятельности постоянно изменялись. Хронологическим изменениям более подвержена верхняя часть сосудов — величина и степень отогнутости шейки, форма венчика. По форме этой верхней части сосудов выделяются их типы, подтипы и варианты, которые составляют основу корреляции керамических комплексов. Только корреляция керамических находок по комплексам позволяет определить их место в стратиграфической системе того или иного поселения и путем их сопоставления с датирующими находками получить данные для уточнения абсолютной хронологии исследуемых поселений.

В связи с этим при исследовании восточнославянских памятников Ук-

раинского Прикарпатья особое внимание уделялось изучению керамических комплексов [89]. Больше всего таких комплексов получено при раскопках жилищ и хозяйственных построек. При этом учитывалось то, что в заполнение котлованов от углубленных жилищ часто попадал разновременный материал, так как жители соблюдали определенную гигиену и сбрасывали мусор в ямы от заброшенных жилищ и погребов. В заполнение могли попадать и более ранние материалы, упавшие туда с деревянно-земляных крыш жилищ, вырытых в древнем культурном слое. К закрытым керамическим комплексам относим прежде всего находки с пола жилища, перекрытые обвалившимися стенами и кровлей. Находки из верхней части заполнения котлованов составляют отдельный комплекс, также дающий некоторую информацию. Например, жилища, относящиеся к заключительному этапу жизни на поселении, не имеют в заполнении своих котлованов древнего мусора. В то же время в котлованах более древних жилищ обычно содержится более поздний мусор, керамические комплексы которого характеризуют следующий этап жизни поселения.

Корреляция керамических комплексов с учетом их места в стратиграфической колонке позволила определить закономерность взаимовстречаемости отдельных типов, подтипов и вариантов сосудов. Прослежены постепенное изживание сосудов одних типов, подтипов и вариантов и последовательное появление новых (рис. 26). На этом основании выделено пять фаз развития восточнославянской культуры VI—X вв. (рис. 27).

Для ранней фазы славянской культуры, которая датируется VI в. и на территории Украинского Прикарпатья представлена памятниками культуры пражского типа, характерны керамические комплексы, состоящие из лепных горшков, мисок, жаровень и миниатюрных сосудов (рис. 26, *26—28*). Ведущей формой этих комплексов являются расширенные в верхней части тулова горшки. В основной своей массе они неорнаментированы, лишь на отдельных экземплярах встречается орнамент в виде налепных валиков под венчиком, налепных шишечек на стенке сосуда, косых насечек на краю венчика. Для этих комплексов довольно характерны горшки, верхний край которых горизонтально или косо срезан. Вместе с ними встречаются горшки, края венчиков которых закруглены. Сковородки этой фазы чаще всего имеют низкие бортики, а миски — коническую форму (рис. 27).

Следующая фаза, которая датируется VII в., также представлена лепной посудой пражского типа (рис. 26, *19—22*). Здесь еще сохраняются формы горшков, характерные для ранней фазы, но более профилированные, и в этих комплексах появляются горшки с утолщенным венчиком, верхний край которого горизонтально срезан и имеет в разрезе треугольную форму. Вместе с керамикой этой фазы найдены бронзовые пальчатые фибулы, которые по многочисленным аналогиям датируются VII в. Этим временем, например, датируется бронзовая фибула из Черновки, найденная на полу полуземлянки вместе с керамикой этой фазы [90].

Средняя фаза, которая датируется VIII в., представлена лепными керамическими комплексами типа Луки Райковецкой (рис. 26, *13—17*). Ассортимент посуды такой же, как и в культуре пражского типа, но ее профилировка более разнообразна. Горшки имеют более толстые стенки, дно часто массивное, переход от стенок ко дну внутри сосуда во многих

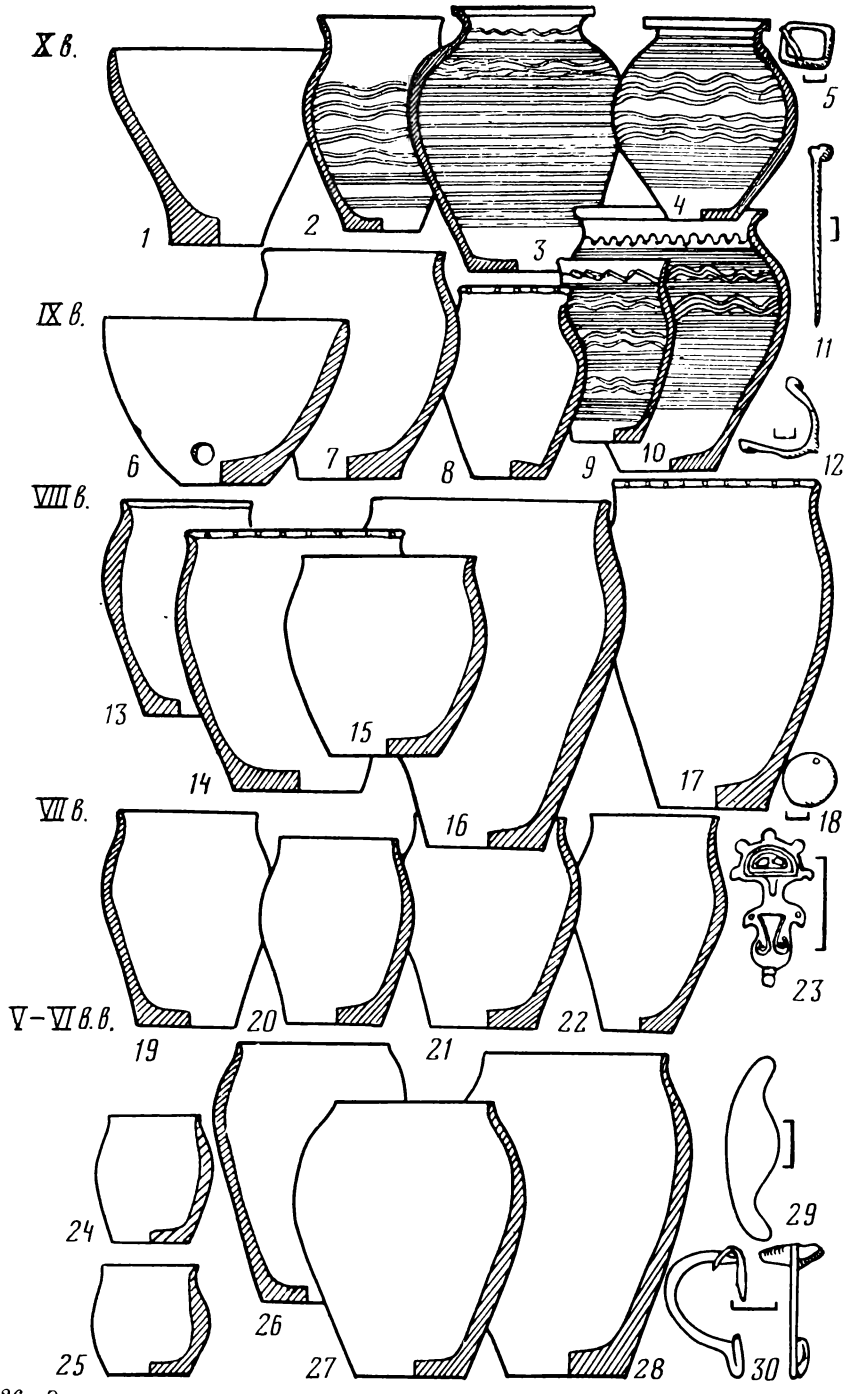


Рис. 26. Эволюция керамических комплексов конца V—X вв. Украинского Прикарпатья

1 — Широкая Поляна; *2—5, 7—12, 17* — Ревно; *6* — Горишние Шеровцы; *13, 15, 16, 19—21, 24—27, 30* — Кодын; *23* — Черновка

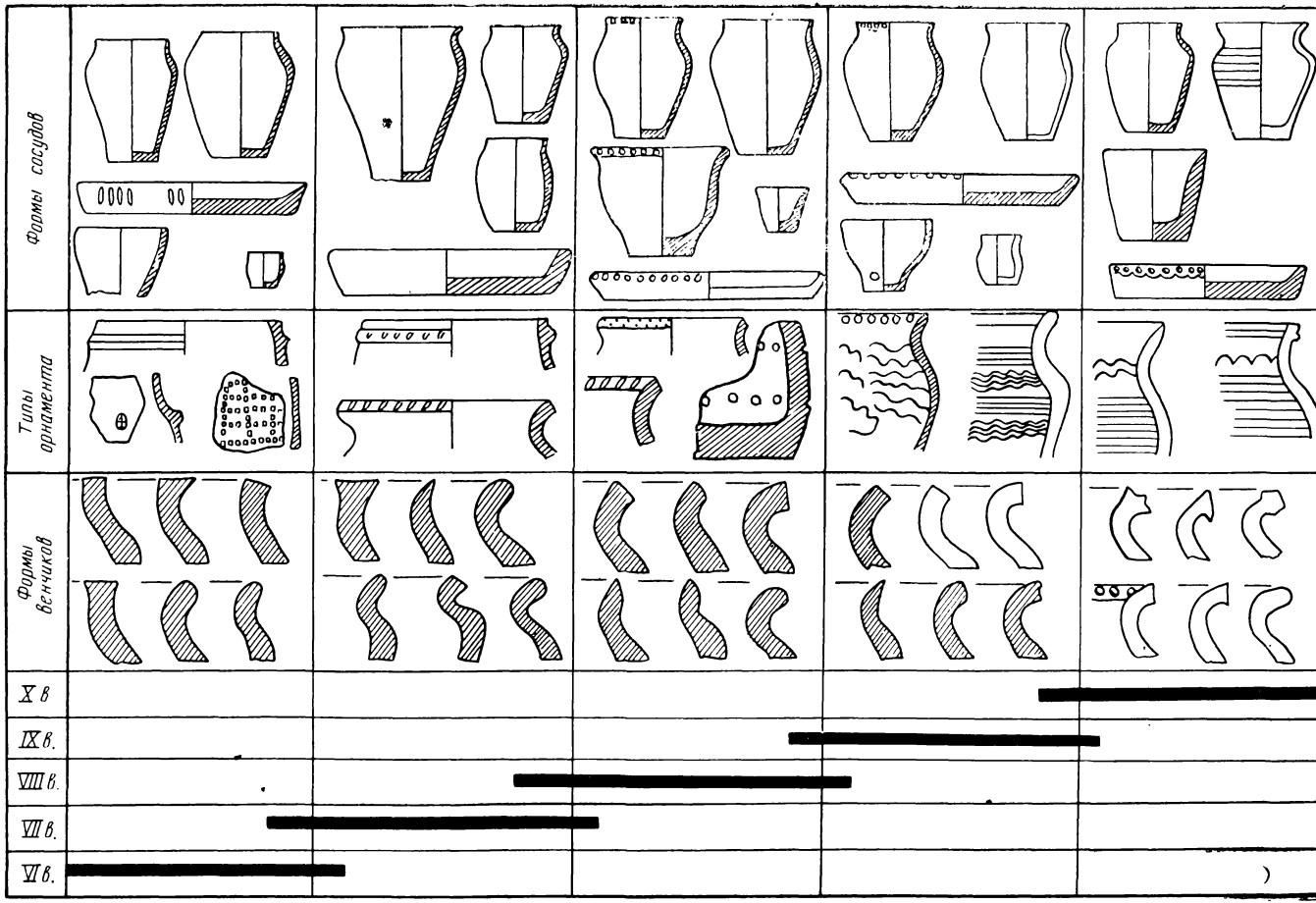


Рис. 27. Хронологическая шкала керамических комплексов Украинского Прикарпатья

случаях закруглен, глиняное тесто содержит примесь крупного шамота, зерна которого часто выступают на поверхности. Новым типом сосудов в этих комплексах являются лепные горшки с выступающими плечиками и отогнутыми венчиками, края которых косо срезаны и часто орнаментированы ямками.

Последующая фаза, которая датируется IX в., представлена керамическими комплексами, в которых господствует лепная посуда и есть небольшое количество гончарной древнерусской посуды (рис. 26, *6—10*). На этом этапе развития культуры появляются лепные горшки с вертикально срезанным краем венчика. Гончарные горшки этой фазы своими формами и профилировкой верхней части почти не отличаются от лепных горшков, с которыми сосуществуют. Они изготовлены из глины с примесями песка и шамота и по тулову орнаментированы горизонтальными и волнистыми линиями, иногда гребенчатыми наколами. Вместе с керамикой этой фазы найдены дирхемы VIII—IX вв., женские украшения (бронзовые перстни и браслеты) IX в. и другие предметы, относящиеся к этому времени [91].

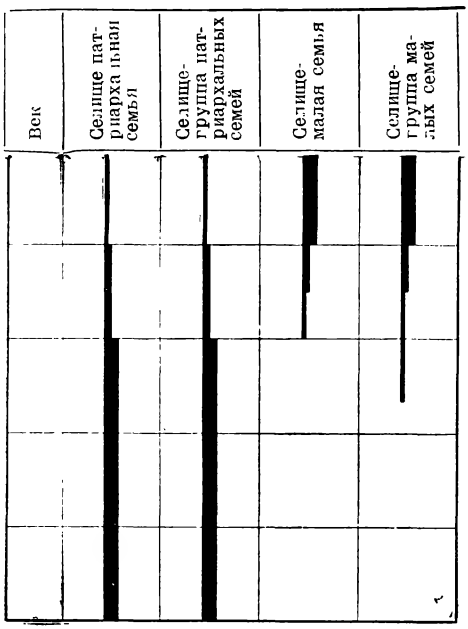
Последняя фаза, которая датируется X в., представлена керамическими комплексами, где явно преобладает гончарная керамика, но сохраняется в незначительном количестве лепная таких же форм, как в предыдущей фазе (рис. 26, *1—4*). Среди гончарной керамики в это время появляются горшки с отогнутыми венчиками, края которых сильно профилированы или же оформлены в виде манжетов (рис. 27). Их тулово орнаментировано более регулярными и аккуратными горизонтально-волнистыми линиями. В состав керамических комплексов этой фазы входят лепные миски, сковородки, жаровни и миниатюрные сосуды, в основном таких же типов, как и в предыдущее время, лишь с некоторыми хронологическими особенностями. Конические миски, например, более сужены ко дну, венчики их более выделены, тесто рыхлое, дно становится еще массивнее. Глиняные сковородки становятся разнообразнее, с более высокими бортиками, часто их стенки украшены косыми насечками или ямками. Вместе с керамикой этой фазы найдены серебряные монеты IX—X вв., трехгогие лунницы, импортная керамика и другие предметы X в. [92]

Таким образом, хронологическая шкала керамики (рис. 27) позволяет датировать поселения в пределах столетия, а во многих случаях и в более узких хронологических рамках (начало, середина и конец столетия). Согласно этой шкале поселения, принадлежавшие к одному и тому же гнезду-общине, датированы на одинаковом уровне и благодаря этому дают более объективную картину истории этих социальных микроорганизмов.

Хронология и социальная типология поселений раскрывают определенные закономерности их развития. Так, оказалось, что начало массового появления миниатюрных селищ, оставленных малыми неразделенными семьями, падает на IX в. (табл. 1). Наиболее древними общинными центрами у восточных славян были убежища (табл. 2). Около рубежа IX—X вв. преобладающее большинство общинных центров на территории Украинского Прикарпатья внезапно прекращает свое существование. Только отдельные городища-святилища функционировали до середины XIII в. Древнейшими феодальными центрами оказались княжеские крепости, строительство которых на территории Украинского Прикарпатья

Таблица 1

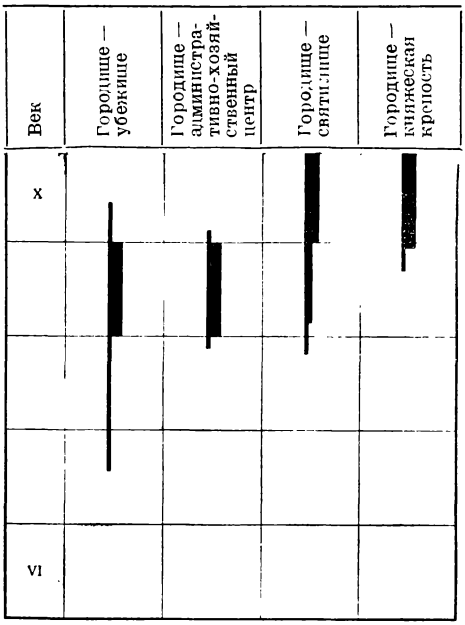
Хронология типов селищ VI—X вв. *



* Линия шириной 1 мм — единичные поселения: 2 мм — до 10 поселений; 4 мм — более 10 поселений.

Таблица 2

Хронология типов городищ VI—X вв. *



* Линия шириной 1 мм — единичные городища; 2 мм — до 10 городищ; 4 мм — больше 10 городищ.

началось не позже рубежа IX—X вв. Наконец, социальная типология городищ и селищ и их хронологическая классификация не только расширяют информационные возможности этих памятников, но и позволяют изучать системы поселений, прежде всего гнезда-общины.

[1] Напр., А. Л. Монгайт древнерусские селища делил на кучевые, круговые и линейные (*Монгайт А. Л.* Рязанская земля // М., 1961. С. 148); А. В. Куза выделил следующие топографические типы древнерусских селищ: приречные, мысовые, расположенные на дюнах, всхолмлениях, буграх или гривах на значительном удалении от берегов реки; водораздельные (на ровных плато, вдали от рек и озер). По характеру застройки эти селища он делил на прибрежно-рядовые, уличные и кучевые (*Куза А. В.* Древнерусские поселения // Археология СССР: Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 98—100). Эти типологии построены главным образом на внешних признаках, которые не раскрывают социальную сущность селищ.

[2] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. 1968. № 152. С. 164—167; *Раппопорт П. А.* Военное зодчество Западнорусских земель X—XIV вв. // МИА. 1967. № 140. С. 194—205.

[3] *Довженок В. И.* Про дофеодальний період в історії Русі // Археология. 1952. Т. 6. С. 9—31.

[4] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 16.

[5] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 5—14; *Тимощук Б. А.* Социальная типология селищ

VI—X вв. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985. С. 3—24.

[6] *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев, 1980. С. 163.

[7] На территории Украинского Прикарпатья почти полностью раскопаны селища VI—IX вв. в Рашкове (*Баран В. Д.* Пражская культура Поднестровья: (По материалам поселений у с. Рашков). Киев, 1988) и Кодыне (*Русанова И. П.*, *Тимощук Б. А.* Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М., 1984).

[8] Название «западина-жилище» несколько условное, так как некоторые из них могут оказаться остатками ремесленных мастерских и других углубленных построек. Но преобладающее большинство западин образовалось на месте углубленных жилищ, что позволяет пользоваться термином «западина-жилище» вместо расплывчатого «западина-углубленная постройка».

[9] *Добровольский А.* Звіт про археологічні досліди на території Дніпрельстану р. 1927 // Збірник Дніпропетровського історико-краєзнавчого музею. Дніпропетровськ, 1929. Т. 1. С. 144.

[10] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое: О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства// МИА. 1958. № 74. С. 9.

[11] *Москаленко А. Н.* Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981. С. 97—101. Рис. 18, 19.

[12] *Ефименко П. П.*, *Третьяков П. Н.* Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8. С. 15.

[13] При исследовании восточнославянских поселений VI—X вв. на территории Украинского Прикарпатья уделяется особое внимание тем из них, на которых сохранились западины-жилища. Это вызвано и тем, что значительное количество поселений VIII—X вв. покрыто лесом. На их поверхности не встречаются древние находки, и единственным внешним признаком поселения являются западины-жилища.

[14] Социальный микроорганизм — это самое низкое звено социальной структуры, наиболее жизнеспособное к саморазвитию. Археологическим отражением этой структуры в переходный период от первобытности к классовому обществу является гнездо-община, т. е. комплекс синхронных поселений, принадлежавших одному коллективу людей, связанных между собой социальной, хозяйственной и идеологической деятельностью.

[15] На поселениях с западинами-жилищами проведены инструментальная съемка планов и раскопки для получения датирующих материалов. При помощи ручного бура определялась по западинам глубина котлованов, наличие в них печей каменок, следов пожара и т. п.

[16] По определению В. Л. Даля, двор — это пространство между всеми строениями одного хозяйства (*Даль В. Л.* Толковый словарь. М., 1955. Т. 1. С. 422). В таком же значении употребляется название «площадка-двор» в данной работе.

[17] *Баран В. Д.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев. 1983. С. 12—24; *Он же.* Формування слов'янських старожитностей раннього середньовіччя за новими археологічними даними // IX Міжнародний з'їзд славістів. Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янских народів: Доповіді. Київ; 1983. С. 165—179.

[18] *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // МИА. 1963. № 108. С. 321—342; *Он же.* Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 196—208. Рис. 8.

[19] *Рафалович И. А.*, *Гольцева Н. В.* Раннеславянское поселение V—VII вв. Данчены I // АИМ (1974—1976). Кишинев, 1981. С. 125—140.

[20] *Кучера М. П.* Поселення волинян в околиці м. Луцька // Археологія. 1975. № 15. С. 98—103.

[21] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. М., 1973. Вып. Е1—25. Табл. 25.

[22] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. . . Табл. 27.

[23] *Русанова И. П.*, *Тимощук Б. А.* Кодын С. 46—53. Табл. 1.

[24] *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине // МИА. 1963. № 108. С. 183, 184.

[25] *Ширинский С. С.* Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабо-

владения и феодализма. М., 1970. С. 191.

[26] *Носов Е. Н.* Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тыс. н. э.: Автореф. дис.. . . ист. наук. М., 1977. С. 14; *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* Загадки Новгородской округи. Л., 1985. С. 21.

[27] Коллективная усадьба принадлежала нескольким брачным семьям, жившим в отдельных домах. Эти семьи пользовались общей площадкой-двором и вели общее хозяйство.

[28] *Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадиальности его перехода в развитый феодализм // ВИ. 1981. № 2. С. 61—63; *Фроянов И. Я.* Семья и вервь в Киевской Руси: (По поводу статьи О. И. Рапова) // СЭ. 1972. № 3. С. 95.

[29] *Ефименко А. Я.* Дворищное землевладение в Южной Руси // Русская мысль. М., 1892. Кн. 4. С. 161; *Косвен М. О.* Северорусское печище, украинские сябры и белорусские дворища // СЭ. 1950. № 2. С. 68.

[30] *Березовец Д. Т.* Поселения уличей . С. 187.

[31] *Приходнюк О. М.* Семья у восточных славян в раннем средневековье // Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976. № 2. С. 12—15.

[32] *Третьяков П. Н.* К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // ИГАИМК. 1934. Вып. 106. С. 110—112.

[33] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 4.

[34] Селище Рыжий яр возле с. Нодобоевцы Хотинского района Черновицкой области обследовано Прикарпатской экспедицией Института археологии АН СССР в 1979 г.

[35] *Приходнюк О. М.* Формування слов'янських старожитностей раннього середньовіччя в Середньому Подністров'ї: (За матеріалами розкопок в Луці Каветчинській) // Археологія. 1983. № 42. С. 16—28. Рис. 1.

[36] *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия С. 97.

[37] Археологи под патронимией понимают и объединения больших семей (*Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976. С. 97), и родственные группы малых семей (*Ширинский С. С.* Объективные закономерности . С. 49), и группы жилищ-усадеб родственников (*Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв. // СА. 1974. № 3. С. 100).

[38] *Федоров Г. Б.* Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX—XII вв.: (по археологическим данным) // Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973. С. 42—52.

[39] *Федоров Г. Б.* Генезис и развитие С. 46.

[40] *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 23—27.

[41] *Інкін В. Ф.* Нові матеріали до коментування «Руської Правди» про мужебійство та помству // Вісник Львівського ун-ту. Серія історична. Львів, 1970. Вып. 6. С. 89; *Свердлов М. Б.* Семья и община в Древней Руси // История СССР. 1981. С. 105.

[42] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 132, 133.

[43] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 5—14.

[44] Классификация городищ по их формам, топографическому расположению и размерам, т. е. признакам, которые относим к второстепенным при социальной типологии, применена в работах многих археологов. Например, А. Л. Монгайт древнерусские городища разделил на мысовые небольших размеров, большие мысовые, правильной геометрической формы и большие со сложной планировкой (*Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 146). П. А. Раппопорт эти же городища делит на мысовые, сложномысовые, округлые, не зависящие от конфигурации рельефа; сложного типа, состоящие из детинца и окольного города; островные. См.: *Раппопорт П. А.* Военное зодчество Западнорусских земель X—XIV вв. // МИА. 1967. № 140. С. 12—100.

[45] *Тимощук Б. А.* Общинный строй восточных славян VI—X вв.: (По археологическим данным Северной Буковины): Автореф. дис. . . докт. ист. наук. М., 1983. С. 15—22. Любой феодальный центр при благоприятных условиях развития мог стать детинцем древнерусского города. Но городища-детинцы раннего феодализма еще плохо изучены, и пока нет достаточных археологических данных, позволяющих четко отличить памятники этого типа от других типов городищ-феодальных центров, прежде всего от городищ-княжеских крепостей (городища—феодальные замки—усадьбы раннего феодализма пока не обнаружены). Таким образом, состояние источников не по-

зволяет в настоящее время выделить археологические признаки городищ-детинцев и в данной работе не рассматриваются.

[46] Городища-убежища — это условное название, которое не выражает всей сущности памятников этого типа. Принять в свои стены население окружающих поселений во время внешней опасности — это только одна из многочисленных функций убежищ. В летописях укрепления такого типа, которыми пользовалась мордва, названы «твердями» (ПСРЛ. 1. С. 191—192). Все же термин «убежище» указывает на такой важный археологический признак памятников этого типа, как отсутствие на их территории стационарных жилищ. Именно в таком понимании этот термин употребляется в данной работе.

[47] *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Науч. изв. Смолен. ун-та. Смоленск, 1926. Т. 4, вып. 3. С. 180—195.

[48] *Тимощук Б. О.* Ломачинське городище // Археологія. 1973. № 9. С. 100—107.

[49] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976. С. 72.

[50] *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище // САИ. М., 1975. Вып. Е1—32. С. 118. Рис. 27.

[51] *Рыбаков Б. А.* Раскопки во Вшиже в 1946—1949 гг. // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 35.

[52] *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур: Древняя Русь. М., 1953. С. 112.

[53] *Кухаренко Ю. В.* Памятники пражского типа на территории Приднепровья // Slawia Antiqua. Warszawa; Poznań, 1960. VII. С. 120, 121.

[54] *Федоров Г. Б.* Славяне Поднестровья // По следам древних культур: Древняя Русь. М., 1953. С. 143.

[55] *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. С. 60—67.

[56] *Ауліх В. В.* Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. в Західній Волині. Київ, 1972. С. 27.

[57] *Сымонович Э. А.* Раннеславянская культура лесной полосы Поднепровья (типа Колочин—Акатово) и ее место в славянском этногенезе // Slawia Antiqua. Warszawa; Poznan, 1972. Т. 22. S. 20.

[58] О длинных домах на территории городищ-общинных центров см.: *Szymański W.* Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza. Wrocław; W-wa; Kraków, 1967. S. 231—237; *Hilczerówna Z.* Dórzecze górnei i środkowej Obry od VI do początków XI w. Wrocław; W-wa; Kraków, 1967. S. 164.

[59] Хрестоматия по истории средних веков. М., 1949. Т. 1. С. 45—46.

[60] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини . . С. 121, 122.

[61] Там же. С. 122, 125.

[62] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 183, 184. Рис. 102.

[63] Яркую картину жизни длинного дома-контина нарисовал Б. А. Рыбаков: «Здесь находилось помещение для заседания „обчины“ и для совместных ритуальных пиров-братчин. Сюда в праздничные дни собирались представители городищ и „дымов“, составлявших мир. Здесь выбирали „градского старца“, ведавшего порядком на общественном городище. В определенные дни важных годовых праздников сюда стекались обитатели родовых поселков, принося с собой солод и хмель для пива, муку для „кораваев“, „косуль“ и пирогов и приводя скот для гаданий, жертв, трапез. Здесь загорались костры, пелись обрядовые песни, игрались „игрища“» (*Рыбаков Б. А.* Предпосылки образования древнерусского государства // Очерки истории СССР III—IX вв.: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. М., 1958. С. 840).

[64] «Военная организация такого мира, — писал Б. А. Рыбаков о таких поселках, — состояла по всей вероятности из отроков (людей, временно отрешенных от общей жизни и несших службу защиты угодий мира от покушений соседей). Они могли быть поселены все вместе в особом поселке „свободе“ — „слободе“» (*Рыбаков Б. А.* Предпосылки образования Древнерусского государства. С. 841).

[65] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74.

[66] *Тимощук Б. А., Михайлина Л. П.* Новые славянские памятники в бассейне Прута // АО 1978 г. М., 1979. С. 411.

[67] *Рыбаков Б. А.* Любеч — феодальный двор Мономахов и Ольговичей // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 21—23.

[68] *Кучера М. П.* До питання про конструкцію столпіє давньоруського літопису // Київська старовина. Київ, 1972. С. 60—62.

[69] Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2. С. 147, 515.

[70] *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. С. 27—45.

[71] *Авдусина Г. А., Засурцев П. И.* Раскопки на древней Ильинской улице в Новгороде в 1962—1963 гг. // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 134; *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси в X—XIII вв. Л., 1972. С. 31.

[72] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое С. 199.

[73] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Кодын С. 38—40.

[74] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина С. 170.

[75] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини С. 82—93; *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута // СА. 1983. № 4. С. 161—173; *Они же.* Второе Збручское (Крутиловское) святилище // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 78—91.

[76] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Збручское святилище: (Предварительное сообщение) // СА. 1986. № 4. С. 90—99.

[77] *Тимощук Б. А., Русанова И. Р.* Славянские святилища . С. 168—171.

[78] ПСРЛ. Т. 2. С. 207.

[79] *Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963. С. 185.

[80] Княжеские (государственные) крепости — это военные опорные и административно-фискальные пункты княжеской (государственной) власти на местах. Городища-княжеские крепости выделены в отдельный тип как государственные крепости при классификации городищ Среднего Поднепровья. См.: *Кучера М. П.* Поселения Среднего Поднепровья // Сухобоков О. В., Беляева С. А. и др. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984. С. 24.

[81] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 37.

[82] *Ратич О. О.* Результати досліджень древньоруського городища «Замчисько» в м. Судова Вишня Львівської області // МДАПВ. 1962. Вып. 4. С. 106—119; *Он же.* До питання про розташування і оборонні споруди давньоруських городів Південно-Західної Русі // МДАПВ. 1964. Вип. 5. С. 115—129.

[83] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 36—38, 164—166, 172—175.

[84] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. 1956. № 52. С. 73.

[85] *Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф.* Памятники древних славян VI—XIII вв. Кишинев, 1974. С. 79.

[86] *Федоров Г. Б.* Городище Екимауцы // КСИИМК. 1953. Вып. 50. С. 114.

[87] *Якубовский А. Ю.* Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332/943—944 гг. // Византийский временник. 1926. Т. 24. С. 65.

[88] ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 168, 169.

[89] Периодизация и хронология керамических комплексов VI—X вв. Украинского Прикарпатья рассмотрена в следующих работах: *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. . С. 16—36; *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972. С. 33—50; *Он же.* Пражская культура Поднестровья. . . С. 25—32; *Тимощук Б. О.* Сло'яни Північної Буковини С. 9—12; *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Кодын . С. 23—28.

[90] *Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П.* Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V—X вв. // СА. 1981. № 2. С. 91. Рис. 7, 8.

[91] *Максимов Е. В., Петрашенко В. О.* Городище Монастырьок VIII—XIII вв. на Середньому Дніпрі // Археологія. 1980. № 33. С. 3—20; *Они же.* Славянские памятники у с. Монастырёк на Среднем Днепре. Киев, 1988. С. 92—93; *Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 110; *Мезенцева Г. Г.* Канівське поселення полян. Київ, 1965. С. 108.

[92] *Федоров Г. Б.* Древнерусская культура Поднестровья (X—XII вв.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974. С. 111; *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха: Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965. С. 120—122.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ОБЩИНА VI—IX вв.
(по материалам гнезд поселений)

Критерии выделения гнезд-общин

Восточнославянские поселения VI—IX вв. располагаются, как правило, небольшими гнездами, каждое из которых отражает структуру такого социального микроорганизма, как община. Группы поселений называем «гнезда-общины». Гнездо-община — это группа синхронных поселений, расположенных на строго определенной территории и связанных между собой единой социально-экономической структурой.

Гнезда древнерусских поселений специально изучал В. В. Седов при сплошном обследовании левобережной части Днепровского бассейна в центральной части Смоленщины [1]. На многих из таких гнезд поселений, часто расположенных в бассейне одной небольшой реки, выделены общинные центры. Исследователь отметил, что в состав этих группировок входили городища-убежища, городища-святилища, селища, курганные могильники, и пришел к выводу, что гнезда принадлежали сельской (территориальной) общине.

Гнезда поселений восточных славян не остались за пределами внимания других исследователей. Б. А. Рыбаков на основании картографирования поселений пришел к заключению, что количество поселений в каждом гнезде достигало 10—15 и одна группа поселений отделена от другой незаселенной полосой в 20—30 км^2. И. И. Ляпушкин также рассматривал гнездо поселений как компактное скопление древних поселений определенного времени, отделенное от других подобных скоплений незаселенным пространством. Он утверждал, что каждое гнездо состоит из трех-четырех поселений, а расстояние между гнездами составляет 30—40 км, а иногда и больше [3]. Исследуя поселения роменской культуры в бассейне р. Сейм, А. В. Кашкин и А. А. Узянов отмечают, что они группируются по три—пять, иногда пять—десять и расстояние между группами 3—5 км. Гнезда отделены друг от друга естественными рубежами (балками, болотами, ручьями) [4].

Неоднозначность сведений о восточнославянских гнездах поселений можно объяснить, во-первых, тем, что до настоящего времени еще не выработаны единые критерии их выделения, и, во-вторых, тем, что в разных географических районах расселения восточных славян гнезда могли иметь неодинаковый характер. Поэтому на данном этапе изучение гнезд-общин лучше всего проводить по отдельным регионам. В нашем исследовании обращено внимание на критерии выделения восточнославянских гнезд-общин Украинского Прикарпатья, где проведено специальное их изучение.

Методика изучения гнезд-общин в данном регионе сводилась к следующему. Сначала было изучено Черновское гнездо поселений, которое имеет естественные границы (рис. 28). Его территория подверглась сплошному

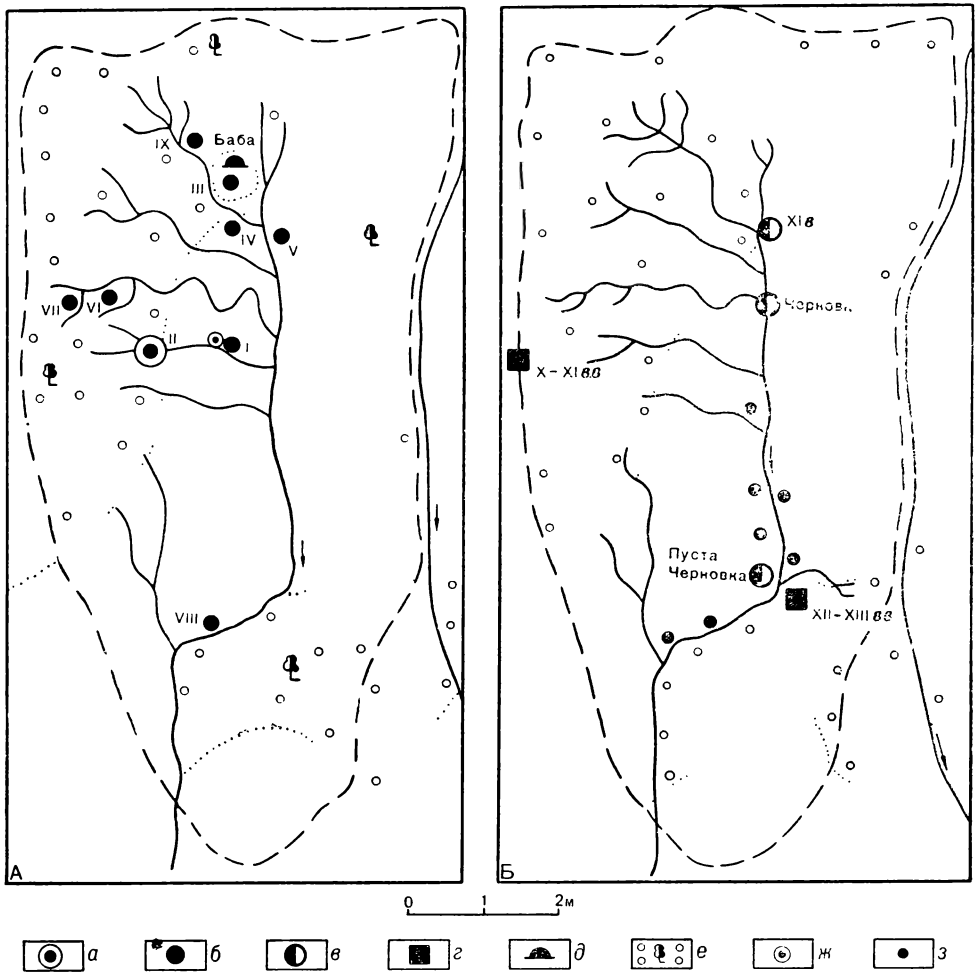


Рис. 28. Черновское гнездо поселений VI—XIII вв. (А) и X—XV вв. (Б)

а — поселение-общинный центр; *б* — селище VIII—IX вв.; *в* — большое селище X—XV вв.: *г* — городище-феодальный центр; *д* — курганный могильник; *е* — лес; *ж* — селище VI—VII вв.; *з* — миниатюрное селище XII—XIII вв.

обследованию [5]. На обнаруженных поселениях, датируемых от середины I тысячелетия н. э. до XV в. (первого письменного упоминания с. Черновка в 1412 г.), были проведены раскопки. Здесь впервые получено определенное представление о территории и структуре гнезда-общины VI—X вв., что благоприятствовало изучению таких же гнезд в других местах Украинского Прикарпатья.

Одновременно для получения массового материала о гнездах-общинах восточных славян было проведено сплошное обследование большой территории, расположенной между Днестром и Карпатами (ее приблизитель-

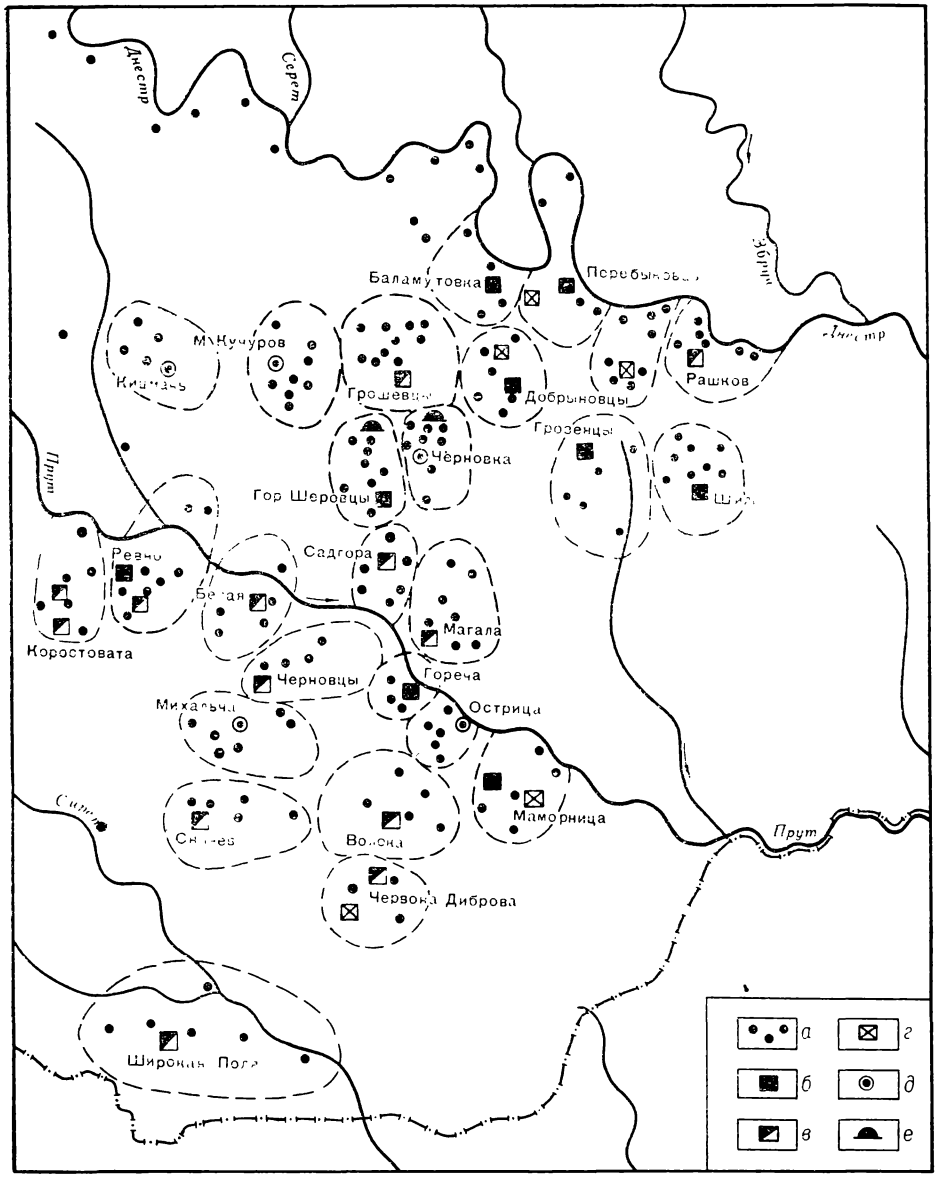


Рис. 29. Гнезда поселений VI—X вв.

а — селища; *б* — городище-административно-хозяйственный центр; *в* — городище-убежище; *г* — городище-святилище; *д* — поселение-общинный центр; *е* — курганный могильник

ные размеры 100×40 км). В нее входят два различных региона: 1) Пруто-Днестровское междуречье — район древней земледельческой цивилизации и сравнительно стабильной жизни населения и 2) Буковинское Прикарпатье — район традиционного скотоводства и менее стабильной жизни населения. На этой территории изучено 25 гнезд поселений VI—X вв. (рис. 29). Отдельные гнезда поселений этого времени обследовались и в других местах Черновицкой, Ивано-Франковской и Тернопольской областей. Всего, таким образом, изучено 36 гнезд поселений (см. приложение).

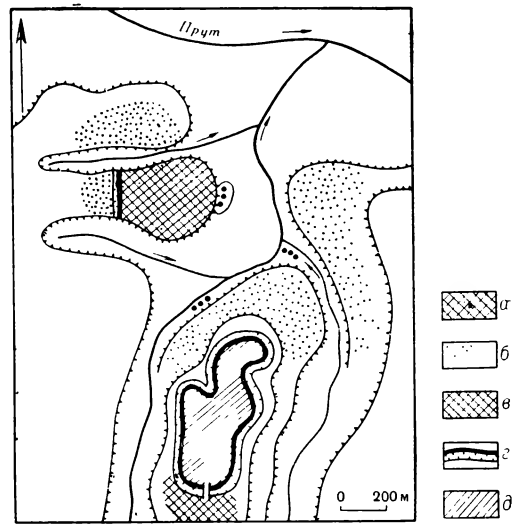


Рис. 30. Общинный центр Ревнянского гнезда поселений

а — городище — административно-хозяйственный центр;
б — селища;
в — селище-спутник городища-убежища;
г — укрепленная линия городища-убежища;
д — городище-убежище

Оказалось, что гнезда поселений VIII—X вв. лучше сохранились, чем гнезда поселений VI—VII вв. Последние обычно занимают ровные террасы по берегам рек. Их места сейчас заняты современными селами или пахотой. В VIII—IX вв. в связи с новым этапом социально-экономического развития происходит резкое увеличение числа населения, что привело к освоению новых, до тех пор не обжитых земель. Расселение небольшими поселками требовало широких площадей, продвижения в леса и верховья рек. В X—XI вв. начался обратный процесс слияния малых поселков в большие села, которые обычно снова размещались в низовьях рек (рис. 28, *Б*). Вследствие этого значительная часть поселений VIII—IX вв. расположена по берегам небольших рек и ручьев выше по течению, чем поселения VI—VII вв., часто на землях, не заселенных позднее, и они хорошо выделяются по горизонтальной стратиграфии.

Территория многих поселений VIII—X вв. покрыта лесом или расположена на древних пастбищах, где хорошо сохранились западины-жилища. Их фиксация и изучение дали возможность получить необходимые данные не только о размерах и характере планировки поселений, но и о составе и структуре их гнезд.

Археологическое изучение восточнославянских гнезд поселений показывает, что селища в каждом гнезде тяготеют к определенному центру, группируются вокруг него. Следовательно, главным критерием выделения гнезд поселений являются поиски такого центра. Но эти центры не были однотипными. Среди общинных центров VIII—IX вв., например, встречены городища-убежища, городища-административно-хозяйственные центры, городища-святилища. Ими могли быть и большие селища с раз-

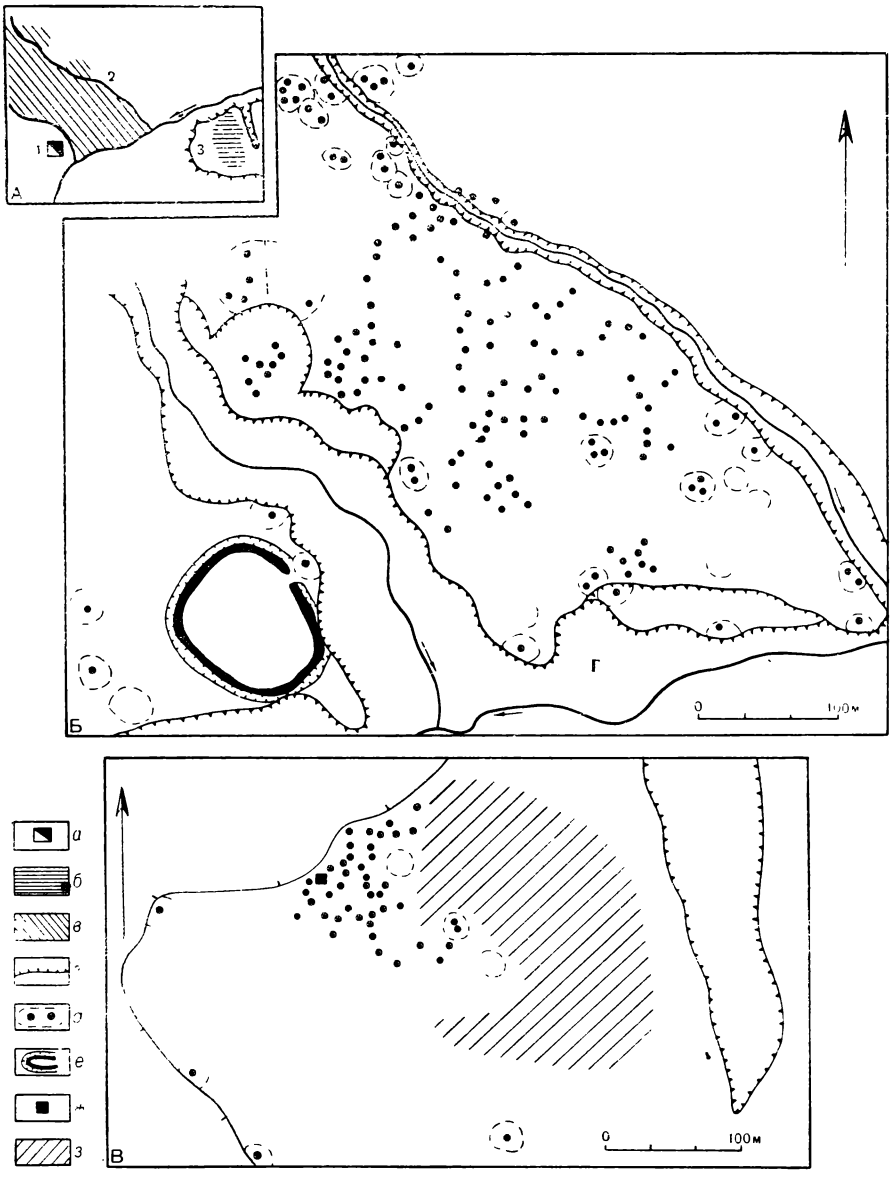


Рис. 31. Общинный центр Магалянского гнезда поселений

А — схема расположения, *Б* — (*1*) городище-убежище; *Г* — (*2*) селище Кожушна; *В* — (*3*) ремесленное поселение Буда; *а* — городище IX в.; *б* — ремесленное поселение VIII—X вв.; *в* — поселение — общинный центр VIII—X вв.; *г* — обрыв берега; *д* — западины-жилища; *е* — вал IX в; *ж* — раскопанное жилище; *з* — распаханная часть селища

витым ремеслом. На территории некоторых наиболее развитых гнезд поселений VIII—IX вв. обнаружены общинные центры довольно сложной структуры. Например, центр Ревнянского гнезда поселений IX в. состоял из двух городищ: убежища и административно-хозяйственного центра (рис. 30); центр Магалянского гнезда — из городища-убежища, крупного селища и ремесленного поселения (рис. 31). В состав общинных центров могли входить поселения с различными функциями, но, как правило, не встречаются общинные центры, в которые входили бы одинаковые в функциональном отношении синхронные памятники.

Следует обратить внимание на то, что святилища, хотя и являлись составной частью общинных центров, но часто располагались отдельно от административно-хозяйственных центров и рядом с ними находились общинные могильники. Следовательно, при выявлении места расположения общинного центра определенная роль принадлежит и общинным могильникам.

Структуру гнезд поселений можно изучить полностью лишь при условии, что будет определена вся территория, на которую распространялось влияние общинного центра, т. е. будут определены конкретные границы каждого гнезда поселений. Определенная роль здесь принадлежит естественным границам (всхолмлениям, горным хребтам, водоразделам, рекам, болотам, лесам) и большим незаселенным пространствам, которые разделяют отдельные скопления поселений с их центрами.

Не исключено, что границы гнезд-общин VIII—XI вв. обозначались искусственными межевыми знаками: курганами, камнями, рвами, валами и т. п. Некоторые из них могли сохраниться. Во время обследования Беловского гнезда поселений VIII—XI вв. обнаружены в лесу два одиноко расположенные на расстоянии 1,5 км один от другого кургана высотой до 1 м, диаметром до 8 м. Погребений в курганах не обнаружено. Но обращает на себя внимание то, что они расположены на давно существующей границе, отделяющей земли села Белая от земель г. Черновиц. Не исключено, что эти курганы являются межевыми знаками земельных владений древних общин.

Вспомогательную роль в определении границ древних гнезд-общин могут сыграть феодальные грамоты, на страницах которых упоминаются средневековые села с относящимися к ним землями. Так, в молдавских грамотах XIV—XV вв., в которых упоминаются буковинские села, говорится, что каждая сельская община имела издревле установленные границы — «хотари». Последние в период феодализма были довольно устойчивой категорией. П. В. Советов и П. П. Бырня, которые специально изучали хотари сельских средневековых общин, пришли к выводу, что эти хотари ведут свое начало от феодальных времен и являлись устойчивой территориальной единицей. Хотари сельских общин не нарушались и в том случае, когда поселения поглощались феодальными вотчинами [6].

Таким образом, изучив границы сельских общин XIV—XV вв. по феодальным грамотам и пользуясь ретроспективным методом, в тех случаях, когда эти границы подтверждаются другими данными, можно уточнить территорию гнезд-общин более древнего времени.

К числу вспомогательных методов определения границ древних гнезд-общин следует отнести данные пограничной микротопонимии. Например,

на границы древних общественных структур Украинского Прикарпатья указывает топоним «готар», означающий то же самое, что и «хотар» феодальных грамот. В связи с этим любопытно отметить, что хотари феодальных грамот связываются с более крупными общественными институтами, чем феодальное село. Так, в грамоте от 30 марта 1392 г. упоминаются три буковинские села (Чорсечевцы, Владимировцы и Букуровцы), входившие в один общий хотар [7]. По всей вероятности, эти села входили в состав одной общины-гнезда и «хотар» указывает, скорее, на границы не села, а общины, в состав которой входило несколько сел[8].

На основании изучения феодальных грамот, картографических материалов, микротопонимии и естественных границ определены конкретные границы Черновского гнезда-общины, расположенного в бассейне р. Мошков (левый приток р. Прут). Во-первых, это гнездо-община имеет хорошо выраженные естественные границы. Его западная и северная границы проходят по водоразделу, где находятся высокие холмы, покрытые густыми лесами. Восточной границей служит р. Гуков, на берегах которой нет славянских поселений. Последние не обнаружены на значительном расстоянии и на восток от этой реки. С юга территорию гнезда также ограждают высокие холмы, покрытые лесами (рис. 28).

Во-вторых, уже в первом упоминании Черновки (1412 г.) говорится, что хотар этому селу «где из века оживали», т. е. что его границы сложились давно, возможно еще в догосударственный период. Эти границы не менялись, как свидетельствуют феодальные грамоты и картографические материалы, на протяжении многих столетий, вплоть до XX в. К тому же топоним «готар» совпадает с границами землевладений с. Черновка, известными по картографическим материалам XIX в.

В центре Черновского гнезда-общины находится самое крупное поселение VIII—X вв. с развитым ремеслом — общинный центр Черновка II (рис. 28, *А*, II). На берегу того же ручья, ниже по течению, в 200—300 м от поселения Черновка II, находится поселение Черновка I, на котором, кроме жилищ VIII в., раскопаны также жилища культуры пражского типа (V—VII вв.). Возможно, именно с этого, древнейшего в гнезде славянского поселения начал разрастаться административно-хозяйственный центр VIII—X вв. В 3 км на север от административно-хозяйственного общинного центра Черновка II, в урочище Баба исследован курганный могильник, возле которого, предполагаем, находился и культовый центр. В южной части могильника, на выступающем в долину реки мысе раскопана столбовая яма диаметром 0,6 м и такой же глубины и найдены обломки керамики VIII—X вв. По-видимому, это остатки капища. Кроме этих памятников, на территории Черновского гнезда-общины открыто еще семь селищ VIII—IX вв. (рис. 28, *А*).

В период развития феодальных отношений центр Черновского гнезда поселений перемещается на новое место, ниже по р. Мошков, в урочище Пуста Черновка (это в 2,5 км от общинного центра Черновка II) (рис. 28, *Б*). В XII—XIII вв. этот центр складывался из большого поселения, на территории которого обнаружены значительные остатки ремесла (железные шлаки), и укрепленной феодальной усадьбы.

Таким образом, определяя место нахождения общинного центра на территории того или иного гнезда поселений, следует учитывать, во-первых,

то, что эти центры могли состоять из двух, отдельно расположенных частей (например, административно-хозяйственного центра и святилища) и, во-вторых, что эти центры со временем могли переместиться в другое место, но в пределах границ общины-гнезда.

На основе археологических, исторических, картографических и топонимических данных определено, что территория Черновского гнезда-общины составляла около 70 кв. км. Приблизительно такого же размера была, как выяснилось при дальнейших исследованиях, территория и других гнезд-общин Украинского Прикарпатья.

Итак, при определении конкретной территории любого гнезда-общины следует учитывать не один, а комплекс признаков этих структур. Гнездо-общину можно выделить: 1) по характеру группировки синхронных поселений обычно в бассейне одной реки, учитывая тот факт, что каждое гнездо-община имело свой центр, вокруг которого концентрировались разнотипные селища; 2) по естественным границам, отделяющим отдельную группу поселений с их центром от других таких же комплексов поселений; 3) на основании ретроспективного изучения древних границ социальных структур, известных по письменным источникам, картографическим материалам и данным топонимики. При этом следует учитывать приблизительные размеры территории гнезд-общин (на территории Украинского Прикарпатья эти размеры, как показано выше, составляли около 70—80 кв. км) и количество поселений одного и того же времени, которые могли разместиться на территории гнезда-общины (на территории Украинского Прикарпатья количество синхронных поселений в каждом гнезде-общине не превышало 10).

Структура гнезд-общин VI—VII вв.

Материалы археологически изученных гнезд-общин второй половины I тысячелетия н. э. позволяют рассмотреть структуру восточнославянской общины в рамках двух хронологических периодов: а) VI—VII вв., который на территории Украинского Прикарпатья представлен археологической культурой пражского (корчакского) типа и б) VIII—IX вв., который представлен памятниками типа Луки-Райковецкой. Между двумя этими типами восточнославянской культуры имеются прямые генетические связи, но структура гнезд-общин VI—VII вв. и VIII—IX вв. значительно отличается одна от другой, что позволяет поставить вопрос о двух стадиальных типах восточнославянской общины VI—IX вв.

Структура гнезда-общины VI—VII вв. оказалась по сравнению с гнездом-общиной VIII—IX вв. менее сложной. Поселения культуры пражского типа располагаются на территории каждого гнезда-общины обычно одно возле другого, составляя как бы одно большое поселение. Здесь не наблюдается рассредоточение синхронных поселений в пределах гнезда-общины. В тех же случаях, когда на территории одного и того же гнезда обнаружено несколько поселений культуры пражского типа, расположенных на значительном расстоянии одно от другого, то оказалось, что эти поселения разновременные. Примером такого расположения может быть Горишнешеровецкое гнездо поселений, на территории которого обнару-

жены два поселения культуры пражского типа, расположенные на расстоянии 2 км одно от другого. Первое из них находится в центре села Горишние Шеровцы, на правом берегу р. Чеботарка, в урочище Гора. Здесь в стенке берега обнаружены остатки двух полуземлянок с печами-каменками, в которых найдены обломки лепной керамики пражского типа V—VI вв.

Второе поселение пражского типа этого гнезда расположено на северо-восток от с. Задубровка, на правом берегу ручья. При строительстве дороги здесь обнаружено около 20 полуземлянок с печами-каменками. Собранная здесь керамика относится к VII в.

Таким образом, одной из характерных особенностей гнезд-общин VI—VII вв. является то, что синхронные селища на их территории располагаются не рассредоточено, а одно возле другого. Расстояние между этими селищами не превышает 1,5—2 км, но чаще всего они располагаются почти рядом. Расстояние до селищ другого гнезда-общины было более значительным, не менее 5—10 км. На такое расположение славянских поселений обратили внимание византийские авторы VI в. Так, Псевдо-Маврикий в своем «Стратегиконе» писал про славянские поселения: «они так соприкасаются друг с другом, что между ними нет столь большого расстояния, чтобы о нем стоило упоминать». Здесь явно идет речь о селищах одного гнезда-общины, характерной для VI—VII вв. Далее этот же автор сообщает: «Чтобы приблизиться к таким поселкам нужно двигаться по более пустынным местностям» [9], т. е. поселки, принадлежавшие отдельным гнездам-общинам, были окружены незаселенными землями.

Поселения VI—VII вв. с западинами-жилищами не обнаружены, и структура гнезд-общин этого времени нам известна по материалам тех из них, которые раскопаны полностью или в большей своей части. К ним, например, принадлежит поселение Кодын (Острицкое гнездо поселений). Это поселение функционировало со второй половины V и до рубежа VIII—IX вв.[10] В его развитии выделяется два основных периода. Первый из них характеризуется чертами культуры пражского типа и датируется второй половиной V—VII вв. В это время поселение занимало небольшую территорию (размерами приблизительно 120×40 м). Поселение второго периода относится к культуре типа Луки Райковецкой и датируется VIII в. В это время территория поселения увеличилась больше, чем в три раза (оно простиралось вдоль берега реки на 550 м).

Поселение V—VII вв. в Кодыне раскопано почти полностью. Оно оказалось остатками других селищ — патриархальных семей (Кодын I и Кодын II). На территории обеих селищ имеются площадки-коллективные дворы, на которых обнаружены хозяйственные постройки и ямы-погреба общего пользования. Оба селища в Кодыне были тесно связаны между собой хозяйственной деятельностью, составляли определенное хозяйственное единство. Более отчетливо это выражено в ремесленном производстве. Так, на поселении Кодын II ремесленных мастерских VI—VII вв. не обнаружено, но они есть на поселении Кодын I.

Поселение Кодын I площадью 50×60 м имело естественные границы. Оно располагалось на краю мыса между двумя ручьями. С третьей стороны мыс ограничен круто поднимающимся холмом. Жилища-полуземлянки этого поселка располагались вдоль ручья, оставляя незастроенную пло-

щадку в северной части мыса. В западной части селища, рядом с наземной постройкой-хранилищем раскопана ремесленная мастерская с очагом в центре помещения. Вторая ремесленная мастерская находилась в юго-восточной части поселения Кодын I, на берегу ручья. Она представляла собой полуземлянку, опущенную в котлован глубиной 0,6 м. Вдоль ее стен находился материковый выступ — «лавка». В центре помещения, на полу размещался очаг. Стены этой мастерской, как и первой, были глиняными, на каркасе из плетня.

Обе мастерские располагались отдельно от жилищ, что дает основание принять их за собственность всей общины. В этих мастерских работали мастера-универсалы («кузнецы»), удовлетворявшие потребности в ремесленных изделиях жителей не только селища Кодын I, но и селища Кодын II, на территории которого ремесленных мастерских VI—VII вв. не обнаружено.

На почти полностью раскопанном поселении VI—VII вв. в Городке на р. Смотрич выделяются две отдельные группы жилищ. В одной из них насчитывается 13, а во второй — 14 жилищ [11]. Эти группы жилищ также принадлежали отдельным патриархальным семьям, входившим в общину.

Селища-группы патриархальных семей VI—VII вв. известны и по материалам разведок. Так, на обоих берегах р. Гнилая Липа в Ивано-Франковской области, возле сел Демьянов и Бовшив обнаружено четыре поселения VI—VII вв.[12] Они расположены вблизи одно от другого. Расстояние между селищами не превышает 0,3—0,8 км. На поселении культуры пражского типа Ленковцы (Черновцы), на вспаханном поле четко выделяются три отдельных скопления распаханных жилищ, расположенных на близком расстоянии между собой. На поселении Коровия (урочище Лопатна) обследовано два селища VI—VII вв., разделенных между собой ручьем и широкой поймой (на обоих селищах раскопано по три полуземляночные жилища с печами-каменками).

Поселения VI—VII вв., разрастаясь, могли создавать разветвленные структуры. Примером этого могут быть поселения у с. Корчак Житомирской области. Здесь проведено сплошное обследование территории и обнаружено 14 малых селищ, расположенных на обоих берегах реки, на близком расстоянии между собой [13]. Не все селища, хотя они и принадлежат к одной культуре пражского типа, существовали в одно и то же время. Эти селища являются остатками коллективных усадеб патриархальных семей. Три селища (Корчак I, Корчак VII и Корчак IX) раскопаны полностью, и на них обнаружено соответственно 12, 16 и 7 жилищ-полуземлянок. На селищах Корчак VII и Корчак IX исследованы хозяйственно-производственные участки общего пользования. Расположенные на близком расстоянии одно от другого, синхронные селища составляли единую социальную структуру — гнездо-общину.

Гнезда поселений VI—VII вв., состоящие из нескольких селищ-патриархальных семей, имели свои общинные центры. Они осуществляли управление общиной и должны были сглаживать противоречия, которые могли возникнуть между отдельными семьями. В VI—VII вв. такими центрами были прежде всего наиболее древние в гнездах материнские (первичные) селища. Обычно на территории этих селищ сосредоточивалось общинное ремесло (например, на селище Кодын I раскопаны, как уже отмечалось,

ремесленные мастерские и наиболее древние жилища). Общинным центром гнезда поселений в Корчаке было селище Корчак VII. Это подтверждается, во-первых, его расположением в центре гнезда поселений, во-вторых, тем, что на нем обнаружены остатки ремесленной деятельности населения (раскопано две печи для предварительного обжига железной руды), в-третьих, тем, что по шкале керамических комплексов оно относится к самым ранним в этом гнезде.

Наличие общинных центров указывает на то, что гнезда-общины VI—VII вв. выполняли самостоятельные социальные функции, были самоуправляемыми. Расположение гнезд-общин этого времени на значительном расстоянии друг от друга говорит о их хозяйственной и социальной автономии. В то же время селища-патриархальные семьи каждого гнезда-общины располагаются вблизи одно от другого, что может быть показателем сохранения между этими семьями в большей мере родственных, а не соседских отношений.

Получены некоторые археологические данные, позволяющие утверждать, что патриархальные семьи каждого гнезда-общины вели общее хозяйство. Это относится прежде всего к ремеслу. На примере Кодына показано, что все селища — патриархальные семьи обслуживались одними и теми же ремесленными мастерскими. Это положение следует распространить и на другие отрасли хозяйственной деятельности. Не исключено, что патриархальные семьи одного и того же гнезда-общины сообща обрабатывали землю (этого требовало подсечное земледелие), вместе владели земельными угодьями, в некоторой степени подтверждается наличием на поселениях коллективных хранилищ сельскохозяйственной продукции.

На начальном этапе формирования гнезда поселений VI—VII вв. на его территории могло некоторое время функционировать одно селище, в котором жили члены одной патриархальной семьи. Например, несмотря на тщательные поиски на территории Черновицкого Первого гнезда поселений (оно расположено на окраине города, не имеющей сплошной застройки, обнаружено лишь одно малое селище культуры пражского типа (рис. 32, *А*, *4*). Оно расположено на левом берегу р. Клокучки, и его территория (около 0,3 га) хорошо выделялась черным цветом почвы. Здесь раскопана полуземлянка с печью-каменкой, обнаружены распаханные печи-каменки еще в шести местах.

Время функционирования отдельных селищ-патриархальных семей, по-видимому, было кратковременным. В условиях низкого уровня развития производительных сил (господство подсечного земледелия) патриархальные семьи не могли долго существовать самостоятельно. Эти семьи путем естественного прироста населения разрастались до определенных размеров, после чего начинался процесс образования новых патриархальных семей. Последние с целью поддержания родственных хозяйственных и других связей селились рядом со своим материнским поселком. Совместное проживание нескольких патриархальных семей благоприятствовало успешному выполнению трудоемких работ и более надежной охране общинной территории от внешних посягательств.

Какие же конкретные социальные общности нашли свое отражение в гнездах поселений VI—VII вв.? Решая эту проблему, следует исходить прежде всего из того, что эти гнезда принадлежали сравнительно неболь-

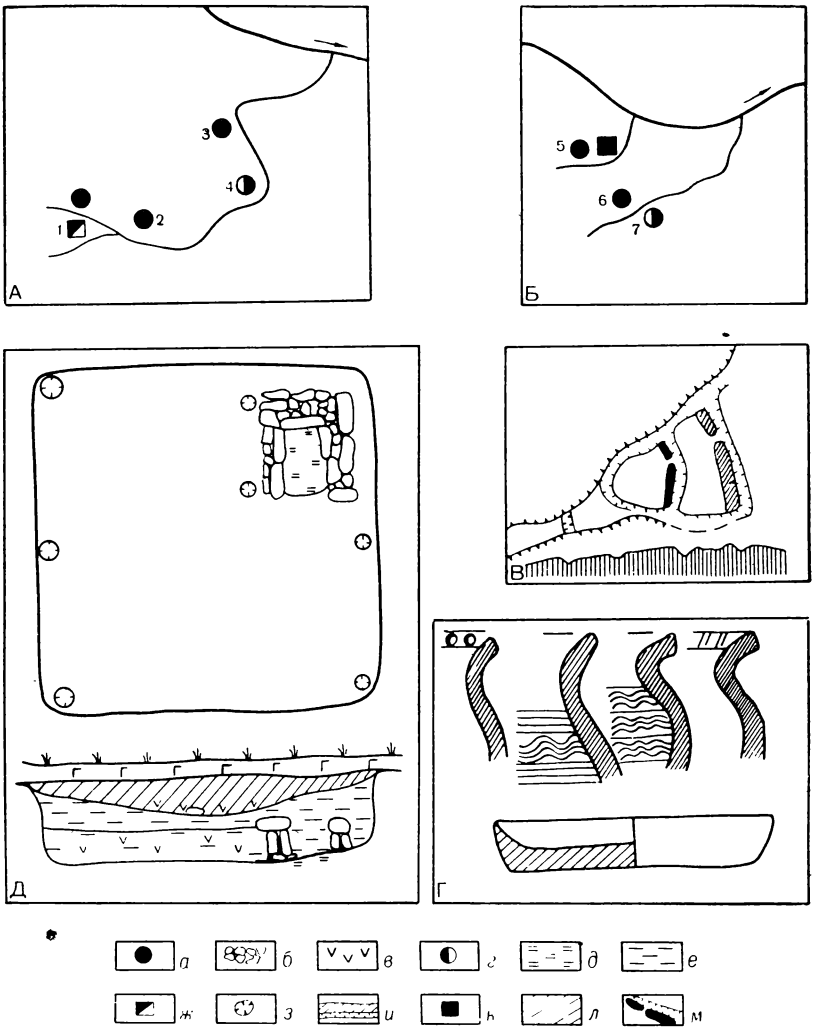


Рис. 32. Черновицкое Первое (А) и Черновицкое Второе (Б) гнезда поселений

В (*1*) — городище-убежище; *Г* — керамика из жилища на селище 6, *Д* — план и профиль жилища на селище 6; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — камни; *в* — угли; *г* — селище VI—VII вв.; *д* — обожженная глина; *е* — глина; *ж* — городище-убежище; *з* — столбовая яма; *и* — вал раннежелезного века; *к* — городище — административно-хозяйственный центр; *л* — серая земля; *м* — вал IX—X вв.

шим группам людей. Археологические исследования показали, что в каждом гнезде-общине VI—VII вв. одновременно функционировало в среднем четыре-пять селищ, каждое из которых состояло из шести—восьми одновременно функционирующих жилищ. Учитывая то, что среднее количество обитателей каждого жилища составляет пять человек, можно утверждать,

что на территории каждого гнезда-общины VI—VII вв. могло жить, включая и детей, до 150—200 человек.

В гнездах-общинах VI—VII вв. еще не было индивидуальных усадеб и характерного для соседской общины дуализма — сочетания индивидуальной и общинной собственности, хотя есть основание говорить о зачатках дуализма. Здесь сочеталась коллективная собственность на землю и частная (вернее, личная) собственность на жилища и хозяйственные постройки (ямы-погреба). Для родовой общины, как известно, не характерна частная собственность на жилища. Поэтому нет основания гнездо-общину VI—VII вв. относить к такому стадиальному типу общины, как родовая. Вместе с тем нельзя гнездо поселений VI—VII вв. принять за остатки соседской общины, для которой характерны индивидуальные усадьбы. Таким образом, восточнославянское гнездо-общину VI—VII вв. следует скорее всего относить к переходному типу от родовой к соседской общине. К переходному типу принадлежит, как покажем ниже, и гнездо-община VIII—IX вв., которое имеет уже более сложную, чем гнездо-община VI—VII вв., структуру. Община VI—VII вв. отражает один из ранних этапов эволюции общины переходного периода от первобытности к классовому обществу.

Община переходного периода, состоящая из больших патриархальных семей, сообща обрабатывавших землю и собиравших урожай, который затем в значительной мере распределялся по семьям, известна по этнографическим материалам. Она в новых исследованиях этнографов получила название соседско-родовой [14] или семейно-родовой [15]. Историки общину такого типа чаще всего называют патриархально-родовой [16].

В данном исследовании восточнославянская община VI—VII вв. именуется «большесемейной» [17]. Это название соответствует содержанию: община этого времени по материалам гнезд поселений VI—VII вв. представляла самостоятельный социальный микроорганизм, состоящий из больших патриархальных семей (отсюда «большесемейная» — название социальной структуры, а не формы семьи). В этом союзе патриархальных семей несколько выделялась лишь одна из них, обычно самая древняя (материнская) в общине, выполнявшая роль общинного центра. На территории поселка такой патриархальной семьи располагались, как показано выше, ремесленные мастерские, не характерные для других селищ-патриархальных общин.

Большесемейная община VI—VII вв., развиваясь, постепенно усложнялась. Археологические материалы показывают, что община в VII в. была более сложной, чем в VI в. Например, общины VI в. еще не имели своих укрепленных центров. Об этом говорит Иордан: «. .вместо городов у них болота и леса» [18]. Отсутствуют и достоверные археологические данные о городищах — общинных центрах этого времени у восточных славян. Первыми городищами, появившимися у восточных славян, были убежища. На территории распространения культуры пражского типа в Восточной Европе наиболее древним из известных убежищ является Зимновское городище. В коллекции керамики этого городища (она вся лепная) есть горшки с отогнутым венчиком, край которого косо срезан [19]. Такого типа сосуды характерны для VII в. и не встречаются в керамических комплексах VI в. Почти все найденные на городище изделия из металла быто-

вали в VII в.[20] Таким образом, есть убедительные данные о функционировании городища в VII в. Следовательно, община VII в., составной частью которой является Зимновское городище, была более развита, чем община VI в., и она, несомненно, проявляла тенденцию к трансформации в общину более сложного типа, характерную уже для VIII—IX вв. (см. ниже). Все же городища-общинные центры в VII в. еще не имели массового характера, достоверно известны лишь в нескольких пунктах (Зимно, Хотомель), и община этого времени по основным структурным элементам мало чем отличалась от общины VI в.

Поселения в каждом гнезде-общине VI в. были однотипными, в их структуре не выделяются обособленные селища или группы жилищ, которые могли бы свидетельствовать о социальном неравенстве. Это подтверждается известиями византийских авторов. Известные слова Прокопия: «. .эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии)» [21] — указывают на то, что в славянском обществе социальная верхушка еще не выделилась, не отделилась от основной массы общинников.

Итак, археологическое изучение гнезд-общин VI—VII вв. с привлечением этнографических и исторических материалов позволяет сделать следующие выводы. Большесемейная (соседско-родовая) община VI—VII вв. — это самостоятельный социально-экономический союз родственных патриархальных семей, поселки которых располагались в близком родстве. Этот союз скреплялся общей собственностью на землю, общим управлением, общими формами материального производства (например, общинным ремеслом), едиными обычаями и верованиями. Каждая патриархальная семья, как составная часть гнезда-общины, имела свою коллективную усадьбу с общей площадкой-двором. На территории этих усадеб располагались скромно обставленные жилища отдельных брачных семей. Возле жилищ не обнаружено за исключением ям-погребов (личных хранилищ), хозяйственно-производственных комплексов, характерных для индивидуальных хозяйств. Число людей, соответственно и количество патриархальных семей, в общинах не было стабильным, постоянно менялось вследствие естественного прироста населения. Но это число имело предел (в общине VI—VII вв. он составлял приблизительно 150—200 человек). Когда же число населения превышало этот предел, община, как хозяйственный организм, уже не могла нормально функционировать. От нее отпочковывались «лишние» патриархальные семьи, переселяясь на другие земли. По отношению к ранним этапам развития большесемейной общины (VIв.) нет оснований говорить о выделении социальной верхушки, ее обособлении от основной массы общинников.

Дальнейшее развитие восточнославянской общины, усложнение ее структуры определялись прежде всего экономическим развитием общества. Поэтому прежде, чем приступить к анализу конкретных археологических данных, касающихся структуры общины VIII—IX вв., следует хотя бы кратко остановиться на основных переменах в экономической жизни населения VIII—IX вв.

Сдвиги в хозяйственной деятельности населения последней четверти I тысячелетия н. э.

Зарождение и формирование новых социальных отношений определялись, как известно, прежде всего коренными переменами в развитии основных отраслей производства: земледелия, животноводства, ремесла и торговли. На эти перемены обратили внимание многие последователи [22]. Изучение конкретных материалов привело исследователей к выводу, что крупные сдвиги в социально-экономическом развитии восточных славян падают на последнюю четверть I тысячелетия н. э. Они коснулись и населения Украинского Прикарпатья и нашли свое отражение прежде всего в тех материалах, которые свидетельствуют о резком увеличении в VIII—X вв. населения — основной производительной силы общества.

Письменные данные о бурных демографических сдвигах накануне и в период образования Древнерусского государства отсутствуют, и археологи об этом явлении судят, во-первых, по количественному соотношению обнаруженных поселений культуры пражского типа (VI—VII вв.), с одной стороны, и поселений культуры типа Луки Райковецкой (VIII—X вв.), с другой, и, во-вторых, по сравнительным показателям размеров поселений обоих периодов [23]. При таком подходе к демографии не исключены погрешности. Поселения VI—VII вв., представленные лишь лепной керамикой, труднее обнаружить, чем поселения типа Луки Райковецкой, на которых присутствует также и гончарная посуда, которая лучше сохраняется. Более надежные данные по демографии можно получить при сплошном целенаправленном обследовании территории гнезд поселений. Такие работы проводились на территории Украинского Прикарпатья.

Результаты сплошного обследования гнезд поселений второй половины I тысячелетия н. э. убедительно свидетельствуют о резком увеличении населения в VIII—X вв. Так, при обследовании 21 гнезда поселений было обнаружено всего 25 поселений культуры пражского типа (VI—VII вв.), и на этой же территории зафиксировано 125 поселений культуры типа Луки Райковецкой (VIII—X вв.), (см. табл. 3). К тому же площадь отдельных поселений VIII—X вв., как правило, значительно превышает площадь поселений VI—VII вв. Например, Ревнянское поселение VIII—X вв. на Пруте занимает территорию диаметром до 3 км. Поселения такой величины в VI—VII вв. не известны. Таким образом, демографический взрыв фиксируется появлением в пределах гнезд поселений VIII—X вв. значительного количества новых населенных пунктов, с одной стороны, и увеличением размеров главных поселений каждого гнезда, — с другой.

В связи с резким увеличением населения в VIII—IX вв. происходит значительное рассредоточение поселений в пределах гнезд-общин. Новообразованные семьи заселяли лесные пространства, распахивали пустоши. В VIII—X вв. появляются поселения, расположенные в иных топографических условиях, чем поселения культуры пражского типа. Они часто находятся значительно выше последних, на водоразделах, иногда и на косогорах, освобождая место для плодородных полей.

Плотность заселения гнезд-общин и размеры поселений зависели прежде

Таблица 3

Соотношение в гнездах-общинах поселений культуры пражского типа и поселений типа Луки Райковецкой

Название гнезда общины	Количество поселений VI—VII вв.	Количество поселений VIII—X вв.	Название гнезда-общины	Количество поселений VI—VII вв.	Количество поселений VIII—X вв.
Бабинское	1	8	Рашковское	3	5
Беловское	1	5	Ревнянское	1	11
Волоцкое	1	5	Рухотинское	1	7
Горишнешеровецкое	2	7	Садгорское	2	7
			Снячевское	1	5
Грозинецкое	1	5	Червонодибровское	1	2
Добрыновское	1	8			
Коростоватовское	1	10	Черновицкое Первое	1	3
Магалянское	1	7	Черновицкое Второе	1	2
Малокучуровское	1	9	Черновское	1	9
Михальчанское	1	7	Широкополянское	1	7
Острицкое	2	6	Всего	25	125

всего от уровня экономического развития общества. Не случайно время резкого увеличения восточнославянского населения совпадает со временем крупных перемен в развитии основных отраслей хозяйственной деятельности этого населения.

В последней четверти I тысячелетия н. э. на более высокую ступень своего развития поднимается земледелие. Археологические данные позволяют утверждать, что к этому времени относится формирование новой паровой системы земледелия, характерной для Киевской Руси X—XI вв.[23а] Об этом свидетельствуют данные сравнительного изучения поселений VI—VII вв., с одной стороны, и поселений VIII—X вв., — с другой.

В VI—VII вв. на территории каждого гнезда-общины, как показывает таблица 3, располагались одно-два поселения, хотя территория этих гнезд была сравнительно большой (в среднем около 70 кв. км). Но и при таких условиях земли в общинах не хватало. Только этим можно объяснить тот факт, что значительная часть славянского населения VI—VII вв. снималась с насиженных мест и искала для жительства новые земли, в частности, переселялась на территорию Нижнего Подунавья.

Объяснить тот факт, что небольшие по числу жителей общины вынуждены были пользоваться большими площадями земли, можно лишь тем, что в VI—VII вв. еще господствовала подсечно-переложная система земледелия. Подсчитано, что при подсеке во владении коллектива должно находиться земли минимум в 10—15 раз больше, чем площадь ежегодного посева [24]. Следовательно, количество населения на территории каждого гнезда-общины находилось в прямой зависимости от формы земледелия.

Господство подсеки в VI—VII вв. подтверждается и другими данными, в том числе письменными источниками. Проанализировав свидетельства Прокопия о жизни славян, В. П. Петров пришел к выводу, что «все, отмеченное у Прокопия, как нельзя лучше соответствует производственным особенностям лесного хозяйства» [25]. Подсечное земледелие, как известно, может обходиться без пахотных орудий. По-видимому, этим и объясняется тот факт, что на славянских поселениях VI—VII вв. они почти не встречаются [26].

Структура восточнославянского общества VI—VII вв. и была приспособлена для ведения подсечной системы земледелия. Операции, связанные с этой системой земледелия, как известно, требовали объединения значительного числа рабочих рук. Основной хозяйственной единицей этого времени, как показано выше, была большесемейная община, состоящая из нескольких патриархальных семей, живущих по соседству. Такому коллективу под силу было очищать от леса необходимые для подсечного земледелия площади земли.

Совершенствование систем земледелия находится в тесной связи прежде всего с усовершенствованием орудий обработки почвы. Переход к паровой системе земледелия был возможен лишь при появлении пахотных орудий, способных переворачивать почву и запахивать удобрения. Древнейшими орудиями такого типа были деревянные рала с полозами, оснащенные железными наральниками и ножами-чересламн [27]. Находки орудий этого типа на восточнославянских поселениях связываются с культурными напластованиями VIII—IX вв. Так, на поселении Сахновка Черкасской области вместе с лепной керамикой типа Луки Райковецкой, которая датируется временем не позже VIII в., найден широколопастный наральник с хорошо выраженными плечиками [28]. Такого же типа железный наральник входит в состав «клада» из жилища 1 славянского поселения Макаров Остров [29]. Вместе с железными предметами в жилище найдены обломки лепной и гончарной керамики типа Луки Райковецкой, которые датируются IX в.

Железные наральники с плечиками найдены на Новотроицком городище IX в. [30] Здесь же вместе с лепной посудой в яме найдено втульчатое чересло [31]. Обломок железного чересла найден также при исследовании поселения типа Луки Райковецкой (VIII—IX вв.) в с. Лопатна Молдавской ССР [32]. Находки свидетельствуют о том, что славяне не позднее IX в. уже пользовались ралами с чересламн, приспособленными для переворачивания пластов земли.

Конечно, внедрение новых пахотных орудий, а вместе с ними и новой системы земледелия, было постепенным. Рало с полозом и отвальной доской требовало большего количества рабочего скота, чем обыкновенное рало. Последнее длительное время употреблялось наряду с тяжелым ралом и древнейшими плугами. Об этом свидетельствуют находки на древнерусских поселениях X—XIII вв. вместе с остатками тяжелых рал и плугов, железных наральников без плечиков [33].

Изобретение пахотного орудия типа тяжелого рала позволило перейти к удобрению полей навозом. Любопытно отметить, что начало стойлового содержания скота по археологическим данным приблизительно совпадает с началом внедрения в земледелие рала с полозом и отвальной доской.

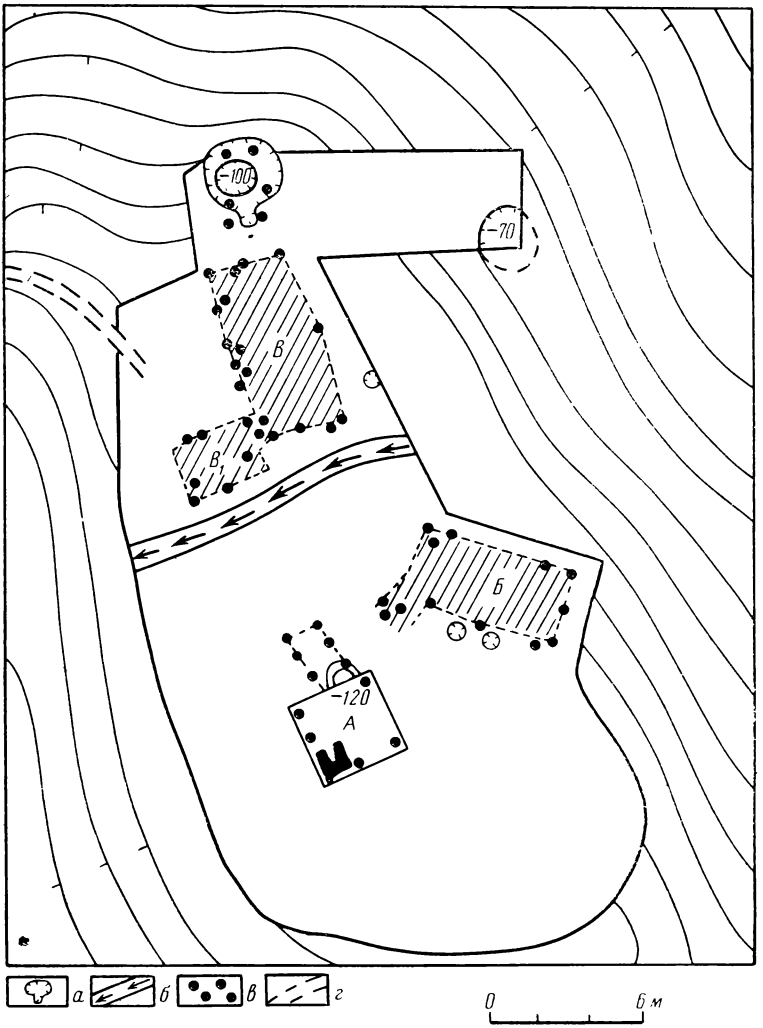


Рис. 33. Усадьба крестьянской семьи IX—X вв. на селище Кидрина (Ревно)
а — яма-погреб; *б* — следы ручья; *в* — столбовые ямы; *г* — дорога

Хлевы для стойлового содержания скота открыты на поселениях, которые датируются временем не позднее IX в. Раскопками усадьбы IX—X вв. в Ладоге, на скотном дворе обнаружены мощные пласты стойлового навоза [34]. В Ревне раскопан крестьянский двор второй половины IX—начала X в., на территории которого находился хлев с пристройкой (рис. 33, *В*).

Таким образом, в хозяйствах восточных славян не позднее IX в. уже были необходимые условия (пахотные орудия, удобрения) для вве-

дения паровой системы земледелия, при которой одно поле оставалось свободным от посева, но обязательно удобрялось и вспахивалось. Только при таком условии плодородие почвы восстанавливалось в течение одного года. Благодаря удобрению полей паровая система земледелия смогла со временем одержать победу над подсекой.

Внедрение паровой системы земледелия сопровождалось формированием двух-, возможно, трехполья, о чем свидетельствует ассортимент выращиваемых зерновых культур в IX в. Набор этих культур в это время по сравнению с VI—VII вв. становится более разнообразным. Основными зерновыми культурами VI—VII вв. были просо, ячмень и твердая пшеница. В IX—X вв., кроме этих культур, выращивали еще мягкую пшеницу, полбу, бобы, горох, овес, коноплю и др. [35] Но особо важным показателем складывания новой системы земледелия являются находки зерен озимой ржи. «Паровая система, — писал А. В. Кирьянов, — могла получить полное и окончательное завершение лишь при наличии озимой ржи» [36].

Наиболее ранние находки озимой ржи достоверно датируются IX в. Так, остатки ее зерен в значительном количестве найдены на Новотроицком городище, которое датируется временем не позже IX в. [37] Они найдены в полуземлянке 23 и в наземном доме 1 городища вместе с сорняками, обычно сопровождающими эту культуру, что является свидетельством того, что рожь принадлежит к озимой форме [38]. Такие же находки встречены на городище Свила на Витебщине в Белоруссии. Здесь зерна ржи без примесей других культур, но вместе с сорняками находились в горшке IX в. [39]

Паровая система земледелия позволяла получать более стабильный урожай с полей. Теперь один и тот же участок земли мог прокормить относительно большее количество населения. Поэтому неудивительно, что в IX—X вв. возникают довольно обширные поселения. Новая система земледелия требовала приблизить пахотные поля к поселениям, чтобы избежать дальних перевозок. Этим и объясняется тот факт, что в VIII—IX вв. происходит массовое рассредоточение поселений в пределах гнезд-общин (см. ниже).

Одновременно с внедрением новой системы земледелия проходила перестройка всего сельскохозяйственного комплекса. В VIII—IX вв., кроме пахотных, становятся более усовершенствованными и другие орудия, связанные с земледелием. Так, археологические материалы свидетельствуют о том, что в VI—VII вв. восточные славяне еще продолжали пользоваться слабоизогнутыми железными серпами. Они, например, найдены на поселениях VI—VII вв. Корчак [40], Ханска II [41], Кодын I [42].

В VIII—IX вв. восточные славяне уже пользовались железными серпами более усовершенствованного типа: серпами варианта Б группы VI по классификации Р. С. Минасяна [43], форма которых приближается к современным. Такого типа серпы найдены, например, на поселениях VIII—IX вв. Макаров Остров [44], Новотроицкое [45], Добрыновцы [46].

Перемены, относящиеся к VIII—IX вв., коснулись и других сельскохозяйственных орудий производства. Меняется в это время, например, конструкция жерновов. В VI—VII вв. оба камня ручной мельницы были, как правило, плоскими с обеих сторон. Начиная с VIII—IX вв. внедря-

ются в быт восточных славян жернова, в которых нижний камень был вогнутым, а верхний выпуклым. Говоря о расселении восточных славян в лесной зоне в VIII—IX вв., Р. С. Минасян отметил, что одновременно с серпами варианта Б группы VI «появляется целый комплекс земледельческого и бытового инвентаря — металлические наконечники пахотных орудий, мотыжки с втулкой, жернова от ручных мельниц, бондарные изделия, калачевидные кресала, новые варианты ножей и др.» [47]

Переход к новой системе земледелия был тесно связан с новым этапом развития животноводства. Только оно могло обеспечить поля удобрениями и транспортными средствами, которые требовались для вывоза этих удобрений на поля, вспашки и перевоза урожая. Археологические материалы позволяют утверждать, что животноводство VIII—IX вв. становится более продуктивным. Одним из показателей этого процесса являются довольно частые находки на поселениях типа Луки Райковецкой мисок-цидил, служивших для изготовления творога и сыра (рис. 26, *1*, *6*). На поселениях VI—VII вв. такие находки неизвестны. По-видимому, тогда молоко не перерабатывали, поскольку его надои были довольно низкими.

Новым уровнем развития животноводства можно объяснить и тот факт, что в пищевом рационе восточнославянского населения VIII—IX вв. заметно увеличился процент употребления мяса домашних животных. Например, в остеологических материалах VI—VII вв. кости диких животных составляют более 36 %. Этот процент резко уменьшается на поселениях VIII—IX вв. Например, на поселении этого времени Рашков I кости диких животных составляют 3 % [48].

Таким образом, в VIII—IX вв. складывался новый тип хозяйства, в котором паровая система земледелия гармонично сочеталась с животноводством. Это позволяет полагать, что начиная с VIII—IX вв. в сельском хозяйстве создавался прибавочный продукт и его размер был таков, что он уже составлял базу для расширенного воспроизводства. Этот продукт становился предметом обмена на ремесленные и другие изделия, что благоприятствовало развитию ремесла и торговли.

Важным показателем крупных перемен в развитии ремесла являются ремесленные поселения VIII—IX вв. [49] В культуре пражского типа ремесленные поселения неизвестны. Тогда каждая община содержала за свой счет одного или нескольких ремесленников-универсалов («кузнецов»), которые за натуральную плату удовлетворяли бытовые и хозяйственные потребности членов общины в ремесленных изделиях.

Ремесленные поселения — это качественно новое явление в социально-экономическом развитии восточных славян. Их производство было во многих случаях уже специализировано и рассчитано на обслуживание населения не только своей общины, но частично и соседей. Только этим можно объяснить тот факт, что на территории отдельных ремесленных поселений производилась продукция в таких масштабах, которые в несколько раз превышали потребности гнезда-общины, в состав которой они входили. Следовательно, такие поселения могли появиться только тогда, когда возникла потребность в массовом изготовлении ремесленной продукции, т. е. когда появилась необходимость удовлетворить потребности в ремесленных изделиях не только населения своей общины, но и тех, кто жил за пределами этой общины.

Археологические данные позволяют утверждать, что первыми потребителями продукции восточнославянских ремесленных поселений за пределами их гнезд-общин были кочевники южных степей, которые еще не имели постоянных поселений, но нуждались больше других в продукции ремесла, прежде всего в оружии. Действительно, первые восточнославянские ремесленные поселения (Постырское городище, Гайворонский металлургический центр и др.) появляются у славянского населения пеньковской культуры (VI—VII вв.), которое находилось в постоянных контактах с кочевниками.

Пастырское ремесленное поселение (оно датируется VII—VIII вв.) располагалось в окружении славянских поселений, на границе со степью, на месте городища скифского времени [50]. Здесь раскопаны славянские полуземляночные жилища с печами-каменками и найдены остатки значительного ремесла. Среди находок много вещей, отвечающих вкусам кочевников (круговая керамика пастырского типа, конское снаряжение, оружие, украшения и др.).

У восточных славян, которые жили на значительном расстоянии от кочевнической степи, ремесленные поселения появляются несколько позднее, в VIII—IX вв. Здесь основными потребителями массовой ремесленной продукции становятся полупрофессиональные воины, земледельцы и другие категории населения, которые не владели навыками специализирующегося ремесла и нуждались в оружии, орудиях труда и т. п.

К ремесленным поселениям, продукция которых шла в основном на удовлетворение потребностей местного славянского населения, следует отнести Добрыновское городище [51]. Оно располагалось на площадке размерами 160×100 м, которая со всех сторон была окружена ручьями и болотом (рис. 34, *Б*). Кроме того, поселение ограждали деревянные стены типа «столпие» (рис. 15). На укрепленной площадке располагались ремесленные мастерские и стационарные жилища — полуземлянки с печами-каменками. Они образовывали, как уже отмечалось, отдельные гнезда синхронных построек. Раскопана приблизительно $^1/_{10}$ часть площадки городища, и на ней открыто 15 ремесленных мастерских и 28 полуземлянок со стенами столбовой (9) и срубной (19) конструкции. Мастерские оказались неоднотипными. В семи из них находились каменные рабочие площадки и очаги (рис. 16, *А*, *Б*, *Г*). Найденные в них железные шлаки и обломки глиняных тиглей свидетельствуют о том, что здесь занимались ремеслом, связанным с горячей обработкой металла. В других мастерских были устроены нишеобразные печи, вырытые в материковых стенках землянок (рис. 16, *д*). Печи этого типа имели различное производственное назначение. Одни из них могли использоваться для обжига керамики, в других плавили металл (в них найдены железные шлаки). Нишеобразные печи, обнаруженные на склоне площадки, могли служить для выпечки хлеба. В одной из землянок, снабженной тремя очагами, найдено много золы, скребла из рога северного оленя и костяные проколки, что связывается с ремесленной обработкой шкур. Разнотипность мастерских — результат развития специализации ремесленного производства.

В связи с возникновением ремесленных поселений и развитием специализации ремесленного производства распространяются новые орудия

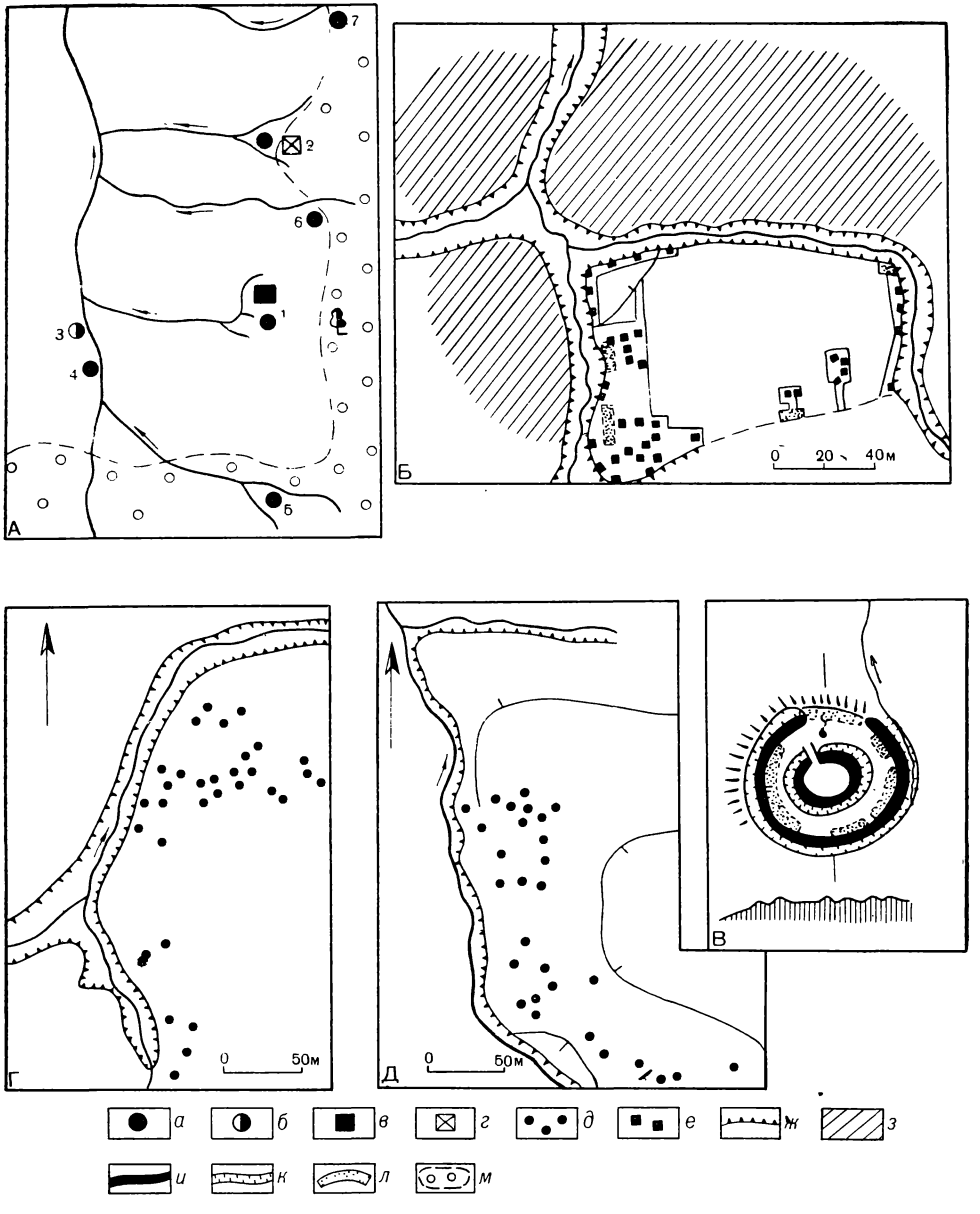


Рис. 34. Добрыновское гнездо поселений

А — схема расположения; ***Б*** (*1*, *в*) — Добрыновское городище — административно-хозяйственный центр; ***В*** (*2*, *г*) — Ржавинское городище-святилище; ***Г*** — селище Ржавинцы — «Около фабрики»; ***Д*** — селище Добрыновцы—Щовб; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — селище VI—VII вв.; *д* — западины-жилища; *е* — углубленные постройки; *ж* — крутой склон; *з* — территория селища; *и* — культовый вал; *к* — ров; *л* — длинный дом; *м* — лес

труда, резко увеличивается ассортимент изделий, идет процесс быстрого развития техники. Например, спектральный анализ железных изделий показал, что в VI—VII вв. большинство предметов изготовлялись простейшим способом из наиболее дешевого кричного железа, реже — из грубой малоуглеродной стали. В VIII—IX вв. ремесленники умели уже изготовлять орудия с повышенной твердостью путем сварки чередующихся узких стальных и железных полос [52].

В VIII—IX вв. появляется техника тиснения металла. Матрица для тиснения поясных бляшек найдена, например, на Новотроицком городище IX в.[53] К этому же времени относится появление многих новых орудий производства. Среди них лучковые пилы, спирально-перовидные сверла, рубанки, зубила, напильники и др.[54]

Исследованные на Добрыновском городище IX в. ремесленные мастерские при учете того, что многие из них здесь еще не раскопаны, показывают, что ремесленники этого городища могли производить такое количество продукции, которое несколько превышало потребности населения Добрыновского гнезда-общины. Это дает основание предположить, что часть продукции Добрыновского ремесленного поселения шла на удовлетворение потребностей населения других, прежде всего соседних, гнезд-общин [55]. Если обратить внимание и на тот факт, что начиная с конца VIII в. в восточнославянской среде шел процесс массового распространения восточных дирхемов [56], часть которых могла служить эквивалентом при обмене, то есть основание начало развития товарного ремесла отнести к IX в. Следовательно, ремесленные поселения благоприятствовали развитию торговли. До их появления, в VI—VII вв. торговля не была развита и господствовал простой обмен товаров.

Ремесленные поселения VIII—IX вв. в период, когда у восточных славян еще не было настоящих городов, были главными производственно-хозяйственными центрами. На их территории работали ремесленники, часто узкой специализации, владевшие передовыми для того времени способами производства и самыми высокими техническими средствами. Вместе с ремесленными поселениями развивались специализация ремесленного производства и товарообмен. Развитие обмена привело к зарождению товарного производства.

Наиболее древние ремесленные поселения являются убедительным археологическим свидетельством начала процесса отделения ремесла от земледелия. Своим развитием эти поселения подготовили необходимую почву для возникновения первых древнерусских городов в области экономики. Массовое функционирование ремесленных поселений в VIII—IX вв. — еще одно свидетельство более высокого, чем в VI—VII вв. уровня экономического развития восточнославянского общества.

Итак, археологические материалы позволяют утверждать, что в VIII—IX вв. происходит усовершенствование экономики восточнославянского общества, складывается новый тип хозяйства, представляющий собой систему, в которой каждый компонент развивался в тесной связи с остальными. Постепенно внедрялась паровая система земледелия, которая гармонически сочеталась с развитием животноводства. Успехи этих отраслей хозяйства позволили значительно увеличить производство сельскохозяйственной продукции, что в свою очередь благоприятствовало демографи-

ческим сдвигам, развитию ремесла и торговли. Более высокий уровень развития экономики соответствовал, как покажем ниже, новому более высокому уровню социальной организации восточнославянского общества.

Структура гнезд-общин VIII—IX вв.

Археологические данные свидетельствуют о том, что структура восточнославянской общины VIII—IX вв. по сравнению с общиной VI—VII вв. значительно усложняется. Это нашло свое отражение, прежде всего, в резком увеличении на территории гнезд-общин VIII—IX вв. числа поселений, о чем речь пошла выше. Появляются селища нового типа, которых не знала община VI—VII вв. К ним принадлежат, например, миниатюрные селища-малые семьи. В этот период появляются общинные центры сложной структуры, городища-святилища и памятники других типов, что является показателем нового этапа эволюции восточнославянской общины и заслуживает отдельного рассмотрения.

В жизни гнезд-общин VIII—IX вв. важную роль играли общинные центры, т. е. поселения, на территории которых жили старейшины, жрецы, полупрофессиональные воины и другие представители общинной знати, координировавшие социальную, хозяйственную и религиозную жизнь общины. Структура общинных центров в значительной мере определялась главными — наряду с административными и военными — функциями этих центров. Например, некоторые из них осуществляли широкие торговые функции (общинные центры такого типа получили наименование «открытые торгово-ремесленные поселения» [57]), другие могли быть «племенными» (надобщинными) центрами, т. е. общими центрами для нескольких гнезд-общин и т. п. Состояние археологических источников пока не позволяет провести типологию общинных центров по их функциям и дать им характеристику по отдельным типам. Здесь ограничимся описанием некоторых типов общинных центров, исследованных на территории Украинского Прикарпатья.

Общинным центром Черновского гнезда-общины было поселение Черновка II [58]. Оно выделяется среди других селищ гнезда прежде всего своими размерами (рис. 35, *Г*). На его площади (около 7,5 га) сохранилось 160 западин-жилищ. Значительная часть поселения распахана и на ней нет западин-жилищ, но следы их выступают в виде темных пятен и культурного слоя. В общей сложности на поселении могло находиться не менее 200 построек. В то время как на других, лучше сохранившихся поселениях Черновского гнезда поселений VIII—IX вв., количество западин от древних построек не превышает 40.

Второй отличительной особенностью поселения Черновка II как общинного центра является наличие на его территории ремесленных мастерских. Хотя на этом поселении проведены лишь разведывательные раскопки (раскопано 6 жилищ-полуземлянок с печами-каменками, 2 ремесленные мастерские и 2 печи для предварительного обжига и обогащения железной руды), производственные мастерские обнаружены в нескольких местах. В двух раскопах ремесленные мастерские находились рядом с жилищами. Отдельный участок занимали печи для предварительного

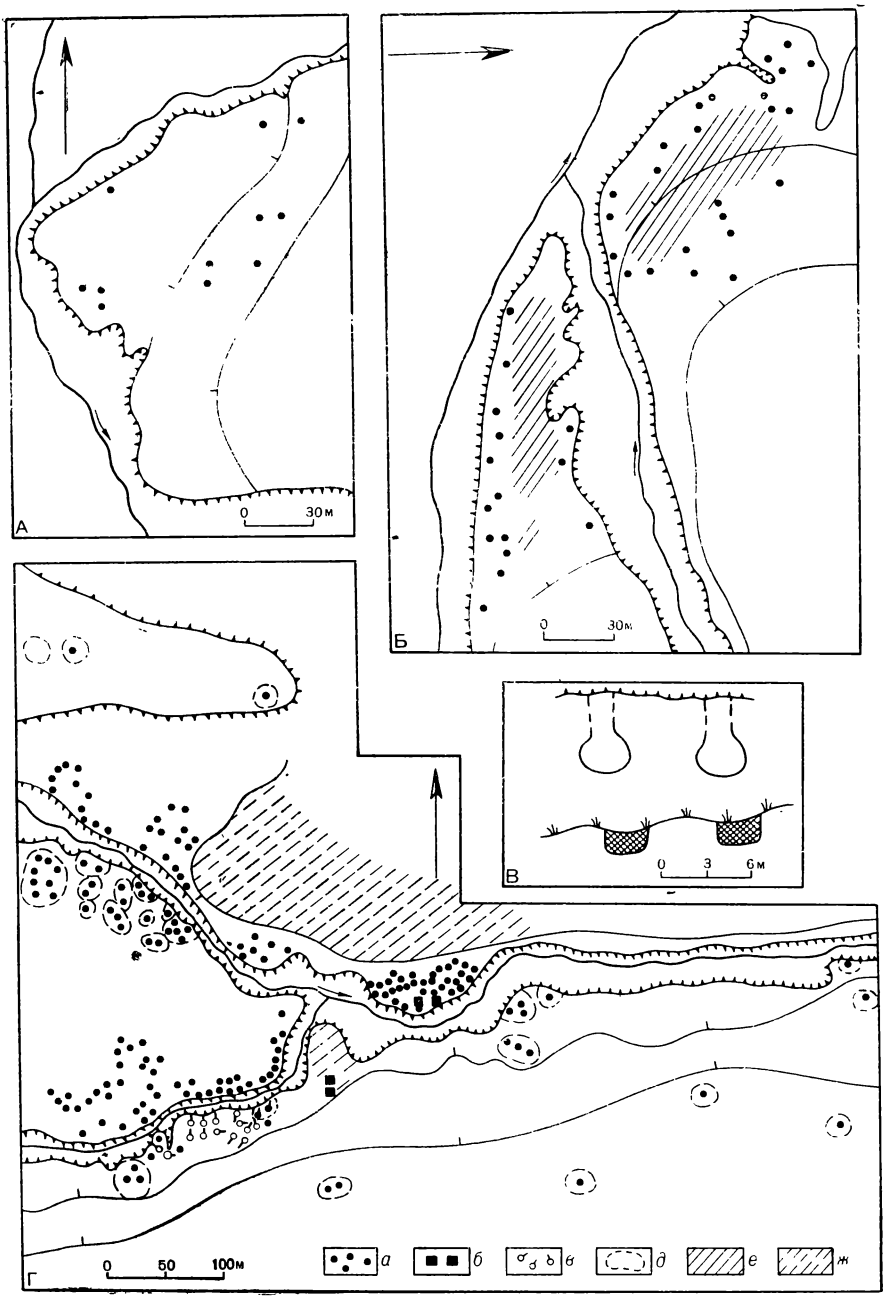


Рис. 35. Черновское гнездо поселений

А — селище Черновка IX; *Б* — селище Черновка VI; *В*—планы и профили агломерационных печей; *Г* — поселение Черновка II — общинный центр; *а* — западины-жилища; *б* —раскопанные углубленные постройки; *в* — агломерационные печи; *д* — раскопанные агломерационные печи; *е* —площадка; двор; *ж* — распаханная часть поселения

обжига и обогащения железной руды (здесь их обнаружено 17) (рис. 35, *в*). На поселении концентрировалось значительное ремесло, которое своей продукцией могло удовлетворять потребности всех жителей гнезда-общины.

Третьей особенностью поселения Черновка II можно считать его относительную защищенность, что в условиях того времени было необходимо для нормального развития общинного центра с его ремеслом. Следы укреплений вокруг поселения не найдены, но оно имело естественную защиту, так как было окружено высокими холмами, а с единственной открытой стороны по ручью Рулы его прикрывало от внезапного нападения поселение Черновка I. Но самую интересную особенность его защиты представляют сторожевые срубы на холмах (от них сохранились западины). Так, на холмах, прикрывающих поселение с юга, сохранилось девять западин от древних построек, расположенных по гребню холмов цепочкой и в определенном порядке. Они охраняли поселение с более уязвимой стороны. Две из этих западин раскопаны. В них обнаружены остатки сгоревших квадратных срубов со сторонами 3,5 м. Срубы были опущены в материк на глубину 1 м. Оба сруба располагались рядом, но функционировали не одновременно. Сруб, в котором не было печи (здесь обнаружены лишь обожженные камни, возможно, от очага), по-видимому, был предназначен для стражи, которая поочередно назначалась из жителей поселения. Позднее на этом же месте был построен сруб с печью-каменкой, в котором мог постоянно жить полупрофессиональный воин, выполнявший функции охраны поселения.

Раскопанные срубы возвышались над поверхностью земли, представляя собой отдельно стоящие строения-башни. С них удобно было вести наблюдение за окружающей местностью, а в случае необходимости они могли создать определенное препятствие на пути продвижения врага и, таким образом, предотвратить внезапный удар по общинному центру, предупредив его жителей об опасности.

Таким образом, большое поселение Черновка II как административно-хозяйственный общинный центр выделяется среди других поселений гнезда-общины тремя основными особенностями: 1) наиболее крупными размерами в гнезде; 2) сосредоточением на его территории общинного ремесла; 3) наличием определенной системы обороны.

К такому же типу общинных центров следует отнести крупные поселения VIII—X вв., обнаруженные в центре Кицманского (уроч. Горишний Кут), Малокучуровского (уроч. Диброва) и Михайловского (уроч. Царина) гнезд-общин (см. приложение). Эти поселения выделяются своими большими размерами и наличием ремесла. Но система их обороны пока не изучена.

Общинный центр другого типа исследовался в Белой (рис. 36, *Г*). Он состоит из большого селища (1000×150 м) и примыкающего к нему городища-убежища. На территории селища VIII—XI вв. обнаружено большое число распаханных полуземлянок с печами-каменками. Раскопано четыре полуземлянки, хозяйственная постройка, яма-погреб и остатки двухъярусного гончарного горна. На поселении найдено много железных шлаков. Городище-убежище расположено на том же мысу, что и селище, но на самой высокой его части. Его площадка (440×330 м)

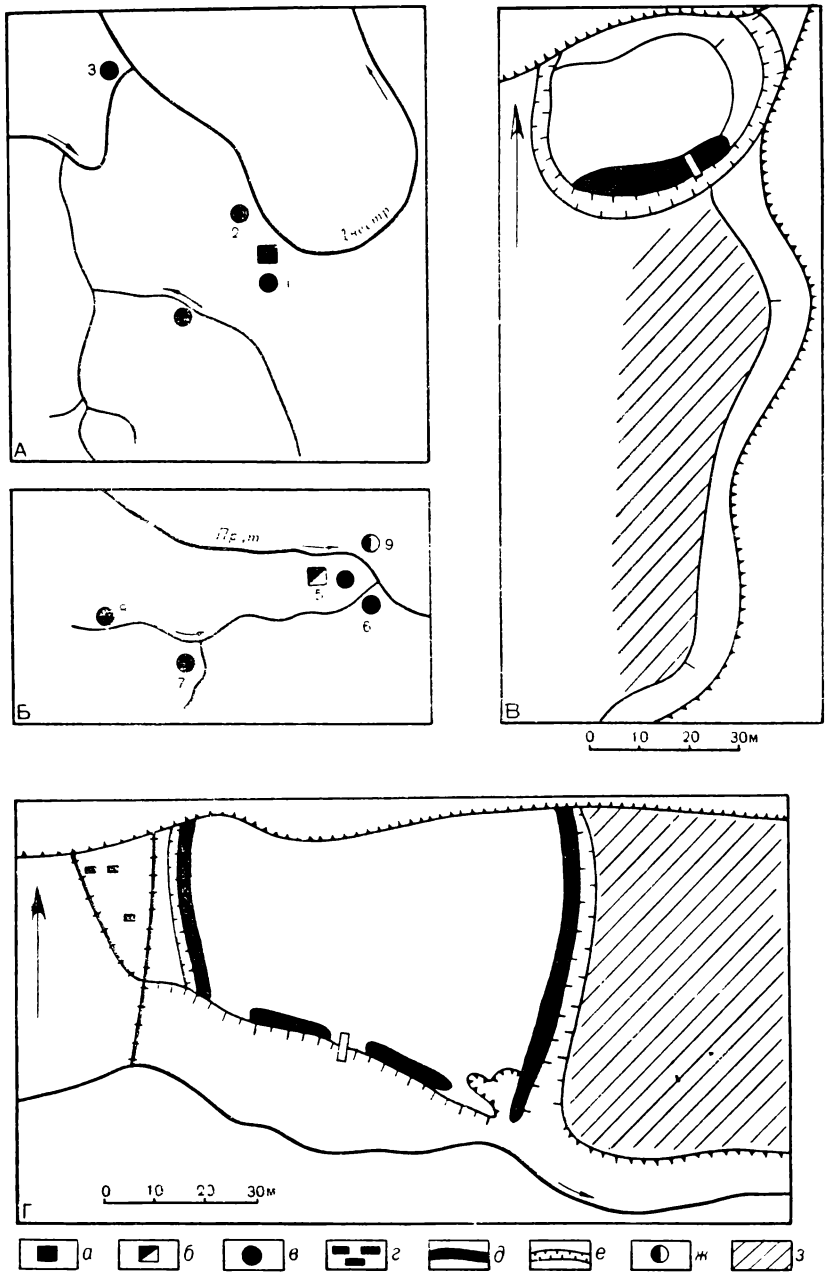


Рис. 36. Гнезда поселений

А — Баламутовское; *Б* — Беловское; *В* (*1*) — Баламутовское городище Таборище; *Г* (*5*) — Беловское городище Царина; *а* — городище—административно-хозяйственный центр; *б* — городище-убежище; *в* — селище VIII—X вв.; *г* — полуземляночные жилища селища-спутника; *д* — вал; *е* — ров; *ж* — селище VI—VII вв.; *з* — территория селища

была ограждена деревянной стеной столбовой конструкции, усиленной с наружной стороны глиняным откосом с каменной сердцевиной. С внутренней стороны к оборонительной стене примыкали длинные дома шириной 3,8 м. На территории одного из этих домов раскопаны два славянские погребения IX в. — остатки сожжения покойника (кальцинированные кости, обломки керамики), которые находились в небольших ямках. С противоположной по отношению к большому селищу стороны городища располагалось миниатюрное селище (на нем сохранилось пять западин-жилищ, три из которых раскопаны), принадлежавшее воинам-земледельцам, несшим службу по охране городища.

Общинные центры, состоящие из большого селища и городища-убежища, исследовались в Верхних Становцах, Волоке, Рашкове, Коростоватой, Ломачинцах, Садгоре, Снячеве, Червоной Диброве (см. приложение).

Отдельный тип составляют общинные центры, состоящие из большого селища и городища-святилища. Такого типа общинные центры обнаружены в Бабино, Кулишовке, Рухотине, Ржавинцах, Рудниках, Городнице и Крутилове. К другому типу относятся общинные центры, состоящие из большого селища и городища-административно-хозяйственного центра. Они обнаружены в Баламутовке, Горишных Шеровцах, Грозинцах, Добрыновцах, Карапчеве, Перебыковцах (см. приложение).

Особый интерес вызывают общинные центры более сложной структуры. Один из таких центров исследован в Магале (рис. 31). Он состоит из трех основных частей: 1) крупного поселения Кожушна (на его территории сохранились более 200 западин-жилищ); 2) ремесленного поселения Буда со своей системой обороны в виде отдельно расположенных сторожевых срубов; 3) городища-убежища в урочище Круглая канава. Такую же сложную структуру имел общинный центр Ревнянского гнезда поселений VIII—IX вв. Он складывался: 1) из городища-убежища (Ревно IA); 2) городища — ремесленного поселения (Ревно IIA) и 3) больших селищ, окружавших эти городища (рис. 30).

По отношению к Добрыновскому гнезду поселений VIII—IX вв. приходится говорить о двух, отдельно расположенных общинных центрах: а) административно-хозяйственном, остатками которого является городище в уроч. Толока с селищем возле него и б) религиозном, остатками которого является городище-святилище в Ржавинском лесу (рис. 34, *А*).

Конечно, религиозные центры функционировали в каждом гнездеобщине. Но многие из них были более скромными, их остатки могли на поверхности земли не сохраниться или же остаются трудно определимыми. Об этом свидетельствуют раскопанные святилища без внешних признаков в Шумске [59], Ходосевичах [60] и Нижнем Ворголе [61].

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о том, что общинные центры были разнотипными по своей структуре и уровню социально-экономического развития. Несмотря на разнотипность, эти центры были прежде всего главными пунктами обороны (коллективными убежищами) и хозяйственно-производственной деятельности (например, ремесла), а также языческими святилищами. Общинные центры как поселения на территории гнезда-общины выделяются более сложной структурой, наличием оборонительных сооружений, ремесленных мастерских

и культовых мест. Вокруг этих центров группируются остальные поселения гнезда-общины.

Изучение гнезд-общин VIII—IX вв. показало, что основной хозяйственной единицей этих структур по-прежнему остается большая патриархальная семья, несмотря на то, что в это время начался процесс выделения малых семей. На территории каждого гнезда-общины VIII—IX вв. в количественном отношении преобладали селища-патриархальные семьи. Последние по сравнению с патриархальными семьями VI—VII вв. были более самостоятельными хозяйственными единицами, в чем убеждает рассредоточение селищ-патриархальных семей на территории гнезд-общин.

В гнездах-общинах VI—VII вв. селища-патриархальные общины, как уже отмечалось, располагаются на близком расстоянии одно от другого. Другая картина наблюдается в гнездах-общинах VIII—IX вв. Селища-патриархальные семьи этого времени часто располагаются на земле общины на значительном расстоянии одно от другого. Например, на территории Черновского гнезда-общины селище-патриархальная семья в урочище Турецкая могила (поселение Черновка VIII) удалено от остальных поселений этого гнезда не менее чем на 3 км (рис. 28, *А. VIII*). Другие селища этого гнезда-общины также удалены друг от друга. Рассредоточение селищ-патриархальных семей характерно для многих гнезд-общин VIII—IX вв. Разбросанные на многие километры патриархальные семьи одной и той же общины в условиях того времени не могли вести совместное хозяйство. Лишь для выполнения трудоемких работ эти семьи могли объединять свои усилия.

Возникает вопрос, что побудило патриархальные семьи селиться отдельно от других таких же семей? Рассредоточение селищ на территории гнезда-общины можно объяснить только тем, что патриархальные семьи VIII—IX вв. начали обособленно пользоваться пахотной землей, которую они своим трудом отнимали у дикой природы. Переход от коллективной (общей) к обособленной собственности был тесно связан с переходом от подсечно-переложной к паровой системе земледелия. Большие патриархальные семьи как самостоятельные хозяйственные единицы стремились приблизить свой двор и жилища к постоянно обрабатываемой ими земле. В условиях ограниченности транспортных средств постоянно обрабатывать одну и ту же землю было выгодно лишь при условии, что она находилась на близком расстоянии от усадьбы (ближе было вывозить навоз на поле, без чего паровая система земледелия невозможна, ближе доставлять выращенный урожай с поля и т. п.).

Конечно, процесс формирования обособленной собственности патриархальных семей был постепенным. Только этим можно объяснить тот факт, что на территории многих гнезд-общин VIII—IX вв. наряду с рассредоточенными селищами-патриархальными семьями обнаружены такие же селища, расположенные одно возле другого, образуя патронимии. По-видимому, родственные связи между жителями этих селищ были еще довольно сильными, и они сообща владели пахотной землей.

Когда же речь идет об отдельно расположенных селищах-патриархальных семьях, то следует признать, что такие семьи имели право наследования обрабатываемых ею участков земли, которые со временем превраща-

лись в собственность этих семей, при сохранении общего пользования неподеленными земельными угодьями, принадлежавшими всем семьям, входившим в состав общины.

Несмотря на наличие обособленной собственности в общинах VIII—IX вв., сохранялось много общих интересов для всех семей, входивших в состав той или иной общины. Ремесла, сосредоточенные обычно на территории одного населенного пункта (общинного центра), обслуживали жителей всей общины. Общинные святилища с длинными домами на их территории свидетельствуют об общих, коллективных верованиях, собраниях и пиршествах. Стремление к единству в пределах общины-гнезда диктовалось также интересами совместной защиты земель от посягательств извне.

С появлением обособленной собственности патриархальных семей начался процесс неравномерного их развития, выделения среди них более влиятельных и богатых семей. К ним в VIII—IX вв. принадлежали, например, семьи воинов-земледельцев. Это были семьи высшего ранга, которые все больше и больше сосредоточивали власть в своих руках.

Итак, основной хозяйственной единицей гнезд-общин VIII—IX вв. были большие патриархальные семьи, каждая из которых совместно владела средствами производства и вела нераздельное хозяйство. Эти семьи пользовались землей как своей коллективной собственностью. Коллективное хозяйствование позволяло меньше затрачивать труда на содержание скота, его охрану, на заготовку кормов, пастьбу, содержание загонов и т. п. Большие патриархальные семьи давали возможность мужчинам совмещать воинские занятия с хозяйственной деятельностью. Когда воин уходил на войну, члены его семьи продолжали вести совместное хозяйство.

В общинах VIII—IX вв. начался активный процесс выделения малых семей. Этот процесс был довольно сложным и слабо отражен в письменных источниках. Историки вполне обоснованно предполагают, что большая патриархальная семья в «Повести временных лет» упоминается под названием «дым» [62]. Дым — это двор большой семьи вместе с принадлежавшей ему землей и одновременно — единица податного обложения. Дань, размер которой соответствовал мечу («съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь» [63]), могла в то время уплатить лишь большая семья. В записи летописи под 859 г. говорится, что дань хазарам поляне, северяне и вятичи платили от дыма («по беле и веверице» [64]). Отсюда следует, что в VIII—IX вв. основной хозяйственной единицей у восточных славян был дым — большая патриархальная семья. Под 964 г. снова упоминается дань, которую платили вятичи хазарам. Но на этот раз они платили «по шълягу от рала» [65]. Рало — это единица обложения не только большой, но и малой неразделенной семьи [66]. На этом основании можно утверждать, что уже в X в. шел процесс массового выделения малых семей, начавшийся в более раннее время.

Письменные источники не позволяют конкретизировать процесс формирования индивидуальных трудовых хозяйств, уточнить его хронологию. В решении данной проблемы существенную роль могли бы сыграть археологические материалы. Но до сих пор еще не определены существенные археологические признаки малых семей, их хозяйства и часто одни и

те же материалы используются для выделения то больших, то малых семей [67].

Процесс выделения индивидуальных семей нашел свое отражение в могильниках. На определенном этапе развития погребального обряда на смену коллективным пришли индивидуальные погребения. Например, Черновский могильник, который датируется X в., состоит из курганов с несколькими погребениями в каждом из них, совершенными путем кремации покойников. На Горишнешеровецком могильнике 2 возле княжеской крепости, расположенном недалеко от Черновского, раскопаны курганы с индивидуальными погребениями, совершенными путем ингумации. Этот могильник датируется XI—первой половиной XII в. Аналогичная смена погребального обряда и приблизительно в тех же хронологических рамках проходила и на других восточнославянских землях [68].

Обращает на себя внимание тот факт, что хронология процесса выделения индивидуальных семей по материалам могильников не совпадает с хронологией этого процесса по письменным данным. Здесь следует согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что погребальный обряд отражает реальную жизнь с некоторым запозданием [69]. Но и эта оговорка не раскрывает всего существа проблемы.

Переход от больших к малым семьям был постепенным и сложным. Длительное время обе формы семьи сосуществовали. В переходный период от первобытности к классовому обществу, в период распада больших патриархальных семей, довольно распространенной формой должны были быть малые неразделенные семьи как переходная форма от большой к моногамной семье. Но выделить их по материалам могильников пока не представляется возможным. Здесь ведущая роль принадлежит поселениям.

Процесс выделения малых неразделенных семей, как показала социальная типология селищ, нашел свое отражение в двух типах селищ: миниатюрных и селищах-группах малых семей (см. раздел первый). Изучение их структуры позволяет наметить два пути формирования малых неразделенных семей: 1) как следствие распада больших патриархальных семей и 2) как следствие изгойства из разных социальных структур. Первый из этих путей отражен в появлении селищ, на которых уже нет площадок — коллективных дворов, но выделяются небольшие отдельные группы жилищ с их хозяйственными комплексами. Такого типа селища, как уже отмечалось, не известны на территории гнезд-общин VI—VII вв., но неоднократно были зафиксированы на территории гнезд-общин VIII—IX вв.

Второй путь выделения малых неразделенных семей нашел свое отражение в появлении миниатюрных селищ. Эти селища могли быть основаны наиболее сильными в экономическом отношении элементами, которые в силу тех или иных причин порывали с патриархальной семьей, осваивали пустующие земли и заводили свое собственное хозяйство. Но справиться с ведением такого хозяйства одной брачной семье в условиях того времени было трудно и родители стремились не отделять от своей семьи взрослых сыновей. Так формировались малые неразделенные семьи, брачные семьи которых жили в отдельных домах, но пользовались одной общей усадьбой.

Археологическим свидетельством появления малых моногамных семей являются древнейшие индивидуальные усадьбы, принадлежавшие трудовым элементам. Достоверные археологические признаки таких усадеб еще не определены. Попытку некоторых исследователей расположение хозяйственных ям возле жилищ принять за основной признак индивидуального хозяйства нельзя признать удачной. Ведь такие ямы-погреба, например, могут свидетельствовать об индивидуальном потреблении части сообща выработанной продукции. Хозяйственные ямы располагаются рядом с жилищами (и даже в середине жилищ) и на поселениях VI—VII вв., по отношению к которым нет никаких оснований говорить о выделении индивидуальных хозяйств.

Заслуживает внимания попытка И. И. Ляпушкина определить археологические признаки индивидуальных усадеб [70]. К ним он отнес 1) небольшой размер жилищ-полуземлянок (12—20 кв. м); 2) изолированное расположение жилищ; 3) небольшой размер хозяйственных построек, примыкавших к жилищам. Не все эти признаки можно отнести к главным, определяющим. Например, небольшой размер жилищ характерен и для тех периодов, когда еще не было индивидуальных хозяйств.

В нашей работе индивидуальные усадьбы выделены по таким археологическим признакам: 1) усадьба представляет собой комплекс построек, в состав которого, кроме жилища, входят хозяйственно-производственные сооружения [71]; 2) изолированное расположение этого комплекса (он может быть огражден или же иметь естественные границы); 3) в состав усадьбы, кроме жилищно-хозяйственных построек, могли входить усадебные земли (огород, сад).

Индивидуальная усадьба IX в. полностью исследована на поселении Кидрына в Ревне (рис. 33). Это поселение расположено на косогоре, в месте, мало удобном для жизни. Двор 1 занимал горизонтальную площадку размером 35×14 м (площадью около 0,5 га). Источником воды двор был разделен на две основные части: а) южную — жилую и б) северную — хозяйственную. Более плотно была застроена хозяйственная часть двора. Здесь раскопаны остатки двух наземных, столбовой конструкции прямоугольных построек (размерами 7,5×3,5 и 3,0×2,5 м). На их территории отложился культурный слой толщиной до 0,20 м, в котором найдены на разных уровнях обломки лепной и гончарной керамики IX в., куски глиняной обмазки с отпечатками плетня (остатки стен), угли и куски сгоревшего дерева. Расположение и конструкция этих прямоугольных построек позволяют принять их за остатки хлевов. Такого типа постройки, стены которых имели столбовую конструкцию, а простенки были из плетня, обмазанного глиной, но имевшие лучшую сохранность, исследованы в других местах, оказались конюшнями. Например, в Звенигороде пол такой по конструкции постройки был устлан конским навозом [72], в Екимауцах в таких постройках, погибших от пожара, найдены скелеты лошадей и остатки уздечек [73].

Недалеко от построек-хлевов, раскопанных на селище Кидрына, находилась хозяйственная яма диаметром 2,5 м, опущенная в материк на глубину 1 м. В ней найдены обломки керамики IX в., расчищены две столбовые ямки и обнаружены остатки сгнившего дерева. Возможно, яма находилась в середине небольшой деревянной постройки. Вторая яма та-

ких же размеров обнаружена выше по склону, но недалеко от хозяйственных построек. Ямы, вероятно, служили для хранения кормовых продуктов для животных.

Жилой комплекс усадьбы складывался из полуземлянки (3,5×3,4 м) с печью-каменкой и стенами столбовой конструкции и отдельно расположенного наземного сооружения. Жилище было опущено в материк на глубину 1,2 м, при входе находился теплоизоляционный тембур шириной 1 м (от него сохранилось шесть столбовых ям). На полу жилища найдены обломки от трех лепных горшков и одной сковородки, относящихся к культуре типа Луки Райковецкой. От наземной прямоугольной постройки (ее размеры 5×3 м), которая располагалась рядом с жилищем, сохранился культурный слой, в котором найдены обгоревшие бревна, угли, обломки гончарной керамики IX в. и глиняное грузило для рыбацкой сети. Со всех сторон постройку оконтуривали столбовые ямы. Изучение входа (от него сохранились столбовые ямки и угли) позволяет предположить, что деревянный пол этой постройки был несколько приподнят над землей, и на этом основании можно принять ее за остатки клети-амбара.

Раскопанная на селище Кидрына в Ревне усадьба IX—начала X в. принадлежала крестьянину. Она была хорошо устроена на искусственно созданной террасе косогора, имела отдельный скотный двор, а возле жилища располагался амбар, который, судя по этнографическим материалам, предназначался для хранения продуктов питания, одежды, инвентаря и прочего имущества.

Исследование миниатюрных селищ и селищ-групп малых семей и их хронологическая классификация (см. табл. 1) показывают, что в IX в. полным ходом шел процесс расслоения больших патриархальных семей и появления не только малых неразделенных семей, но и индивидуальных собственников, в том числе и крестьянских хозяйств. Хотя в IX в. еще преобладали, сохраняя свою прежнюю силу, большие патриархальные семьи, семейно-индивидуальные хозяйства, игравшие большую роль в повышении производительности труда, постепенно шли на смену коллективным формам хозяйственной деятельности.

Таким образом, гнезда-общины VIII—IX вв. в свете археологических данных выступают как остатки сложных общественных структур, со своими характерными признаками, позволяющими их отличить от гнезд-общин других периодов. К этим признакам относятся 1) общинные центры, как правило, укрепленные и часто сложной структуры. В их состав могли входить убежища, поселения, являющиеся административно-хозяйственными центрами, святилища, поселки ремесленников и полупрофессиональных воинов (воинов-земледельцев); 2) расположенные отдельно от других поселений селища-патриархальные семьи, владевшие пахотными землями на правах обособленной собственности; 3) миниатюрные селища и большие селища без площадок — коллективных дворов, принадлежавшие малым (неразделенным и моногамным) семьям.

Приблизительные подсчеты показывают, что количество населения на территории каждого гнезда-общины VIII—IX вв. могло достигать 350—400 человек, но не больше. Рост населения в общинах до определенного предела ограничивался уровнем социально-экономического развития общества.

Уровень экономического развития и природных условий основной массы восточнославянских общин VIII—IX вв. Украинского Прикарпатья был приблизительно одинаков. Они производили примерно одно и то же, что не способствовало развитию обмена между ними. Интенсивный обмен мог развиваться в тех общинах, которые, как уже отмечалось, располагались в контактной зоне с кочевниками или другими племенами, ведущими другой образ жизни. Такие общины занимали более выгодное положение, благодаря обмену получали дополнительные доходы, становились более богатыми и сильными, могли стать во главе политических объединений (например, во главе «племенных» княжений). В «племенных» (надобщинных) центрах в свою очередь выделялись богатые семьи, которые могли возглавить политические объединения. Это — свидетельства появления значительной иерархии среди общин VIII—IX вв.

Некоторые сведения о восточнославянской общине VIII—IX вв. имеются в древнейшей части «Русской Правды». Проанализировав их, А. А. Зимин пришел к следующим выводам: основой общества VIII—IX вв. был не род, а большая семья; в общине еще был силен кровный принцип (сохранялась еще кровная месть), но уже складывались соседские отношения; общество не знало классов, но уже существовала патриархальная челядь; община распоряжалась имуществом своего члена, не оставившего наследника мужского пола; действовал суд старейшин, и не было права своих сородичей обращать в рабов [74]. Таким образом, основные черты общины VIII—IX вв., по данным письменных источников, во многом совпадают с основными признаками, выявленными по данным археологических источников.

Тип общины, характерный для восточных славян VIII—IX вв., хорошо изучен по западноевропейским материалам. А. И. Неусыхин называет ее, ссылаясь на К. Маркса, земледельческой и выделяет следующие ее характерные черты: 1) она еще сохраняет верховную собственность на пахотные земли, которые распределены между большими семьями; 2) сохраняет за собой коллективное пользование неподеленными угодьями (лесами, пастбищами, пустошами, водами и т. п.); 3) вследствие неравномерного экономического развития идет распад больших семей и формирование индивидуально-семейных собственников на наделы пахотной земли [75].

Земледельческая община сравнительно хорошо изучена этнографами по материалам Азии и Африки. Ю. В. Маретин такую общину называет соседско-большесемейной и указывает на следующие ее характерные черты. Соседско-большесемейная община возникает на том уровне развития общества, когда появляются элементы расширенного производства, основанного на оседлом земледелии, и резко увеличивается население. Она состоит из больших семей, за которыми закреплены земли и которые сохраняют между собой экономические, генеалогические, ритуальные и другие связи. В этой общине идет нарастание индивидуального начала, возникает частная собственность. Соседско-большесемейная община представляет собой самостоятельный тип общины, характерный для переходного периода от первобытности к классовому обществу, когда начинается процесс классообразования [76].

Таким образом, земледельческая (соседско-большесемейная) община является универсальной социальной структурой. Она характерна для всех

народов на стадии перехода от первобытности к классовому обществу. В этом отношении восточные славяне не были исключением.

Для обозначения социальных структур переходного периода от первобытности к классовому обществу еще не выработана единая терминология. В связи с этим следует, прежде всего, попытаться определить, как называлась община VIII—IX вв. в древнерусских источниках.

В летописях упоминаются такие социальные структуры, как род, вервь, мир, волость, погост, весь, село. Две последние единицы — это отдельные поселения, которые никак нельзя отождествлять с гнездом-общиной. К территориальным единицам относятся погосты. О их сущности среди исследователей нет единого мнения [77]. Все же, учитывая то, что погосты устанавливались князьями, следует присоединиться к тем исследователям, которые полагают, что погост — это территориальная единица, образованная князьями для фискальных и административных целей [78].

Волость — сначала власть, господство, затем территория, на которую распространялась власть в связи с феодализацией восточнославянского общества. Со временем возникли общины-волости [79]. Но они не имеют отношения к структурам VIII—IX вв.

Земледельческой (соседско-большесемейной) общине VIII—IX вв. больше всего отвечает термин «ветвь» «Русской Правды», который выводят от слова «веревка»: она использовалась как измерительный прибор [80]. Этот термин мог появиться только тогда, когда происходили какие-то измерения в землевладении и применялась веревка. Археологические данные позволяют высказать предположение, что это связано с закреплением земельных наделов за отдельными большими патриархальными семьями. Если так, то есть основание согласиться с теми исследователями, которые предполагают, что термин «вервь» сначала обозначал большесемейную общину и с течением времени начал применяться и к сельской общине [81].

Вервь «Русской Правды» имела строго определенные границы, за нарушения которых полагался штраф [82], владела землями [83], в пределах которых она отвечала за преступления («вервную платити, в чей верви голова лежит») [84] и «гоняла след» (коллективно ловила «тятей»). «Гонять след» можно было при условии, что вервь состояла не из одного, а из нескольких поселений. Таким же по археологическим данным представляется и гнездо поселений VIII—IX вв.

Вервь — не единственное древнее наименование гнезда-общины. По отношению к этому социальному организму употреблялся также термин «мир» [85]. По-видимому, название «вервь» обозначало территорию общины, а «мир» — население общины. Вполне возможно, что община-вервь в недатированной части «Повести временных лет» названа родом: «Полем же жившемь особе и владеющемь роды своими» [86]; «и въста род на род» [87]. Но летописец в понятие «род» вкладывал и другое содержание. Например, «род», упомянутый под 971 г. [88], следует понимать как большую патриархальную семью [89]. Родом летописец обозначал и народ, династию, совокупность родственников. Расплывчатость летописного термина «род» не позволяет использовать его для наименования общины-гнезда VIII—IX вв.

Таким образом, в древнерусских источниках восточнославянская община выступает под разными наименованиями (вервь, род, мир). Прямое отношение к крестьянской общине X—XI вв. имеет название «вервь»

«Русской Правды» (см. ниже). Название могло появиться в VIII—IX вв. сначала по отношению к обособившейся патриархальной семье, позднее вервью стали именовать крестьянскую общину.

* * *

Археологическое изучение гнезд-поселений VI—IX вв. и сопоставление полученных при этом данных со сведениями письменных источников позволяет сделать следующие выводы: 1) восточнославянская община VI—IX вв. относится к переходному периоду от первобытности к классовому обществу, когда шел активный процесс замены кровнородственных связей соседскими. В VI в. кровнородственные связи были еще довольно сильными. Патриархальные семьи на территории каждого гнезда-общины селились, как правило, рядом, образуя большесемейную общину. В VII в. на территории гнезд-общин появляются первые признаки (в виде городищ-убежищ) начала формирования социальных микроструктур нового типа — земледельческих общин.

2) Земледельческая (соседско-большесемейная) община VIII—IX вв. была сложным социальным микроорганизмом. В ее состав наряду с селищами-патриархальными семьями и селищами-группами патриархальных семей входили миниатюрные селища — малые неразделенные семьи и селища без площадок — коллективных дворов, принадлежавшие также малым (неразделенным и моногамным) семьям. Следовательно, община объединяла разнотипные поселения, которые были между собой как родственными, так и терявшими родственные связи. Община VIII—IX вв. устраняла конфликты, которые могли возникнуть между семьями, защищала своих членов от посягательств других общин, создавала хозяйственный коллектив, который мог обеспечить себя всем необходимым, чем достигалась независимость и определенная изолированность этого социального микроорганизма.

3) Важную роль в жизни земледельческой общины играли общинные центры, в состав которых могли входить поселки ремесленников и полупрофессиональных воинов (воинов-земледельцев), святилища и убежища. На территории этих центров, структура которых постоянно усложнялась, проводились народные собрания и религиозные празднества, свидетельствами которых являются длинные дома-контины.

4) Место патриархальных и малых семей в общине VIII—IX вв. определяется, по археологическим данным, их отношением к общинному центру. Одни из этих семей жили на территории городищ или рядом с ними, занимая привилегированное положение, поселки других семей располагались на значительном расстоянии от этих городищ. Рассредоточение селищ на территории гнезд-общин свидетельствует об обособленной (а не родовой) собственности больших патриархальных семей на пахотные земли. Такие семьи являлись автономными единицами, но они во многих вопросах подчинялись интересам всей общины.

5) Земледельческая община уже потеряла много признаков, характерных для первобытного строя, но еще не являлась и феодальной структурой. В ней еще не было классовой эксплуатации, но уже зарождались черты социального неравенства. Выделялись семьи, которые занимали

более высокий социальный ранг (например, воины-земледельцы, жрецы и др.), постепенно формировались индивидуальные семьи, складывалось крестьянство.

Не позднее конца IX в. восточнославянская община вступает во взаимодействие с раннефеодальными центрами. Наступает новый период развития этой общины — раннефеодальный.

[1] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) // МИА. 1960. № 92. С. 30—34.

[2] *Рыбаков Б. А.* Предпосылки образования древнерусского государства // Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958. С. 850—851; *Он же.* Союзы племен и проблема феодализма на Руси // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 27.

[3] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина X в.) // МИА. 1968. № 152. С. 128.

[4] *Кашкин А. В., Узянов А. А.* Обследование бассейна р. Сеїм // АО 1981 г. М., 1983. С. 60; *Узянов А. А.* Динамика заселения реки Тускарь // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 81, 82. Рис. 1.

[5] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой области // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 19—25.

[6] *Советов П. В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 28—32; *Он же.* Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Кишинев, 1980. С. 89, 90; *Бырня П. П.* Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв. Кишинев, 1969. С. 56—59. *Costăchescu M.* Documentele moldovenesti inainte de Stefan cel Mare. Jaşi, 1931. T. 1. P. 78.

[8] Ibid. P. 98.

[9] *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 257.

[10] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М., 1984. С. 28.

[11] *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст.). Київ, 1975. Рис. 3.

[12] *Баран В. Д.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972. С. 143—155, 161—166.

[13] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып. Е1—25. С. 23, 32, 35.

[14] *Маретин Ю. В.* Основные типы общины в Индонезии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 338—340; *Он же.* Стадиальная типология общины // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972. Вып. 2. С. 167; *Он же.* Опыт социально-генетической типологии общины // Проблемы аграрной истории. Минск, 1978. Ч. 1. С. 113.

[15] *Бутинов Н. А.* Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967. С. 177—182.

[16] *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М.; Л., 1953. С. 284.

Ранняя община переходного периода в исследованиях именуется по-разному, и в эти названия часто вкладываются разные понятия (см.: *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978. С. 9—40; *Ольдерогге Д. А.* Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 6—19; *Першиц А. И.* Проблема типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Т. VIII. С. 142—156; *Семенов Ю. И.* О стадиальной типологии общин // Проблемы типологии и этнографии. М., 1979. С. 75—91). Неустойчивость терминологии свидетельствует о том, что типология общины переходного периода находится на стадии накопления фактического материала и у исследователей еще нет единого мнения об этом периоде. К восточнославянской общине VI—VII вв. не может быть применено название «первобытно-соседская община», воз-

никновение которой относят к неолиту и которая охватывает огромный период разложения первобытной родовой общины (История первобытного общества. М., 1983. С. 20—25). Тип общины VI—VII вв. имеет свои особенности, что должно отразиться на ее названии. Термин «большесемейная община» вовсе не означает, что община обязательно состояла из одной большой семьи. Напротив, в поселении жило, как правило, несколько больших семей. См.: *Бутинов Н. А.* Община, семья, род // СЭ. 1968. № 2. С. 93.

[18] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 72.

[19] *Ауліх В. В.* Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII вв. в Західній Волині. Київ, 1972. Табл. VI, *13*, *14*; VII, *4*.

[20] Там же. С. 40—73.

[21] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950. С. 297.

[22] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 113; *Довженок В. Й.* Землеробство древньої Русі. Київ, 1961. С. 31—39; *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка на Руси: (Домонгольский период) // МИА. 1953. № 32. С. 198, 199; *Кирьянов А. В.* Земледелие восточного славянства в VI—IX вв. // Возникновение и развитие земледелия. М., 1967. С. 171—189; *Вознесенская Г. А.* Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н. э. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 62—65; *Гопак В. Д.* Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тыс. н. э.: (Днепровско-Днестровское междуречье) // СА. 1976. № 2. С. 46—56.

[23] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976. С. 49; *Рафалович И. А.* Славяне VI—IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 43, 44.

[23а] *Тимощук Б. А.* О сложении систем земледелия у восточных славян // Природа и человек. М., 1988. С. 140—145.

[24] *Третьяков П. Н.* Подсечное земледелие в Восточной Европе // Изв. ГАИМК. 1932. Т. 14, вып. 1. С. 9, 10. *Петров В. П.* Этногенез славян. Киев, 1972. С. 30.

[26] На славянских поселениях VI—VII вв. Восточной Европы известна лишь одна находка остатков пахотного орудия. На поселении Селиште в Молдавии найден железный наральник без плечиков — часть бесполозного рала. Оно служило, как предполагают исследователи, для обработки земли при подсечно-огневой системе земледелия (*Рафалович И. А.*, *Лапушнян В. Л.* Могильники и раннеславянское городище у с. Селиште // АИМ, 1973. Кишинев, 1974. С. 125).

[27] *Чернецов А. В.* О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий // СА. 1972. № 3. С. 137—139.

[28] *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е. Київ, 1980. Рис. 35; 45, 4. С. 138.

[29] *Березовец Д. Т.* Поселения уличей на р. Тясмине // МИА. 1963. № 108. С. 183.

[30] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74. Табл. 67, 1, 2.

[31] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. С. 145.

[32] *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // МИА. 1960. № 89. Табл. 68, *2*. С. 290.

[33] *Довженок В. Й.* Землеробство С. 41—51.

[34] *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. 1950. С. 139—168.

[35] *Кирьянова Н. А.* О составе земледельческих культур Древней Руси X—XV вв.: (По археологическим материалам). СА. 1979. № 4. С. 72—84.

[36] *Кирьянов А. В.* История земледелия Новгородской земли X—XV вв.: (По археологическим данным) // МИА. 1959. № 65. С. 333.

[37] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. С. 93, 150.

[38] *Кирьянов А. В.* История земледелия . С. 329, 330.

[39] *Коробушкина Т. Н.* Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск, 1979. С. 70—73.

[40] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. . Табл. 32, *2*.

[41] *Рафалович И. А.* Исследование раннеславянских поселений в Молдавии // АИМ (1970—1971). 1973. Рис. 10, *5*.

[42] *Русанова И. П.*, *Тимощук Б. А.* Кодын Рис. 18, *6*.

[43] *Минасян Р. С.* Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. 1978. № 19. С. 82—85. Рис. 6.

[44] *Березовец Д. Т.* Поселения уличей. С. 183. Рис. 20, *9*, *14*.

[45] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. Табл. 88.

[46] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976. С. 43. Рис. 18, *32*.

[47] *Минасян Р. С.* Классификация серпов. С. 84.

[48] *Белан Н. Г.* До історії мисливства і тваринництва у племен Правобережної України у I тис. н. е. // Археологія. 1977. № 24. С. 30.

[49] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини. С. 110—116.

[50] *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки. . . С. 102—111.

[51] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини. . С. 110—116.

[52] *Вознесенская Г. А.* Металлографическое исследование кузнечных изделий из раннеславянских памятников // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 124—128; *Она же.* Кузнечное производство. С. 70—76; *Гопак В. Д.* Техника кузнечного ремесла. С. 46—56.

[53] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. Рис. 17, *3*.

[54] *Шевеленко А. Я.* Производственно-трудовой опыт народных масс Европы VI—X вв. // ВИ. 1975. № 8. С. 94, 95.

[55] Межобщинный обмен в IX в. был, повидимому, незначительным. Соседние общины могли нуждаться главным образом в изделиях из металла, но в незначительном количестве, так как имели свое производство таких изделий (об этом свидетельствуют следы железообрабатывающего ремесла (железные шлаки), обнаруженные на территории общинных центров, расположенных в окрестностях Добрыновского гнезда-общины). Здесь речь может идти об обмене высококачественными изделиями из металла.

[56] *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967. С. 117—125; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 84—87.

[57] *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка: (К проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11—17; *Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С.* и др. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 33—38.

[58] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой области // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 19—25.

[59] *Русанова И. П.* Языческое святилище на р. Гнилопяти под Житомиром // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 233—237.

[60] *Куза А. В., Соловьева Г. Ф.* Языческое святилище в земле радимичей // СА. 1972. № 2. С. 146—154.

[61] *Москаленко А. Н.* Святилище на р. Воргол // СА. 1966. № 2. С. 203—209.

[62] *Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадиальность перехода в развитый феодализм // ВИ. 1981. № 2. С. 61—63; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и феодальные княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 255; *Фроянов И. Я.* Семья и вервь в Киевской Руси: (По поводу статьи О. М. Рапова) // СЭ. 1972. № 3. С. 95.

[63] ПВЛ. I. С. 16.

[64] ПВЛ. I. С. 18.

[65] ПВЛ. I. С. 47.

[66] *Шапиро А. Л.* О природе феодальной собственности на землю // ВИ. 1969. № 12. С. 57—72.

[67] Например, клад орудий труда из селища Макаров Остров (Пеньковка) А. Т. Смиленко рассматривает как принадлежавшее индивидуальному хозяйству (*Сміленко А. Т.* Слов'яни на їх сусіди в степовому Подніпров'ї II—XIII ст. Київ, 1975. С. 96), а В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов в этой находке видят признак рода (*Мавродин В. В., Фроянов И. Я.* Об общественном строе восточных славян VIII—IX вв. в свете археологических данных // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 130).

[68] *Моця А. П.* Трупосожжения и трупоположения у славян Среднего Поднепровья: Причины смены погребального обряда // Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 115—122.

[69] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы. С. 163; *Третьяков П. Н.* Некоторые данные об общественных отношениях в восточнославянской среде в I тысячелетии н. э. // СА. 1974. № 2. С. 74.

[70] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. С. 224, 225.

[71] В древнерусских летописях и «Русской Правде» упоминаются хоромы (жилища), клетки (амбары), хлева и ямы-хранилища, которые могли входить в состав усадьбы.

[72] *Свешников И. К.* Раскопки в Звенигороде на Белке // АО 1982 г. М., 1984. С. 328.

[73] *Федоров Г. Б.* Отчет о раскопках Екимауцкого городища в 1951 г. // Науч.

арх. Ин-та археологии АН СССР. № 640.

[74] *Зимин А. А.* Феодальная собственность и «Русская Правда» // ИЗ. 1965. Т. 76. С. 230—275.

[75] *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956. С. 9—28. О земледельческой общине см. также: *Следзевский И. В.* Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978. С. 61—74; *Тер-Акопян Н. Б.* Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973. С. 77.

[76] *Маретин Ю. В.* Основные типы общины в Индонезии. С. 326—351; *Он же.* Социальная типология общины. . С. 165—170; *Он же.* Община соседско-большесемейного типа у минангбалу (Западная Суматрия) // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 60—132.

[77] Например, Н. Н. Воронин полагал, что «погост» — это соседская община (*Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси: Погост, слобода, село, деревня. Л., 1935. С. 20—36). В. Л. Черепнин отождествлял это понятие с термином «вервь» (*Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 338).

[78] *Романов Б. А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма: (По поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XV—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 341—375.

[79] *Прокофьева Л. С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Л., 1981. С. 21.

[80] *Бромлей Ю. В.* Некоторые средневековые хорватско-русские параллели // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 19.

[81] *Рыбаков Б. А.* Предпосылки образования древнерусского государства. С. 833—835; *Мавродин В. В.* Социально-политический строй // История культуры древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 8.

[82] «Русская Правда». М.; Л., 1947. Т. 2. С. 34.

[83] В Полицком Статуте упоминается вервная земля. см.: *Греков Б. Д.* Большая семья и вервь «Русской Правды» и Полицкого Статута. // ВИ. 1951. № 8. С. 27—37.

[84] Русская Правда: Тексты. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 115.

[85] *Греков Б. Д.* Избр. тр. М., 1959. Т. 2. С. 54.

[86] ПВЛ. I. С. 12.

[87] ПВЛ. I. С. 18.

[88] ПВЛ. I. С. 51.

[89] *Щапов Я. Н.* Большая и малая семья на Руси в VIII—XIII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 182; *Горемыкина В. И.* Об общине и индивидуальном хозяйстве Древней Руси // История СССР. 1973. № 5. С. 136.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ОБЩИНА РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Новый период истории восточнославянской общины связан с развитием раннефеодальных отношений. В это время укрепленные общинные центры (убежища и административно-хозяйственные центры) были ликвидированы. Вместо них появились новые общественно-политические центры: княжеские (государственные) крепости и раннефеодальные города. Теперь положение общин определялось характером их отношений с раннефеодальными центрами. В таких условиях восточнославянская община приобретает новые черты, становится соседской, т. е. союзом в основном малых индивидуальных семей, сохранившим свое самоуправление, древние обычаи и коллективное пользование неразделенными угодьями.

Изучение средствами археологии взаимоотношений восточнославянской общины с раннефеодальными центрами показывает, что соседская община X—XI вв. не была единой структурой. Археологические материалы позволяют дать общую характеристику трем формам соседской общины раннего феодализма, а именно: 1) феодально-зависимой; 2) крестьянской и 3) городской (посадской) общинам.

Феодально-зависимая община

Община X—XI вв., которая находилась в зависимости от феодального центра, но еще сохраняла некоторые древние общинные порядки, нашла свое отражение в таких археологических памятниках, как селища-спутники княжеских крепостей (седьмой тип селищ). Эти селища располагаются рядом с городищами-княжескими крепостями, в одинаковых с ними топографических условиях. Конечно, зависимые от княжеской крепости села могли располагаться отдельно, на значительном расстоянии от крепости. Но археологические признаки отдаленных селищ-княжеских сел пока не определены и при изучении феодально-зависимой общины приходится пока ограничиваться археологическими материалами селищ-спутников княжеских крепостей.

Целенаправленное изучение селища-спутника княжеской крепости X в. проведено в Ревно [1]. Его археологические материалы позволяют охарактеризовать некоторые общие черты феодально-зависимой общины раннего феодализма. Важным признаком общинных порядков на поселениях, как уже отмечалось, являются длинные дома-контины. Они обнаружены и на территории селища-спутника княжеской крепости в Ревно. От них в лесу сохранились горизонтальные площадки шириной 5—8 м,

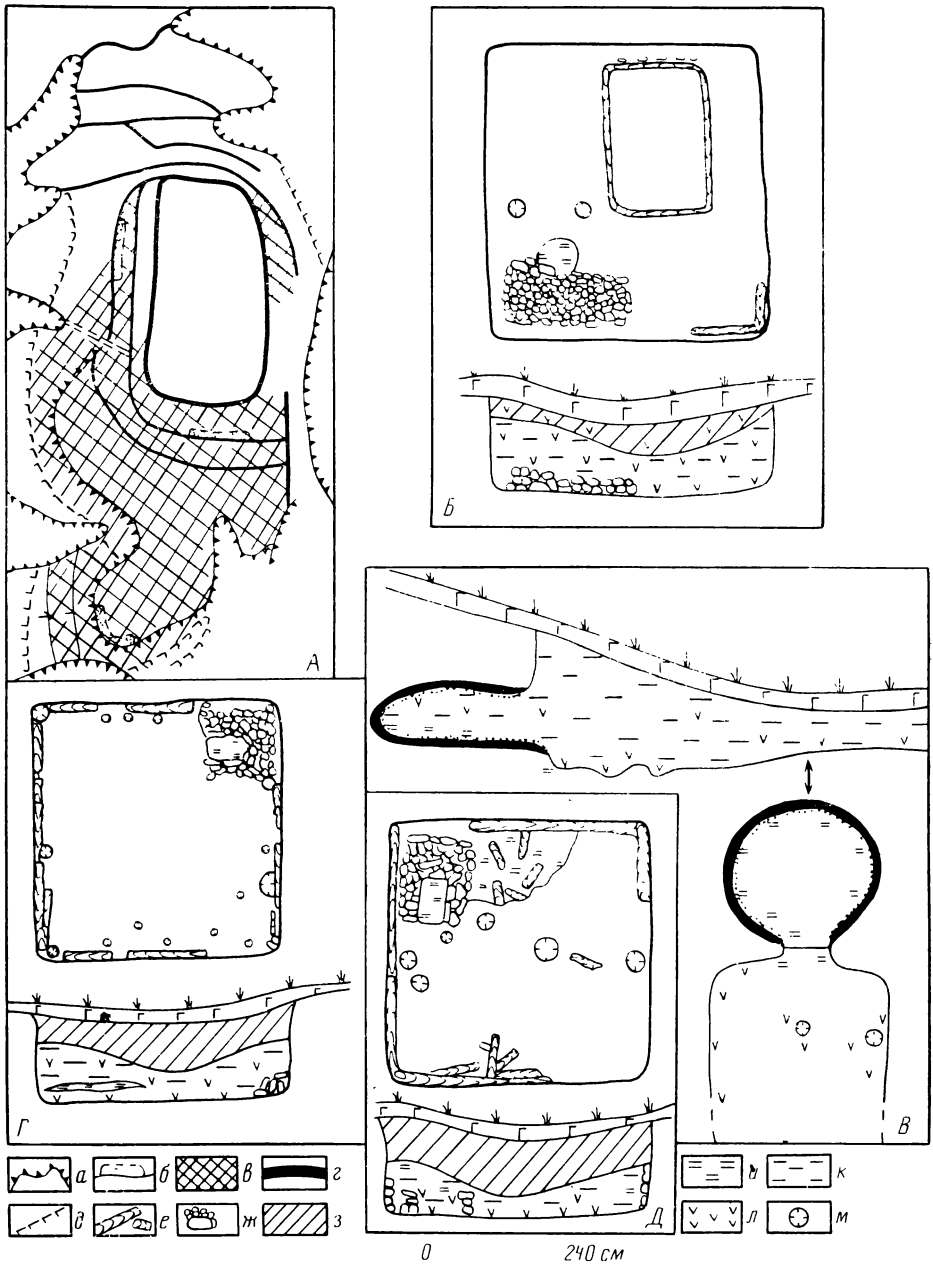


Рис. 37. Селище-спутник княжеской крепости X в. в Ревно

А, Б, В — планы и профили ремесленных мастерских; *Г, Д* — планы и профили углубленных жилищ; *а* — обрыв; *б* — длинный дом; *в* — территория селища-спутника; *г* — укрепленная линия X в.; *д* — эскарп; *е* — обгоревшее дерево; *ж* — камни; *з* — серая земля; *и* — обожженная земля; *к* — глина; *л* — угли; *м* — яма

длиной больше 80 м (рис. 37, *А*, *б*). Здесь раскопаны два длинных дома полностью, а на третьем, который частично разрушен лесной дорогой, проведены разведывательные раскопки.

Длинный дом 1 располагался вдоль второй дополнительной укрепленной линии крепости, в ее восточной части, имел длину 85 м, ширину 5 м (рис. 38, *А*, *Б*). Его конструкция оказалась такой же, как и длинных домов, которые находились на укрепленной площадке городища-убежища IX в. в Ревно: стены имели столбовую конструкцию, а простенки между столбами, сделанные из плетня, обмазывались с двух сторон глиной.

В северной части длинного дома 1 раскопано девять нишеобразных печей. Их изучение показало, что эти печи использовались для выпечки хлеба. В другой части этого длинного дома раскопан ритуальный очаг (на нем найдены обломки вторично обожженной керамики и кальцинированные кости), свидетельствующий о том, что здесь совершались какие-то языческие обряды.

Интересные данные получены при исследовании наземного длинного дома 2, который располагался в северо-восточном углу мыса и частично перекрывал остатки оборонительной линии IX в., т. е. по стратиграфическим данным относится к X в. и связывается с поселением — спутником княжеской крепости (рис. 13, *Б*). Дом в плане имел форму буквы Г. Его общая длина 55 м, ширина 6—8 м. На всей площади дома лежал культурный слой толщиной до 0,20 м. Там, где этот слой выклинивается, обнаружены столбовые ямы, а возле них — скопления глиняной обмазки с отпечатками дерева. Здесь же найдены куски обгоревших бревен. По этим находкам и определены конструкция стен (деревянно-глиняные), размеры и план дома.

В южной, расширенной части длинного дома находилось погребение X в. В яме глубиной 0,7 м, диаметром 1,05—0,85 м лежали останки кремированного покойника (кальцинированные кости человека), необожженные кости животных, обломки лепной и гончарной славянской посуды, вторично побывавшей в огне, угли, кусочки глиняной обмазки и обожженные камни (рис. 13, *В*). Недалеко от погребения была устроена культовая площадка, в центре которой находилась столбовая яма диаметром 25 см, глубиной 50 см, а перед ней вырезаны в полу две неглубокие фигурные ямы. Здесь лежали куски жаровни — переносного очага, стенки которой были сильно обожжены.

На всей площади длинного дома 2 на разных уровнях культурного слоя находились отдельные скопления битой глиняной посуды. В коллекции ее имеются горшки средней величины, служившие столовой посудой (без нагара), такие же горшки для приготовления еды в печи (с нагаром на внешних стенках и у верхней части внутренних стенок), конические миски, миниатюрные сосуды-рюмки, импортные желтолощеные амфоры. Ни один из разбитых здесь сосудов не реставрируется полностью. По-видимому, значительная часть обломков битой посуды после завершения обряда битья сосудов уносилась из дома. Наличие погребения и культовой площадки, а также следов обряда битья посуды позволяют утверждать, что в длинном доме 2 проводились празднично-обрядовые собрания общинников, связанные с поминанием предков.

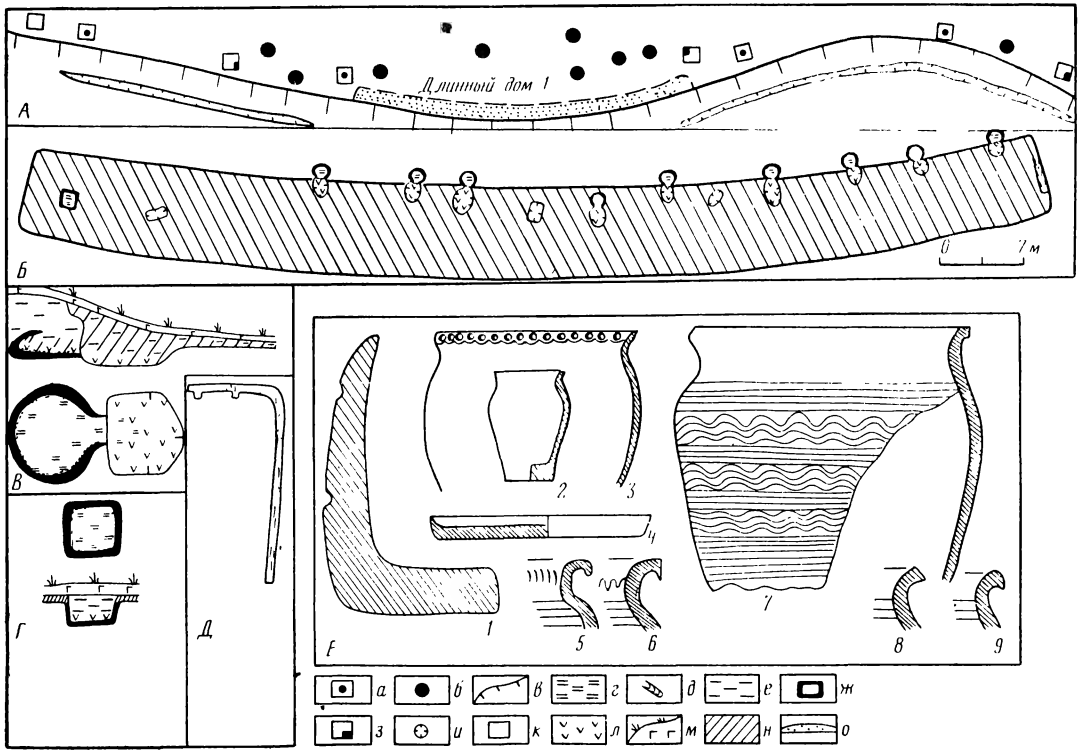


Рис. 38. Длинный дом 1 на селище-спутнике княжеской крепости в Ревно

А — расположение длинного дома;
Б — план длинного дома;
В — план и профиль нишеобразной печи;
Г — культовая яма на территории длинного дома;
Д — ключ-отмычка;
Е — керамика X в. с территории длинного дома;
а — ремесленная мастерская;
б — западина-жилище;
в — откос;
г — обожженная глина;
д — обгоревшее дерево;
е — глина;
ж — культовая яма;
з — жилище-полуземлянка,
и — яма;
к — сруб-опора;
л — угли;
м — гумус;
н — серая земля;
о — ров

Рядом с длинным домом 2 раскопано три землянки, помещения которых, по всей вероятности, использовались при приготовлении пищи для общественных трапез. Эти землянки имели одинаковую каркасно-столбовую конструкцию стен, одинаковую площадь (4×4 м), однотипную конструкцию печей-каменок, глиняный под которых имел форму блюда.

Наличие длинных домов-контин свидетельствует о том, что зависимое от крепости в Ревно население в X в. было объединено в общину. Общинники по традиции устраивали ритуальные пиры-братчины, совместно исполняли культовые обряды.

Общинники селища-спутника княжеской крепости в Ревно жили в типичных для восточных славян углубленных жилищах с печами-каменками (рис. 37, *Г*, *Д*). От них на селище сохранилось около 150 западин (рис. 25, *А*). Последние располагаются отдельными небольшими группами, которые могли принадлежать малым семьям, что подтверждается и раскопками.

Индивидуальная усадьба малой семьи, которая имела естественные границы, раскопана в восточной части селища. Ее с трех сторон окружали крутые склоны, а с четвертой — широкий откос оборонительной линии IX в. (рис. 39, *А*). На территории этой усадьбы (размеры ее 40×10 м) раскопаны остатки двух углубленных жилищ, функционировавших не в одно и то же время, и двух хозяйственных построек. Жилище 36, которое располагалось на самом высоком месте площадки, возле въезда и существовало раньше жилища 37, но также в пределах X в., представляло собой землянку, устроенную в котловане глубиной 1,5 м, размерами 2,2×2,2 м (рис. 39, *В*). В юго-западном углу жилища находилась хорошо сохранившаяся печь-каменка размерами 60×40 см, высотой 60 см. Стены жилища — деревянные (их остатки в виде углей сохранились вдоль материковых стен), но столбовых ям здесь не обнаружено.

Второе жилище (37) располагалось в северной части площадки-двора, ниже по склону (рис. 39, *Б*). Оно также представляло собой землянку, которая была устроена в котловане глубиной 1,3 м, размерами 2,8×2,8 м. Стены котлована имели каркасно-столбовую конструкцию. Отапливалось жилище печью-каменкой. Оба жилища отнесены к землянкам, так как по основным признакам они полностью соответствуют постройкам этого типа. Их котлованы довольно глубокие (более 1,3 м), вдоль материковых стен жилища 37 находилось восемь ям от столбов, которые поддерживали тяжелую земляную крышу (остатки последней в виде слоя рыхлой глины с угольками лежали на полу толщиной более 0,40 м).

Между жилищами располагалась хозяйственная постройка 1. От нее сохранился культурный слой толщиной 0,10—0,15 м, в котором найдены куски обгоревших бревен, развалы трех горшков (двух гончарных и одного лепного), точильный брусок, обломки керамики, мелкие камни, угли. На границе, где культурный слой выклинивается, обнаружены столбовые ямы. Изучение этих остатков показало, что постройка 1 была прямоугольной, размерами 4,9×3 м, с бревенчатыми стенами столбовой конструкции. Обращают на себя внимание следующие особенности этой постройки. Во-первых, поверхность земли, где находилась эта постройка, не была снивелирована, и на ней нет следов использования древней поверхности земли в качестве пола данного сооружения. Это дает основание предположить, что постройка имела приподнятый над землей деревянный пол. Во-

вторых, у постройки сохранились две столбовые ямки и угли, являющиеся, по-видимому, остатками лестницы. По этой лесенке могли подниматься к входной двери, несколько приподнятой над землей. Такой пол обычно делали в коморах-амбарах, где хранилось зерно, съестные припасы, мелкие хозяйственные предметы и другое имущество. Амбар располагался на небольшом расстоянии от жилища, на виду его обитателей.

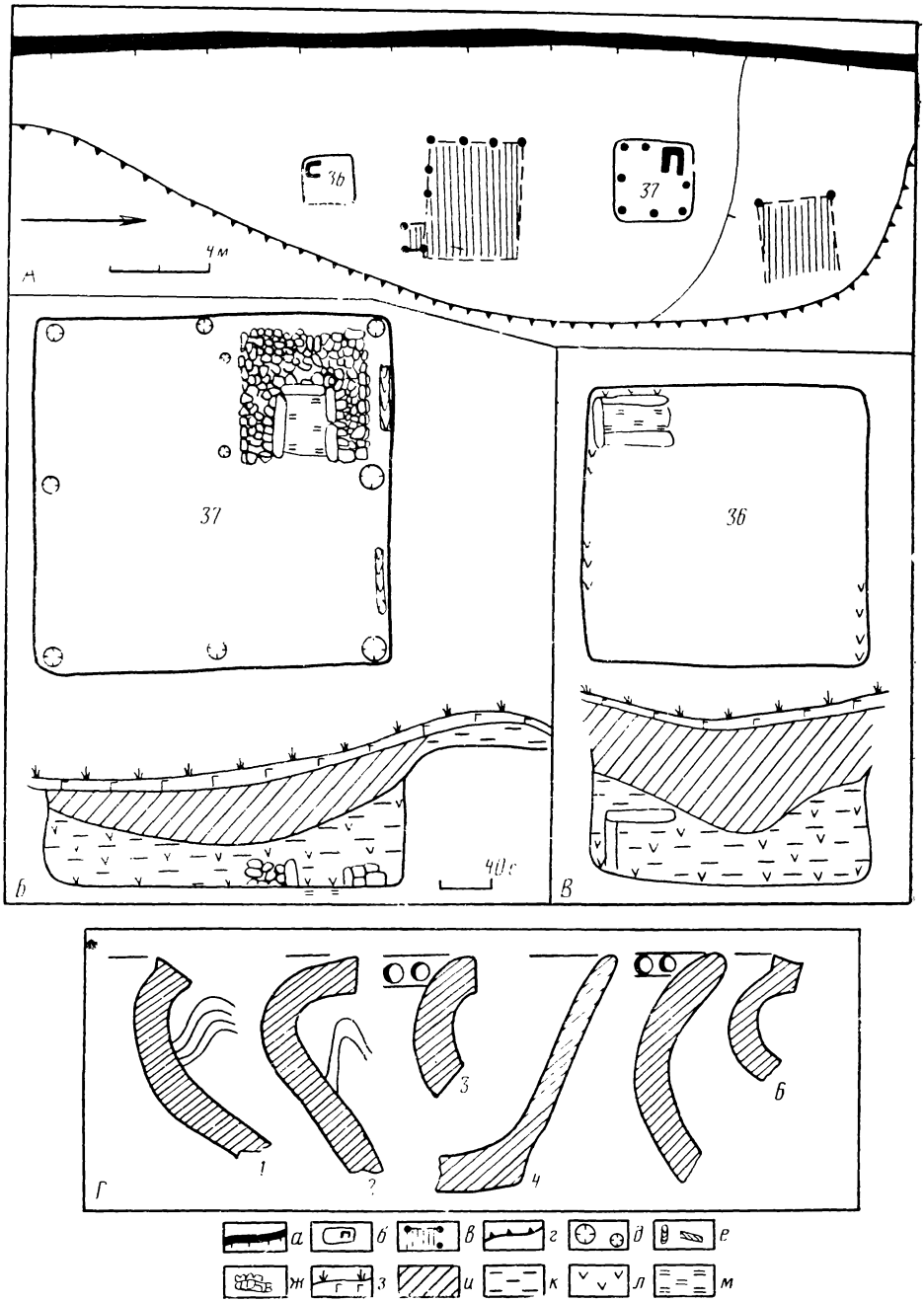
Вторая хозяйственная постройка раскопанной усадьбы располагалась на север от жилища 37, на террасе, расположенной несколько ниже основной площадки. Постройка была наземной, прямоугольной (размерами 4,7×4 м) со стенами столбовой конструкции. Но простенки постройки были не бревенчатые, как в первой хозяйственной постройке, а сделаны из плетня, обмазанного глиной. К тому же на утрамбованном полу лежал слой перегноя. По всей вероятности, это был хлев. Именно для построек такого типа, как уже отмечалось, характерна плетнево-столбовая конструкция стен. Усадьба с амбаром и хлевом принадлежала земледельцу.

Приблизительно такой же структуры усадьба X в. раскопана на селище-спутнике княжеской крепости в Теребовле. В состав этой усадьбы входили: 1) жилище-землянка размерами 3,2×3,2 м, опущенная в материк на 1,4 м, с печью-каменкой и стенами столбовой конструкции; 2) углубленная постройка-хранилище, в которой находились хозяйственные ямы (яма-погреб, зерновая яма и др.). Под это хранилище было приспособлено более раннее заброшенное жилище; 3) две наземные постройки (хлева) размерами 2,5×2 м и 3×2,7 м. Их стены имели плетнево-столбовую конструкцию. Зерновая яма в хранилище и хлева позволяют утверждать, что усадьба также принадлежала владельцу, основным занятием которого было сельское хозяйство.

Кроме земледельцев, на селищах-спутниках княжеских крепостей жили и работали ремесленники. Об этом свидетельствуют, например, раскопанные на селище-спутнике княжеской крепости в Ревне ремесленные мастерские. Они находились в помещениях срубов, входивших в конструкцию дополнительной оборонительной линии. Например, ремесленная мастерская в восточной части внешней дополнительной оборонительной линии находилась в помещении сруба-опоры размерами 3,2× ×3,2 м, опущенного в материк на глубину 0,9 м. В центре помещения были устроены хорошо сохранившаяся каменная рабочая площадка и возле нее очаг. На каменной площадке лежало много железных шлаков. Вторая ремесленная мастерская также была устроена в помещении сруба-опоры внешней дополнительной оборонительной линии крепости (рис. 37, *Б*). В ней также находились прямоугольная каменная рабочая площадка и очаг. В центре мастерской размещалась прямоугольная яма (1,7×1,2 м) глубиной 0,2 м, стенки которой были обшиты деревом.

Расположение ремесленных мастерских в срубах оборонительной линии указывает на определенную зависимость ремесленников, работавших в этих мастерских, от тех, кто был владельцем этих оборонительных линий, т. е. от военно-служилой знати, жившей в княжеской крепости.

Общая схема укрепленных линий княжеской крепости в Ревно показывает, что дополнительные оборонительные линии были подчинены общим задачам обороны крепости. Следовательно, они были построены по инициа-


А
4 м
36
37
37
36
Б
В
1 м
Г
1
2
3
4
5
6
а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м

тиве княжеских властей, но силами зависимого населения. Вместе с тем обращает на себя внимание и то, что дополнительные укрепленные линии проходят по территории селища-спутника княжеской крепости. Жилища селища располагались как с внутренней, так и с внешней стороны этих линий, которые, таким образом, ограждали лишь незначительную часть селища-спутника.

Такое расположение укреплений становится понятным, если допустить, что население селища-спутника выполняло обязанности по охране и ремонту укреплений. Это вызывалось и тем, что протяженность всех укрепленных линий княжеской крепости была значительной (более 5 км) и надежно охранять их силами небольшого количества профессиональных воинов-дружинников было невозможно. При такой ситуации обязанности по защите дополнительных укрепленных линий княжеской крепости могли возлагаться на население зависимой общины. Обращает на себя внимание тот факт, что дополнительные укрепленные линии княжеской крепости были построены в традициях оборонительного зодчества общинных центров. Основой их конструкции были деревянные стены из горизонтально положенных бревен и закрепленных отдельно расположенными срубами-опорами (конструкция типа «столпие»). В то же время основой конструкции главной оборонительной линии княжеской крепости был вал-платформа, на гребне которого находилась сплошная линия оборонительных срубов, что типично для такого рода сооружений. По-видимому, дополнительные укрепленные линии княжеской крепости были сооружены зависимыми общинниками в традициях оборонительного зодчества общинных центров [2].

Таким образом, характер укрепленных линий и их расположение позволяют утверждать, что одной из форм феодальных повинностей, возлагавшихся на жителей селища-спутника, были работы, связанные со строительством, охраной и ремонтом укрепленных линий княжеской крепости.

Археологические материалы позволяют поставить вопрос и о других формах зависимости населения селища-спутника от княжеско-дружинной знати крепости. Здесь прежде всего вызывает интерес длинный дом 1, помещение которого использовалось для массовой выпечки хлеба — основного продукта питания населения древней Руси (рис. 38, *Б*). Вероятно, здесь постоянно действовала общественная пекарня, удовлетворявшая потребности в хлебе не только общины (например, здесь мог выпекаться хлеб для общественных пиршеств), но главным образом военного гарнизона крепости. Перечисляя продукты, шедшие вирнику (сборщику судебных штрафов), «Русская Правда» говорит: «. .а хлебов семь на неделю». Вирник — один из представителей княжеско-дружинной знати. Снабжение военного гарнизона хлебом — это одна из форм кормления—содержания княжеско-дружинной знати за счет местного населения [3].

Рис. 39. Усадьба X в. на селище-спутнике княжеской крепости в Ревно

А, Б, В — планы и профили жилищ; *Г* — керамика из жилищ: *а* — вал IX в.; *б* — углубленная постройка; *в* — наземная хозяйственная постройка; *г* — крутой склон; *д* — столбовые ямы; *е* — обгоревшее дерево; *ж* — камни; *з* — гумус; *и* — серая земля; *к* — глина; *л* — угли; *м* — обожженная глина

Жители селища-спутника удовлетворяли и другие нужды военного гарнизона крепости, прежде всего снабжали его необходимыми ремесленными изделиями. Этим можно объяснить тот факт, что, невзирая на наличие рядом с княжеской крепостью отдельного ремесленного поселения-посада (Ревно II), на селище-спутнике также функционировали ремесленные мастерские, которые по конструкции и наличию каменных рабочих площадок не отличались от таких же ремесленных мастерских посада. Таким образом, военный гарнизон крепости имел в своем распоряжении зависимых ремесленников и благодаря этому сам не зависел от рынка [4].

Археологические материалы в определенной степени подтверждают вывод Б. Д. Грекова и других исследователей, основанный на анализе письменных источников, о том, что челядь (этот термин употребляется в понятии совокупности феодально-зависимых людей) была «обязанной их (военно-феодальную знать. — *Б. Т.*) кормить, обувать, одевать, а в случае необходимости и защищать» [5].

На юг от Ревнянской крепости, на высоком плато между реками Лищик и Ревняк находится ровный участок земли площадью более 40 га, который в древности использовался под пашню. Земля, расположенная рядом с княжеской крепостью, являлась ее составной частью, находилась во владении, по-видимому, княжеско-дружинной знати крепости. Но знать в X в. не могла быть частным владельцем пахотных земель. Исследователи княжеских владений X—XI вв. утверждают, что в это время еще «не было четкого отделения государственного от личного, княжеского, доминиального» [6], что для этого периода еще «рано говорить об оседании на землю княжеских дружинников и превращении их в феодалов. Они, видимо, оставались пока на положении кормленщиков» [7]. Военно-служилая знать в это время была не частным, а корпоративным собственником таких земель [8].

В археологических материалах Ревнянской крепости нет данных, указывающих на связь обитателей крепости с земледелием. Военные, жившие в крепости, кроме своих непосредственных, военно-административных обязанностей, занимались, как показано выше, ремеслом и, возможно, торговлей (в крепости найдена импортная керамика). Таким образом, нет данных, свидетельствующих о том, что землю возле крепости обрабатывали военные, жившие в крепости. По-видимому, пахотной землей возле крепости военно-дружинная знать пользовалась сообща, была ее коллективным владельцем, но не была ее частным собственником. При таких обстоятельствах пахотную землю возле княжеской крепости могли обрабатывать земледельцы, жившие в княжеских селах (селищах-спутниках).

Земледельцы селища-спутника в Ревне, как показано выше, владели скотом, который мог быть использован на полевых работах, имели в своих дворах амбары для хранения зерна. Они, вероятно, являлись временными держателями пахотной земли, принадлежавшей княжеской крепости. Некоторым подтверждением предположения может быть древняя дорога, которая хорошо сохранилась в лесу. Она начинается на территории селища-спутника, пересекает внешнюю оборонительную линию и в обход крепости идет в сторону пахотных земель. Дорога указывает на связь селища-спутника с пахотными землями возле княжеской крепости.

Характеристику положения жителей селищ-спутников княжеских

крепостей можно было бы значительно расширить, если бы представилась возможность связать их с той или иной категорией феодально-зависимого населения, известного по письменным источникам. «Русская Правда» называет три категории лиц, которые своим трудом обслуживали военно-феодальную знать: рядовичей, смердов и холопов. Первые из них были лично зависимы по договорам («ряду»). Но они могли жить за пределами княжеских сел (селищ-спутников). Холопы — это рабы. Основная масса жителей селища-спутника не могла быть рабами, так как они не могли иметь общинных домов, которые обнаружены в Ревне. Ближе всего формы зависимости земледельцев селищ-спутников княжеских крепостей, выясненные по археологическим данным, совпадают с формами зависимости такой категории древнерусского населения, как княжеские смерды.

Смерды по письменным источникам принадлежали к категории зависимого населения, которое имело свое хозяйство (коня, гумно и другое «имение»), владело необходимыми для земледелия средствами производства («ролью»-полем, орудиями производства), жили в княжеских селах (а не в княжеских дворах), выполняли различные повинности («уроки смердам»), княжеские власти ими распоряжались по своему усмотрению (смерды, например, в любое время могли пополнить как рядовые воины княжеское войско), ими управляли особые старосты [9].

На территории селищ-спутников княжеских крепостей жили, как уже отмечалось, кроме земледельцев и ремесленники. Вполне возможно, что первых из них называли смердами и этим отличали их от других групп зависимого населения одного и того же поселения. Термин «смерды» не мог сложиться в свободной общине и мог появиться, на наш взгляд, в процессе формирования феодально-зависимых княжеских сел.

Возникает вопрос, каким образом сформировались первые селища-спутники княжеских крепостей? Ведь не по доброй воле жители этих сел устраивали свои жилища на высоком мысу, далеко от воды и других удобств, попадая в зависимость от княжеско-дружинной знати. Сначала обратим внимание на то, что население исследованных селищ-спутников княжеских крепостей было восточнославянским. Об этом свидетельствуют найденные на их территории керамические комплексы типа Луки Райковецкой и углубленные жилища с печами-каменками, которые являются характерными археологическими признаками культуры восточных славян.

Восточнославянское население могло попасть в зависимость от княжеско-дружинной знати в процессе «окняжения» той или иной территории, который сопровождался ликвидацией общинных центров. Методы ликвидации общинных центров в «Повести временных лет» описаны под 946. Грады древлян во время их покорения Ольгой были сожжены, при этом общинная верхушка, свидетельствует летопись, уничтожена, часть ее была захвачена в плен и «работе предасть мужем своим» [10]. «Работа» — это принудительный труд на землях, которыми в то время распоряжались княжеские дружинники [11]. Основная же масса населения покоренных древлян оставалась на месте для оплаты дани.

О массовой ликвидации общинных центров в переходный период от первобытности к классовому обществу свидетельствуют и археологи-

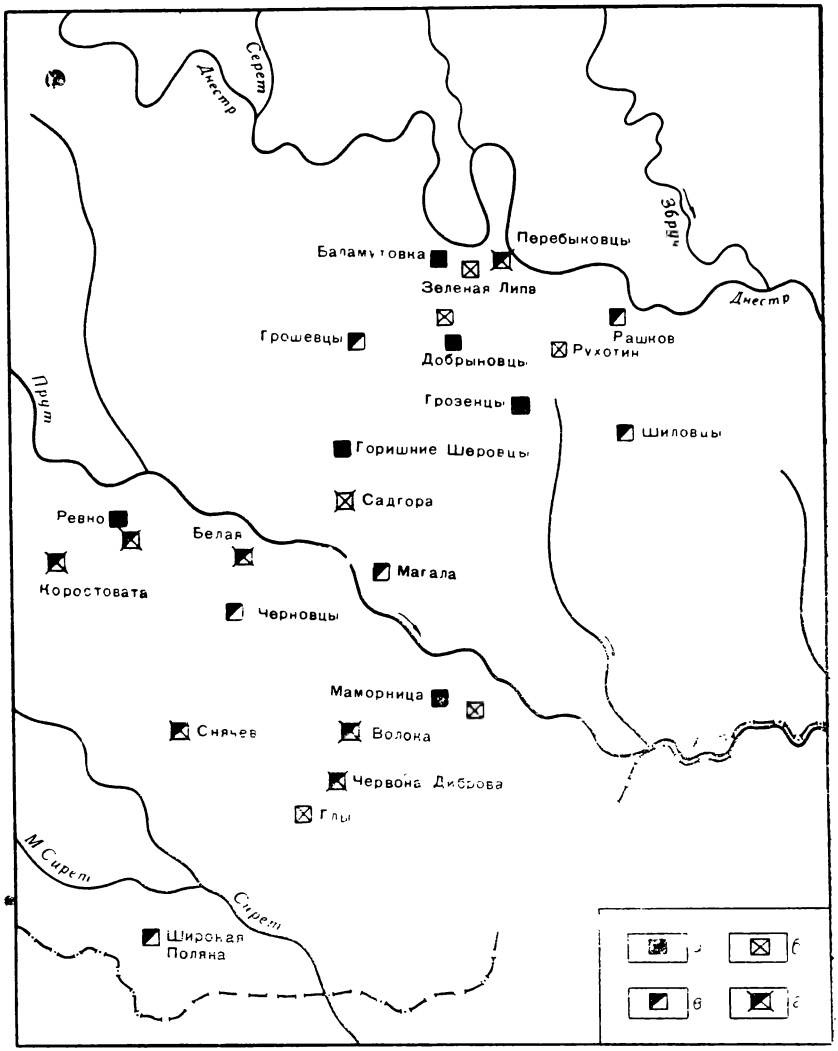


Рис. 40. Городища-общинные центры рубежа IX—X вв.

а — административно-хозяйственный центр; *б* — убежище; *в* — святилище; *г* — общинные центры, сожженные около рубежа IX—X вв.

ческие материалы. Из 25 городищ — общинных центров, исследованных на Буковине, следы пожаров, уничтоживших укрепления и жилища воинов-земледельцев, зафиксированы в 8 случаях (рис. 40). Ликвидация этих общинных центров проходила приблизительно в одно и то же время: в конце IX—начале X в.

Хотя укрепления общинных центров и были сожжены, но на их территории за редким исключением нет явно выраженных следов военного

разгрома, т. е. эти укрепления тогда не были использованы для обороны от внешних вторжений. При ликвидации общинных центров их жители имели возможность унести с собой наиболее ценные вещи. На это впервые обратили внимание исследователи Большого Боршевского городища: «Поселение еще перед пожаром было покинуто жителями, успевшими унести с собой наиболее ценный и бытовой инвентарь. Оставлено было лишь то, что невозможно было взять, а именно глиняная посуда, которая не выдержала бы дороги и тяжелые вещи, жернова и точильные камни» [12].

Обращает на себя внимание, что одновременно со строительством княжеской крепости в Ревно (рубеж IX—X вв.) были сожжены все ближайшие общинные убежища: в Белой, Коростоватой, Червоной Диброве, Верхних Становцах, Волоке, Новой Жучке (Черновцы). При ликвидации общинного убежища в Белой (оно расположено в 5 км от Ревно) пожаром были охвачены не только укрепления, но и жилища воинов-земледельцев. В раскопанных здесь полуземляночных жилищах найдены целые глиняные сосуды. Такая же картина наблюдается и на других ликвидированных в это время общинных центрах.

Во время ликвидации убежища IX в. в Ревне пожаром были охвачены все жилища воинов-земледельцев. В них найдены раздавленные глиняные горшки. В двух жилищах, которые заброшены раньше пожара, на полу не найдено никаких предметов, только в заполнении их котлованов много обломков глиняной посуды и костей животных, которые попали сюда вместе с выброшенным мусором. Важно подчеркнуть, что в конце IX в. ликвидирован лишь общинный центр с его селищем-спутником. Остальные поселения Ревнянского гнезда продолжали функционировать в X в.

Процессом ликвидации общинных центров в связи с «окняжением» (государственным освоением территории) были охвачены, по-видимому, все земли Руси. С этим явлением следует связать, например, прекращение жизни в X в. на многих общинных центрах роменской культуры [13]. Но этот процесс специально еще не изучался.

Итак, характерными особенностями процесса ликвидации общинных интересов в связи с «окняжением» является то, что, во-первых, здесь, как правило, отсутствуют следы внешнего военного нашествия (не встречаются, например, скелеты людей), во-вторых, уничтожались лишь общинные центры с поселками воинов-земледельцев, а другие поселения общин разрушением не были охвачены и, в-третьих, процесс сопровождался строительством опорных пунктов государственной власти — княжеских крепостей.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в процессе ликвидации общинных создавались феодальные центры. Так, на месте сожженных деревянных оборонительных стен общинного центра-убежища в Ломачинцах на Буковине около рубежа IX—X вв. была построена княжеская крепость. Такая же ситуация зафиксирована во время исследований в Витебске [14], Полоцке [15], Калфе [16] и других местах. Г. В. Штыхов пришел к заключению, что городища-убежища на территории Белоруссии теряют свое значение с возникновением государственных образований [17]. И. В. Дубов на основании изучения поселений Северо-Восточной Руси пишет: «В конце X—начале XI в. обе категории раннегородских образо-

ваний (протогорода и племенные центры) начинают терять свое значение и постепенно вытесняются с исторической арены подлинными городами — центрами административной и духовной власти, ремесла и торговли» [18].

К такому же выводу пришел К. М. Плоткин, который основывается на материалах Пскова и его окрестностей. Он пишет: «Превращение Пскова в древнерусский город сопровождается затуханием жизни на городище Камно и в центре Лыбутского микрорайона. Источников, сообщающих о причинах этих процессов, нет. Вероятно, они связаны с событиями второй половины IX—X в., когда по мере становления древнерусской государственности старые родовые и племенные центры гибнут, часто преобразуются в новые древнерусские города» [19].

Хронология процесса ликвидации общинных центров и строительства вместо них феодальных центров на территории всей Руси еще не разработана. Все же приведенные выше примеры говорят о том, что на разных территориях Руси этот процесс проходил не в одно и то же время. Материалы лучше изученных в археологическом отношении районов показывают, что время массовой ликвидации общинных центров и время строительства первых государственных крепостей совпадает. Это важное свидетельство того, что, во-первых, община, отражая напор со стороны княжеской власти, опиралась на укрепления своих общинных центров, во-вторых, общинные центры разрушались силой местной военно-дружинной знати [20]. В противном случае, если бы они были сожжены во время вражеского набега, то были бы в какой-то мере восстановлены как прежние укрепленные пункты общин.

Конечно, уничтожались укрепления тех общинных центров, которые оказывали сопротивление княжеским властям. Другие общинные центры прекращали свое существование постепенно, так как отжили свой век. Общинная знать последних могла переходить на сторону княжеско-дружинной знати, которая в этом была заинтересована. Местная знать (воины-земледельцы) имела опыт в ведении общественных дел, ей подчинялось местное население, и с ее помощью легче было укреплять княжескую власть на местах.

Итак, конкретные археологические материалы и свидетельства письменных источников позволяют сделать вывод о том, что часть местного (восточнославянского) населения попадала в зависимость от княжеско-дружинной знати в процессе ликвидации общинных центров. Конечно, в такую зависимость население попадало и по другим причинам. Но в ранний период строительства княжеских крепостей основную массу зависимого восточнославянского населения составляли те жители, которые оказали сопротивление приходу новых феодальных порядков и попадали в зависимость как пленные, но были наделены землей и эксплуатировались как крестьяне. Зависимое население жило отдельными поселениями (они в летописях упоминаются как княжеские села), которые чаще всего располагались вблизи княжеских крепостей, и на их территории сохранялись по традиции общинные порядки.

Феодально-зависимая община раннего феодализма привлекла к себе внимание при исследовании княжеских (государственных) крепостей. Исследование этой общины только началось, и в настоящее время можно сделать лишь предварительные выводы об этой социальной структуре.

Феодально-зависимая община X в. известна по археологическим материалам селищ-спутников княжеских крепостей, входила в состав такого социального организма, как княжеская крепость, и представляла собой производственный центр этого организма. Хозяйственная деятельность общины была подчинена интересам феодального центра. Ее члены обязаны были строить, ремонтировать и охранять укрепления крепости, снабжать гарнизон этой крепости продуктами питания и ремесленными изделиями, выполнять другие повинности. В состав общины входили полусвободные земледельцы (по-видимому, смерды) и ремесленники (возможно, челядники), которые по традиции сохраняли общинные отношения, о чем свидетельствуют длинные дома-контины, открытые на территории селищ-спутников княжеских крепостей. Члены этой общины вели индивидуальные хозяйства и были не собственниками, а держателями земли.

Крестьянская община-вервь

В период раннего феодализма крестьянские общины-верви оставались наиболее массовыми социальными структурами. О них имеются, хотя отрывочные, но ценные известия в статьях древнейшей части «Русской Правды». Развернутая интерпретация известий в свете исторических, этнографических, археологических и других материалов дана во многих работах [21]. Анализ литературы и источников, касающихся древнерусской верви, позволяет сделать следующие выводы об основных чертах крестьянской общины-верви раннего феодализма. 1. Община представляла собой территориальное объединение непосредственных производителей-земледельцев, ведущих индивидуальное хозяйство. Это были крестьяне, еще «не попавшие в частновладельческую зависимость и подчиненные только государству» [22]. Община несла ответственность перед княжескими властями за выполнение государственных повинностей и податей.

2. Пахотная земля общины-верви находилась во владении крестьян-собственников и передавалась по наследству. Община удерживала право пользования неразделенными землями (лесами, пастбищами, водоемами), сохраняла право общего собственника на всю, включая и пахотную, землю.

3. Община-вервь как форма соседской общины сложилась на основе земледельческой (соседско-большесемейной) общины и во многом повторяла свой прототип. Она обладала самоуправлением, избирала свои органы управления, имела свой общинный суд. В общине еще сохранялась круговая порука, каждый из ее членов участвовал в создании общественного фонда и мог получить от общины материальную помощь. Из общественного фонда община выплачивала дикую виру, т. е. коллективно отвечала за преступления на своей территории. Члены общины были еще связаны друг с другом узами родства и обычаями взаимной помощи. Они сообща отмечали праздники, исполняли обряды и т. п.

4. Крестьянская община-вервь постепенно теряла свою самостоятельность. Обороняясь от натиска государственных (княжеских) властей, она начиная со второй половины XI в. попадала в зависимость от феодалов-вотчинников. Ее члены из собственников превращались в держателей

земли. Этот процесс становится массовым с началом развитого феодализма.

Таким образом, основные черты крестьянской общины-верви определены. Но многие вопросы, касающиеся этой структуры, остаются дискуссионными или из-за отсутствия документов еще не решены, либо слабо конкретизированы. Археологические материалы для изучения общины-верви X—XI вв. привлекаются еще недостаточно, так как специальные исследования в этом направлении почти не проводились. В настоящее время можно остановиться лишь на некоторых археологических материалах, позволяющих несколько конкретизировать характеристику крестьянской общины-верви X—XI вв.

Целенаправленное археологическое изучение гнезда-общины X—XI вв. проведено у с. Коростовата (см. приложение). Это гнездо расположено в бассейне р. Коростовата (правого притока Прута) (рис. 11, *А*). Оно занимает территорию размерами приблизительно 8×6 км. Время функционирования славянских поселений в бассейне Коростоватой укладывается в хронологические рамки от середины I тысячелетия н. э. и до рубежа XI—XII вв. В VI—VII вв. здесь находилось лишь одно поселение культуры пражского типа. Оно располагалось в северной части села, на первой надпойменной террасе левого берега р. Коростовата, в ее устье, в урочище Вывиз (рис. 11, *б*).

В VIII—IX вв. поселение Вывиз уже не существовало, но в средней части р. Коростовата обнаружено селище типа Луки Райковецкой, которое функционировало в VIII—X вв. (рис. 11, *4*). Оно занимало большую территорию (приблизительно 200×250 м) на левом берегу реки. На этом селище раскопана полуземлянка с печью-каменкой (IX в.) и в стенках оврагов и на вспаханном поле обнаружено более десяти разрушенных печей-каменок вместе с лепной и гончарной керамикой типа Луки Райковецкой.

В IX в. в бассейне р. Коростовата появляются новые славянские поселения, а на высоком мысу Замчище, на месте городища раннежелезного века в это время было построено убежище (рис. 11, *1*). Основу его главной укрепленной линии составляла, как показали раскопки, деревянная стена из горизонтально уложенных бревен, закрепленных столбами-стоянками. С внешней стороны стена была усилена глиняным откосом с каменной сердцевиной, а с внутренней — длинными домами шириной около 4 м. Стены домов были сделаны из плетня, обмазанного глиной. Возле убежища находилось синхронное ему поселение.

В конце IX—начале X в. деревянные укрепления убежища были сожжены, и на их место насыпан вал-платформа высотой до 0,5 м, на вершине которого были поставлены оборонительные пустотелые срубы шириной 3 м. С внешней стороны срубы были усилены откосами с каменной сердцевиной, а их внешние стены обмазаны толстым слоем глины. С внутренней стороны к оборонительным срубам, по-видимому, примыкали жилищно-хозяйственные постройки, но их остатки почти полностью уничтожены при сооружении в позднем средневековье внутреннего рва.

Городище X—XI вв. в Коростоватой имело сложную систему укреплений. Его ограждали, кроме главной, дополнительные оборонительные линии. Конструкция и система оборонительных линий позволяют отнести его к городищам-княжеским крепостям. Рядом с городищем находится

селище X—XI вв., являющееся его спутником. Западины-жилища селища располагаются со всех сторон городища не только на ровных горизонтальных площадках, но и на склонах мыса, часто на значительном расстоянии от городища.

Западины-жилища на склонах мыса располагаются отдельными небольшими группами (по две—четыре западины в каждой из них). Более компактно они сосредоточены на высокой террасе правого берега р. Владична, у городища (рис. 11, *Б*). Здесь сохранилось около 60 западин-жилищ. Одна из них раскопана. В котловане глубиной 1 м находились остатки сгоревшего сруба размерами 3,3×3,2 м, в юго-восточном углу которого располагалась печь-каменка. На полу жилища найдена керамика XI в.

Археологические данные позволяют утверждать, что в это же время (X—XI вв.) в верхней части бассейна р. Коростоватой отдельно от княжеского комплекса располагались поселения, составлявшие крестьянскую общину-вервь. К этим археологическим данным относится прежде всего оборонительная линия в виде длинного вала со рвом, расположенная в 450 м от городища Замчище, которая отгораживает земли средней части бассейна р. Коростоватой (земли, по-видимому, принадлежали княжеской крепости) от земель верхней части бассейна этой же реки, где располагается отдельное гнездо поселений X—XI вв. в урочище Равнина (рис. 11, *А*).

Укрепленная линия — ограждение земель княжеской крепости состоит из вала высотой 0,6 м, шириной 2,5 м и рва шириной 2 м. В глиняной насыпи вала не обнаружено никаких деревянных конструкций. Это дугообразная линия укреплений, расположенная между двумя реками, острием своей обороны направлена в сторону гнезда поселений в урочище Равнина. Это подтверждается не только размещением рва с внешней по отношению к княжеской крепости стороны вала, но и расположением с внутренней стороны вала четырех жилищ (от них сохранились западины), в которых могла жить стража.

Наличие укрепленной линии — ограждения земель княжеской крепости позволяет предположить, что непосредственная власть крепости не распространялась на гнездо-общину в урочище Равнина, т. е. жители гнезда составляли свободную крестьянскую общину-вервь. Предположение подтверждается и характером структуры гнезда-общины в урочище Равнина. В его состав входят городище-убежище и четыре селища (см. приложение). Городище находится приблизительно в центре гнезда поселений. Оно расположено на мысу высотой до 20 см и с напольной стороны ограждено двумя земляными валами и рвами (рис. 41, *А*). При въезде на городище, с напольной его стороны сохранились два кургана высотой 0,5 м, диаметром 6 м. Возможно, эти курганы как могилы предков являлись знаком права собственности общины на владения землями своих предков. На укрепленной площадке городища не обнаружено культурного слоя, здесь нет следов длинных домов, т. е. убежище не использовалось по своему прямому назначению.

Скорее всего, оно служило символом независимости общины-верви, ее сплоченности и единства.

Рядом с городищем, на том же мысу, но ниже, на первой надпойменной террасе реки, сохранилось девять западин-жилищ X—XI вв., которые

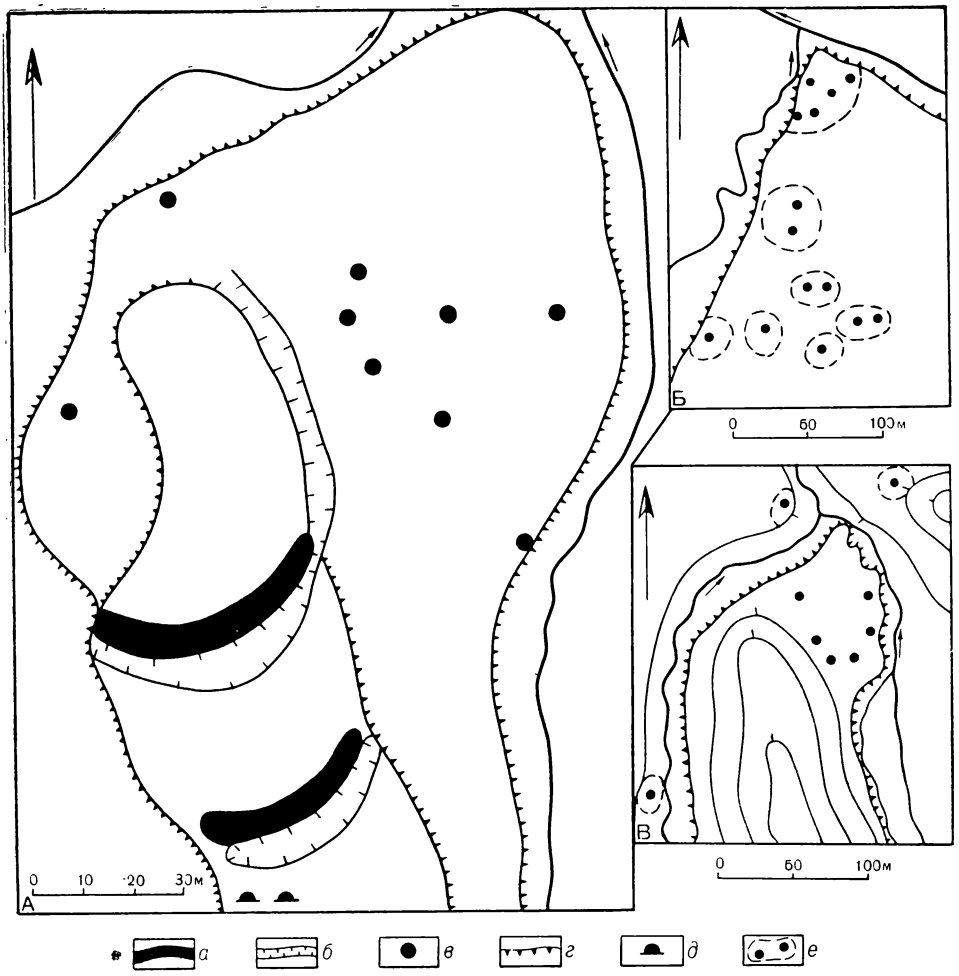


Рис. 41. Городище (А) и селища (Б, В) X—XI вв. в уроч. Равнина (Коростовата)
а — вал; *б* — ров; *в* — западина-жилище; *г* — крутой склон; *д* — курган; -- группа западин-жилищ

окружают городище с трех, более доступных сторон. Возможно, в обязанность жителей этого поселка входило символически охранять свой общинный центр.

На селищах гнезда-общины в уроч. Равнина, которые расположены в лесу, хорошо сохранились западины-жилища. При их обследовании не обнаружено за исключением одного случая площадок-дворов. Западины-жилища располагаются отдельными небольшими группами (рис. 41, *Б*), которые, согласно социальной типологии, принадлежали малым семьям. Это археологическое свидетельство того, что общины-верви X—XI вв. являлись союзом малых индивидуальных семей.

Особый интерес представляют западины-жилища, расположенные выше по течению реки от городища Равнина, на обоих берегах р. Солонец. Высокие берега этой реки в нескольких метрах отступают от русла, образуя широкие надпойменные террасы-площадки. На каждой из этих площадок (здесь их насчитывается около 10) находится по одной западине-жилищу. На одной из таких террас-площадок проведены раскопки и обнаружены остатки двора размерами 30×15 м [23]. В северо-восточном углу этого двора, в подножии холма, находилось полуземляночное жилище (3,2×3,2 м) с печью-каменкой и стенами столбовой конструкции. С севера к жилищу примыкала наземная деревянная постройка столбовой конструкции (3,2×2,5 м). На территории двора-усадьбы обнаружены остатки еще шести наземных построек столбовой конструкции. Среди них есть остатки амбара и хлевов. Такое количество хозяйственных построек позволяет утверждать, что эта усадьба принадлежала зажиточному крестьянину, который имел возможность очистить от леса незанятый участок, завести свое хозяйство и со временем превратиться в мелкого вотчинника. Следовательно, процесс дифференциации крестьянских хозяйств в X—XI вв. шел полным ходом.

Таким образом, археологические исследования в Коростоватой показали, что в IX в. здесь существовали поселения, входившие в состав земледельческой (соседско-большесемейной) общины. Центром этой общины было городище-убежище в уроч. Замчище. Около рубежа IX—X вв. общинный центр был ликвидирован, и в бассейне р. Коростоватой возникли две отдельные социальные структуры: 1) княжеская крепость с окружающими и зависящими от нее поселениями и 2) крестьянская община-вервь. Первая из них владела лучшими в этой местности пахотными землями, а поселения крестьянской общины размещались в окружении высоких холмов, где мало удобных для земледелия площадей. Обе структуры (княжеская крепость и община-вервь) прекратили свое существование около рубежа XI—XII вв., и здесь жизнь не возобновлялась вплоть до XIX в.

Археологические материалы подтверждают тезис о том, что общины-верви X—XI вв. объединяли в основном крестьян, которые вели индивидуальное хозяйство. В общинах шел процесс социальной и имущественной дифференциации крестьянских хозяйств. Частновладельческие вотчины в это время еще не существовали. Известно, что с появлением таких вотчин в сельской местности начали строить укрепленные усадьбы-феодальные замки. Исследовав сельские поселения древнерусского времени в бассейне верхнего Днепра, В. В. Седов пришел к выводу, что первые феодальные замки на этой территории появились не ранее конца XI в.[24]

На территории Украинского Прикарпатья наиболее древнее городище — феодальный замок обнаружено на Среднем Днестре, у с. Рухотин Хотинского района Черновицкой области (рис. 42, *Д*). Оно расположено на мысу высотой 15 м в урочище Батарея и окружено кольцевым валом, при прорезке которого обнаружены остатки срубов. На укрепленной площадке (ее диаметр 40 м) сохранились западины-погреба, входившие в конструкцию наземных деревянных построек. Возле городища, на мысу и на первой надпойменной террасе реки обнаружены синхронные селища. Коллекция керамики из городища и селищ относится ко второй поло-

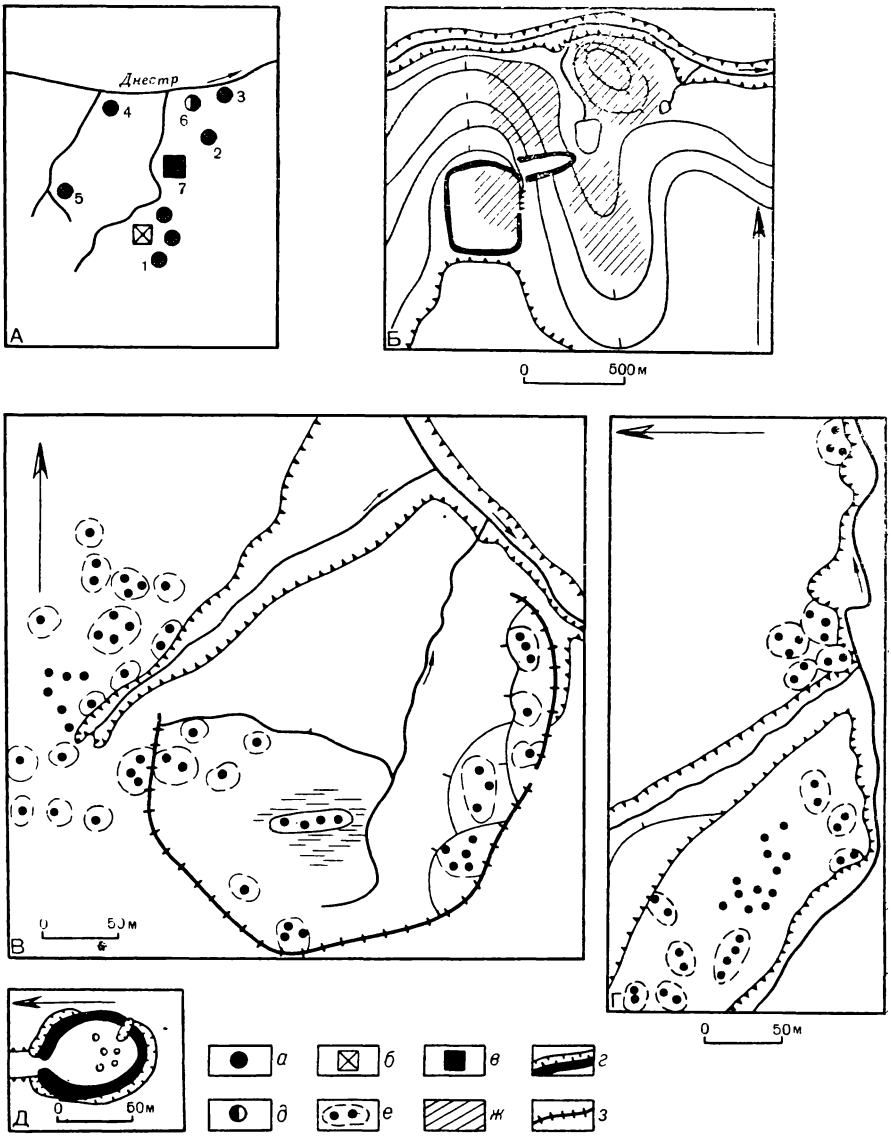


Рис. 42. Рухотинское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — городище и селище Замчище; *В* (*2*) — селище VIII—X вв. Старые скалы; *Г* (*5*) — селище Гринячка; *Д* (*7*) — городище Батареи; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — городище-святилище; *в* — городище XI в.; *г* — вал и ров; *д* — селище VI—VII вв.; *е* — группы западин-жилищ; *ж* — территория селища; *з* — вал раннежелезного века

вине XI в. Следовательно, пока нет оснований относить появление частновладельческих крупных вотчин к более раннему времени, чем вторая половина XI в. Крестьянские общины-верви раннего феодализма могли подчиняться только государству через княжеские крепости.

Итак, археологические исследования в Коростоватой, хотя и недостаточны для обобщений (для этого нужен массовый материал), показали перспективность изучения крестьянской общины-верви по археологическим данным. Эти исследования подтвердили названные выше выводы о том, что крестьянская община-вервь как самостоятельная структура сложилась вследствие расслоения земледельческой (соседско-большесемейной) общины, что община-вервь X—XI вв. объединяла в основном индивидуальные крестьянские хозяйства.

Городская (посадская) община

В социально-экономической структуре древнерусского города важное место принадлежит посадской общине как форме социальной организации свободного торгово-ремесленного населения [25]. Но из-за отсутствия соответствующего документального материала эта социальная единица еще не была предметом специального исследования. Археологи, проводя огромную работу по изучению торгово-ремесленной деятельности городского населения, мало уделяли внимания тем археологическим материалам, в которых нашли свое отражение формы социальной организации свободных ремесел и торговли. К тому же, до сих пор ни один посад древнерусского города не раскопан даже в большей своей части. Поэтому проблема посадской общины по археологическим данным может быть рассмотрена лишь в порядке постановки вопроса.

Рассмотрение поставленной здесь проблемы требует прежде всего определения археологических признаков посада-общины. Эти признаки могут быть выделены на основе единых критериев сравнительной типологии древнерусских памятников, о которых уже шла речь выше. Посады характеризуются следующими археологическими признаками: 1) древнерусские посады X—XI вв., как правило, были укреплены и имели свои линии обороны; 2) территория посада была густо застроена, имела уличноусадебную планировку и центральную торговую площадь; 3) посад находится около детинца и к нему примыкают пригородные поселения [26]. От других социальных структур городской посад отличается прежде всего тем, что он был основным в феодальной системе центром сосредоточения свободных ремесел и торговли. Для феодальных центров другого типа (княжеских крепостей и феодальных замков) свободные ремесла и торговля не характерны. В этих центрах ремесло всегда было зависимым от феодальных властей.

Относительная независимость посадского ремесла основана на том, что оно работало главным образом на рынок и обслуживало в основном сельскую округу и рядовых горожан, и в меньшей степени население феодального детинца. Это положение подтверждается конкретными археологическими материалами, в частности полученными при изучении раннефеодального города в Ревно.

Ремесло в Ревне было сосредоточено в двух пунктах: на посаде (городище Ревно II) и на поселении-спутнике княжеской крепости (городище Ревно I). В обоих этих пунктах раскопаны однотипные ремесленные мастерские с одинаковым оборудованием. Вероятно, потребности феодального центра — детинца города могли удовлетворяться главным образом изделиями зависимых ремесленников, мастерские которых располагались на селище-спутнике княжеской крепости. К тому же дружинники княжеских крепостей также занимались ремесленной деятельностью.

В таком случае основными потребителями ремесленной продукции посада были не жители княжеской крепости, а другие категории населения, и прежде всего земледельцы близлежащих сел. Крестьяне в X в., как было показано выше, были вполне способны оплатить необходимую им ремесленную продукцию за счет дополнительного продукта своего хозяйства. Таким образом, развитие посадского ремесла зависело не только от внутригородского рынка, но и от потребностей сельской округи.

Связи посадского ремесла с сельскохозяйственной округой подтверждаются и другими данными. М. Н. Тихомиров на основании изучения письменных источников пришел к выводу, что города возникали главным образом на плодородных землях, где был избыток сельскохозяйственных продуктов и существовала потребность в широком производстве сельскохозяйственных орудий [27]. О работе ремесленников посадов на рынок свидетельствует массовая и стандартная продукция городских ремесленников, распространявшаяся на обширной территории, занятой и сельским населением.

В условиях развития феодальных отношений относительная экономическая независимость ремесленников и торговцев, живших на посаде, могла сохраняться лишь при их достаточной сплоченности, при наличии их корпораций. Универсальными для феодализма, как известно, были объединения типа соседских общин, для которых характерны самоуправление, своя строго определенная территория, свои общинные порядки, обязательные для всех членов общины. Эти черты соседской общины, как покажем ниже, были свойственны и объединениям свободного посадского населения.

Один из важнейших признаков любой общины — ее самоуправление. Его имело и посадское население древнерусских городов. Об этом свидетельствуют вечевые порядки и наличие таких должностных лиц, как старейшины («старцы градские»), выборные посадники, соцкие и др. Власть посадских общин, несмотря на ограничения со стороны феодальных властей, была реальной и значительной. Посадские власти в годы княжеских усобиц сажали за княжеский стол своих кандидатов или, наоборот, отказывали некоторым из них. Летописи пестрят утверждениями такого рода: «. .послаша галичане по Ивана по Ростиславича в Звенигород и въведоша к себе в Галич» [28]; «смоляне не прияша черниговского князя Олега» [29]; «миняне не пожелавшие впустить Ярославичей» [30]; муромцы «прияша сына Изяслава» [31]; новгородцы «вече створиша изгнали Давида» [32] и т. д. Все это свидетельства того, что посажанами (их летописцы называют галичанами, черниговцами, смолянами и т. п.) управляла не княжеская, а вечевая власть.

Символом городского самоуправления была торгово-вечевая площадь,

располагавшаяся, как правило, на территории посада. Не случайно княжеские власти, ведя борьбу с городскими вольностями, делали попытку торг из посада перенести на территорию крепости-детинца, как это было в Киеве в 1069 г. («Изяславъ же възгна торг на гору» [33]), и таким образом поставить вече под свой непосредственный контроль.

Торгово-вечевые площади древнерусских городов еще плохо изучены археологически, обнаружены на территории лишь нескольких древнерусских городов. Главная вечевая площадь была объектом археологического исследования в Новгороде. Она была вымощена на толщину до 1 м аккуратно обрубленными коровьими челюстями. П. И. Засурцев предполагал, что «существовала, по-видимому, какая-то традиция, согласно которой сходившиеся на вече новгородцы несли с собой заранее заготовленные челюсти» [34]. Заслуживает внимания попытка определить размеры главной торговой площади Новгорода и на этой основе выяснить количество участников веча. В. Л. Янин пришел к выводу, что площадь не была слишком велика (ее размеры 30×60 м) и на ней могло поместиться 400—500 человек [35]. Вече в Ярославовом дворище было, по заключению этого же исследователя, не общим собранием всех свободных граждан, а сословным, представительным органом. Были в Новгороде еще уличанские и кончанские веча.

Власть посадской общины распространялась на население определенной территории города. В летописях эта территория под названием «подол», «острог», «торг», «окольный город», «место» упоминается как отдельная структурная часть города. Например: 1) «въеха в место, а в город нелзе бысть въехати» [36]; 2) «идяху к городу (Звенигороду) и пожгоша около его остръг» [37]; 3) «приходи рать литовская к можайску и пожгоша посад, а город не взяша» [38].

Застроенная территория посада была, как правило, укреплена, что также является свидетельством относительной самостоятельности его населения. В условиях феодальных усобиц, постоянной опасности военных нападений свободные ремесла и торговля могли развиваться лишь при наличии их надежной защиты. Именно потребность в такой защите была одной из важных причин того, что древнерусские посады располагались, как правило, рядом с крепостями-детинцами. Последние в случае военной угрозы могли принять под защиту своих стен население посада. Летописцы неоднократно отмечали, что при нападении врага посажане сжигали свои жилища, а сами перебирались в городскую крепость [39].

Система обороны торгово-ремесленного посада определялась не только его расположением у стен крепости, но главным образом наличием своих собственных укрепленных линий, ограждавших всю застроенную часть посада. Их строительство выполнялось не княжеской властью, а силами посажан [40]. Этим можно объяснить тот факт, что конструкции оборонительных линий посадов часто были выполнены в традициях оборонительного зодчества общинных центров и являлись более примитивными по сравнению с главными оборонительными линиями крепостей-детинцев. Например, посад на Киевском Подоле был огражден, как свидетельствует летопись, столпием [41], т. е. деревянными оборонительными стенами без применения валов-платформ. Оборонительными линиями такого типа ограждались, как показано выше, общинные центры IX в. (Добрыновцы,

Горишние Шеровцы). Организацию, часто и осуществление охраны укрепленных линий посада, община возлагала на своих членов.

Общинные порядки нашли свое отражение в характере застройки посадской территории. К характерным признакам застройки посада следует отнести прежде всего однотипность посадских усадеб как по составу построек, так и по размерам площади, занимаемой этими усадьбами. Усадьбы стабильной планировки исследовались в Киеве, Новгороде, Звенигороде (Львовская область) и других местах.

Раскопанные на Киевском Подоле усадьбы X—XI вв. площадью от 200 до 700 кв. м по характеру застройки оказались однотипными. На их территории находились срубные жилища, хлевы, амбары, мастерские и погреба [42]. «Небольшие размеры усадеб, — пишет П. П. Толочко, — а также относительная их однотипность указывают, видимо, на то, что складывались они в ту пору, когда застройка Киева уже регулировалась городскими властями» [43]. Добавим, что такими властями по отношению к Киевскому Подолу могла быть посадская община — основной распорядитель посадской земли.

Состав построек на усадьбах посажан определялся их хозяйственно-производственной деятельностью. Основная масса населения посадов, как известно, занималась торговлей и ремеслом. Но в условиях господства натурального хозяйства с его замкнутостью и слабым развитием обмена, что характерно для раннего феодализма, посажане не могли полностью положиться на рынок в обеспечении себя продуктами питания. Они вынуждены были заниматься также и сельским хозяйством, что нашло свое отражение в комплексе усадебных построек. В пределах каждой рядовой усадьбы на посаде, кроме жилищ, находились ремесленные мастерские, хлева, амбары. На организацию и единообразие этих усадеб влияло, главным образом, то, что посажане являлись членами общины, получали от нее землю для застройки в городе согласно установленным нормам, а также сельскохозяйственные угодья в пригородах, на территории, принадлежавшей городской общине.

Раскопанные на Торговой стороне в Новгороде рядовые усадьбы XI—XIII вв. оказались также стандартными как по величине (их площадь составляла 420—465 кв. м), так и по характеру застройки. Каждая усадьба Ильинского раскопа представляла собой вытянутый прямоугольник размерами 14—15×32 м, выходящий узкой торцовой стороной на улицу, и была ограждена частоколом. В состав этих усадеб, кроме жилого дома, входили амбар, хлев и баня. На территории некоторых усадеб обнаружены следы ювелирного ремесла [44]. Такая регулярная застройка могла проводиться под контролем городских властей и регламентировалась требованиями посадской общины.

Усадьбы стандартных размеров раскопаны на посаде летописного Звенигорода (упоминается с 1086 г.). Они располагаются вдоль мощеной деревом улицы. Каждая усадьба имела плетнево-столбовую ограду. В ее состав входили расположенные рядом с улицей жилища срубной или каркасно-столбовой конструкции (иногда двухъярусные), а в глубине двора — ремесленные мастерские и хлева [45].

Застройка посадов усадьбами, как показали раскопки, была плотной и компактной. Это определялось, во-первых, наличием оборонительной

линии, которая не позволяла постоянно расширять территорию посада, и, во-вторых, стремлением посажан иметь свою усадьбу поближе к торговой площади. Последняя оказывала значительное влияние на сложение уличной системы посада. Конечно, на сложение этой системы влияли и другие факторы, прежде всего реки, которые не только обеспечивали население водой, но и являлись важными транспортными артериями. Этим и объясняется тот факт, что посады обычно располагаются в низменной части города, у реки или другого водного источника.

Посадская община не только обладала самоуправлением, осуществляла контроль за использованием подвластных ей земель, но имела и другие социальные права и привилегии. К числу наиболее существенных из них относятся: право посадской общины иметь свою самостоятельную военную организацию и свой суд; право выбирать свои органы управления и участвовать в политической жизни города; иметь свободу экономической деятельности.

Структура посадской общины древнерусских городов, прежде всего крупных, была сложной. В ее состав входили разного рода профессионально-территориальные объединения. Письменные источники упоминают купеческое объединение. Ивановское сто, возникшее при церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде [46]. Археологические материалы позволяют несколько расширить наши знания об этих объединениях.

Территориальные объединения по археологическим данным изучаются в Новгороде. Выделены археологические признаки уличанских объединений-общин. Несколько таких уличанских объединений образовывали единую кончанскую общину [47]. Любопытно отметить, что на вечевой площади уличанской общины, как и на главной вечевой площади Новгорода, найдено большое скопление коровьих челюстей.

К свидетельствам существования на посадах древнерусских городов территориально-профессиональных объединений следует отнести концентрацию ремесла одной той же профессии в отдельных местах посада. Например, на посаде летописного Василева на Днестре раскопано 10 гончарных горнов [48]. Все они были сконцентрированы в одном месте, рядом с торговой площадью. Концентрация этого вида ремесла в одном месте засвидетельствована в Киеве, Вышгороде и других древнерусских городах. Это относится и к иным видам посадского ремесла [49].

Центрами территориально-профессиональных объединений посажан были патрональные церкви. В них устраивались совместные празднества-братчины [50], собрания членов объединения и т. п. На территории каждого посада было несколько храмов — свидетельство нескольких объединений посажан. Это положение хорошо иллюстрируется материалами летописного Василева на Днестре.

Посад Василева занимал сравнительно небольшую территорию. Он простирался вдоль первой надпойменной террасы Днестра на 3 км. На его территории раскопаны фундаменты белокаменного храма и обнаружены остатки деревянной церкви, которая находилась в центре торговой площади. Можно предположить, что деревянные храмы стояли еще в трех местах посада, где обнаружены древнерусские кладбища XII—XIII вв., так как вплоть до XVII в. кладбища всегда находились рядом с церковью. Отдельно расположенные кладбища XII—XVII вв. неизвестны. На тер-

ритории летописного Василева храмы, кроме посадских, находились еще на детинце, на территории феодального замка и в монастыре (пещерный храм). В первых двух случаях храмы также были деревянными (их остатки обнаружены). Возле них также находились древнерусские кладбища XII—XIII вв.

Белокаменный храм на посаде летописного Василева с богатым кладбищем (на кладбище раскопаны погребения в каменных саркофагах и под каменными плитами) следует принять за собор, который могли посещать не только горожане, но и жители округи. Деревянная патрональная церковь на торговой площади посада, по-видимому, была посвящена святому — покровителю купеческого объединения. Остальные деревянные храмы посада, по всей вероятности, принадлежали каким-то другим территориально-профессиональным объединениям. Каждое из этих объединений имело свое обособленное кладбище, располагавшееся возле храма.

Характер этих объединений был неодинаковым, что нашло свое отражение в материалах их кладбищ. Так, на кладбище в центре посада раскопаны группы погребений, принадлежавшие отдельным семьям. Каждая такая группа семейных погребений была ограждена каменным кругом-кромлехом (раскопано четыре круга диаметром 6—12 м). Погребения находились в неглубоких ямах, в дубовых гробницах. Возле скелетов найдены серебряные и медные украшения (серьги, перстни, височные кольца) XII—XIII вв. Рядом с каменными кругами-кромлехами раскопаны ямы с остатками тризны в виде костей животных и обломков глиняной посуды XII—XIII вв. Погребения с каменными кругами на других кладбищах Василевского посада не обнаружены. Но зато на них раскопаны погребения под каменными плитами, которых нет на центральном кладбище. Особенности погребального обряда, вероятно, отразили различные традиции групп населения, объединявшихся вокруг отдельных церквей.

Дальнейшее изучение территориально-профессиональных объединений жителей посада позволит выяснить социальную структуру посадских общин, которая, как постепенно выясняется, была намного сложнее, чем структура крестьянских общин этого же времени.

Свободы и привилегии посадской общины были, конечно, относительными. Во-первых, они всегда переплетались с феодальными ограничениями, и, во-вторых, эти привилегии распространялись главным образом на зажиточные слои населения. Жители посадов эксплуатировались посредством государственной налогово-повинностной системы и поэтому находились в определенной зависимости от военно-административных феодальных центров — детинцев, на которые возлагалась обязанность собирать государственные налоги.

Изучая посадскую общину древнерусского города, следует обратить внимание на то, что в ней по традиции сохранилось много черт, характерных для родо-племенных институтов (вечевые порядки, дикая вира, общинное ополчение и др.) [51]. Это дает основание полагать, что торгово-ремесленное население посадов сконсолидировалось в общину на ранних этапах и основой формирования древнейших посадских общин явились общинные центры с развитым ремеслом, функционировавшие на заключительном этапе первобытнообщинного строя. Это предположение может быть подтверждено материалами Ревнянского поселения IX—X вв., ко-

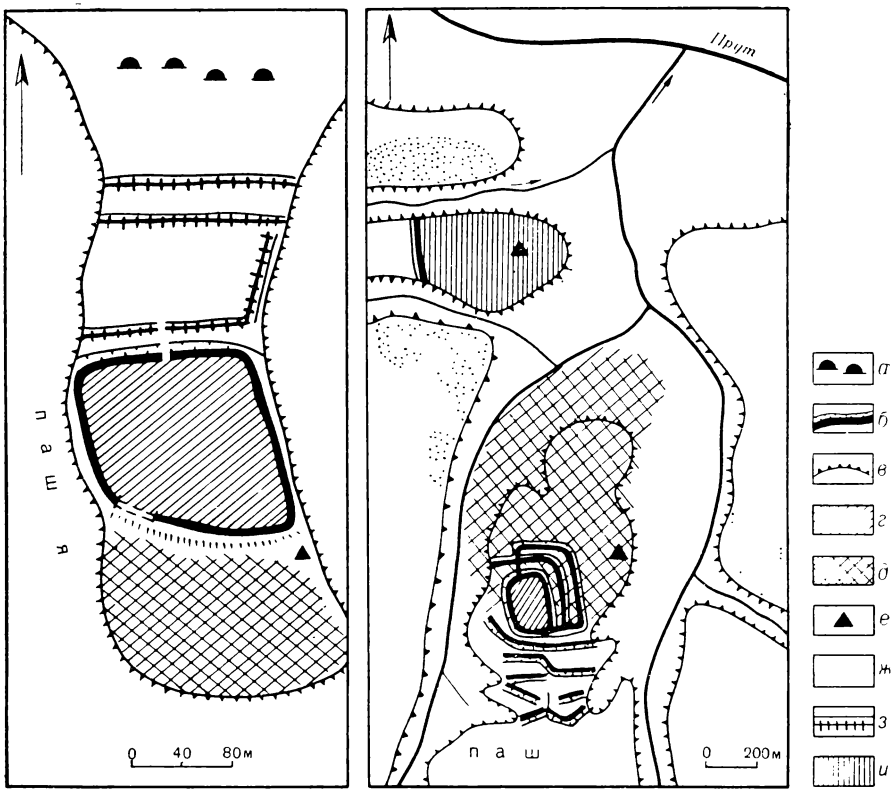


Рис. 43. Княжеская крепость в Горишних Шеровцах (А) и раннефеодальный город в Ревно (Б) в X в.

а — курганный могильник; *б* — оборонительная линия X в.; *в* — крутой склон; *г* — двор княжеской крепости; *д* — селище-спутник княжеской крепости; *е* — место находки ремесленных мастерских; *ж* — территория селища; *з* — вал раннежелезного века; *и* — территория посада

торое городскую структуру приобрело в начале X в., а до этого являлось развитым общинным центром.

Около с. Ревно на р. Прут в IX—начале X в. находился типичный общинный центр. Он состоял из двух городищ — убежища (Ревно I) и административно-хозяйственного центра (Ревно II), со всеми присущими таким центрам общественными структурами — общинным могильником, святилищем, длинными домами и наличием ремесленной деятельности (рис. 30). В начале X в. здесь произошли существенные изменения: убежище было уничтожено, и на его месте построена княжеская крепость с более мощными укреплениями и строгой планировкой, а на месте второго городища проведена существенная реконструкция. Здесь, на городище Ревно II, была прежде всего перестроена оборонительная линия, и вместо стены столбовой конструкции с напольной стороны поставлена стена, состоящая из срубов. На площадке городища Ревно II появились ремеслен-

ные мастерские с более усовершенствованным устройством, площадка была густо застроена. Таким образом, существовавшие в это время поселения можно рассматривать как только что сложившийся город, состоящий из крепости — детинца (Ревно I) и укрепленного посада (Ревно II). Посад в это время приобрел все необходимые для такой структурной единицы черты: имел свои укрепления, был густо застроен жилыми и ремесленными постройками, находился рядом с детинцем. Но этот посад вырос непосредственно из административно-хозяйственного общинного центра, и его население несомненно должно было унаследовать традиционные общинные порядки.

Ревнянское поселение X в. показывает, что посад в структуре раннефеодального города является отдельной территориальной единицей, позволяющей отличить город от феодальных центров других типов. В этом убеждает сопоставление планов княжеской крепости X в. в Горишних Шеровцах и раннефеодального города этого же времени в Ревно (рис. 43). Оба памятника расположены на Пруте, но на противоположных берегах реки, на расстоянии 15—20 км один от другого и по социально-типологической классификации принадлежат к феодальным центрам. Структура Ревнянского поселения по сравнению с Горишнешеровецким является более сложной. Главным отличительным ее структурным элементом является посад с окружающими его селищами. Расположение посада отдельно от княжеской крепости позволяет рассматривать его как самостоятельную социальную структуру — посадскую общину.

Итак, посадская община древнерусского города сложилась в результате внутреннего социально-экономического развития восточнославянского общества. Ее возникновение было вызвано необходимостью создания благоприятных условий для торгово-ремесленной деятельности свободного городского населения. Община объединяла в основном мелких производителей, защищала их интересы, регламентировала жизнь на посаде, осуществляла самоуправление, являлась коллективным собственником тех городских земель, которые не были собственностью княжеско-дружинной знати детинца. Посадская община, объединявшая людей с общими экономическими интересами, могла проявляться в разных формах и иметь разного типа объединения. Члены посадских общин были свободными в личном и экономическом отношениях. Но постепенно власть в общине все больше сосредоточивалась в руках богатых горожан, купцов и землевладельцев.

[1] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 50—56.

[2] О сооружении княжеских крепостей зависимым от этой крепости населением подтверждается свидетельствами летописи: «Ярополк Володимеричь сруби город Желны дрьючаномь, их же бе полонил» (ПСРЛ. I. С. 291).

[3] *Тихомиров М. Н.* Условное феодальное держание на Руси XII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 103, 104; *Пашуто В. Т.* Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 51, 52; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 197—199.

[4] На основе изучения археологических материалов Б. А. Рыбаковым была выделена категория зависимых от княжеских властей ремесленников (*Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА. 1940. № 6. С. 227—257;

Он же. Ремесло // История культуры Древней Руси. М., 1948. С. 169).

[5] *Греков Б. Д.* Избр. тр. М., 1959. Т. 2. С. 76.

[6] *Рыбаков Б. А.* Смерды // История СССР. 1979. № 1. С. 42.

[7] *Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадиальность его перехода в развитый феодализм // ВИ. 1981. № 2. С. 74, 75.

[8] *Горский А. А.* Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9. С. 22, 23; *Он же.* Феодализация на Руси: основное содержание процесса // ВИ. 1986. № 8. С. 78.

[9] *Черепнин Л. В.* Из истории формирования феодально-зависимого крестьянства на Руси // ИЗ. 1956. Т. 56. С. 245—249; *Довженок В. И.* Археологический комментарий к сведениям литературных источников о смердах и закупах // КСИАУ 1962. Вып. 12. С. 28—36; *Зимин А. А.* Холопы на Руси. М., 1973. С. 85—115; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 118—125; *Рыбаков Б. А.* Смерды // История СССР. 1979. № 1. С. 41—58; № 2. С. 50—55.

[10] ПВЛ. I. С. 43.

[11] *Зимин А. А.* Холопы на Руси. С. 83.

[12] *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Древнерусские поселения на Дону // МИА. 1948. № 8. С. 35.

[13] *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое: О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. 1958. № 74. С. 188—192; *Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского левобережья: (Роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975. Табл. 3, 4, 5.

[14] *Алексеев Л. В.* К истории и топографии древнего Витебска // СА. 1964. № 1. С. 99—111.

[15] *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975. С. 25.

[16] *Чеботаревко Г. Ф.* Калфа — городище VIII—X вв. на Днестре. Кишинев, 1973. С. 68—72.

[17] *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978. С. 8, 9.

[18] *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: (Историко-археологические очерки). Л., 1982. С. 60.

[19] *Плоткин К. М.* Псков и его округа в конце I тысячелетия н. э. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 165.

[20] Местная военная дружина «племенных» центров в догосударственный период состояла из профессиональных воинов, которые находились при «племенных» князьях. Свое «племенное» княжение имели и восточные хорваты, но центр этого княжения пока не обнаружен. Именно из таких «племенных» центров начинался процесс «окняжения» земель восточных славян.

[21] *Щапов Я. Н.* О функциях общины в древней Руси // Общество и государство феодальной России. 1975. С. 3—21; *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978. С. 14—15, 21; *Семенов Ю. И.* О стадиальной типологии общины // Проблемы типологии и этнографии. М., 1979. С. 84—88; *Свердлов М. Б.* Крестьянство в системе социальных отношений на Руси X—XIII вв. // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов-на-Дону, 1980. С. 7—21; *Александров В. А.* Общинное землевладение в феодальной России: (Основные историографические аспекты вопроса) // ВИ. 1983. № 6. С. 89—106; *Бромлей Ю. В., Першиц А. И.* Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного исследования Ф. Энгельса. М., 1972. С. 31.

[22] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 217.

[23] *Филипчук М. А.* Исследование крестьянской усадьбы XI в. в с. Коростовата // АО 1983 г. М., 1985. С. 367.

[24] *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) // МИА. 1960. № 92. С. 124.

[25] *Водарский Я. Е.* Город и городское население России в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. М., 1974. С. 98—116; *Он же.* Население России в конце XVII—начале XVIII в. М., 1977. С. 115—120; *Карлов В. В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 66—188.

[26] *Тимощук Б. А.* Археологические признаки посада древнерусского города // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 70, 71; *Он же.* Об археологических признаках древнерусского города // Археологические источники об общественных отно-

шениях эпохи средневековья. М., 1988, С. 69—89.

[27] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 58—64.

[28] ПСРЛ. 2. С. 226.

[29] ПВЛ. 1. С. 151.

[30] ПВЛ. 1. С. 112.

[31] ПВЛ. 1. С. 150.

[32] ПСРЛ. 2. С. 510.

[33] ПВЛ. 1. С. 116.

[34] *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 28, 201.

[35] *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. № 1 (11). С. 94.

[36] ПСРЛ. 2. С. 934.

[37] ПСРЛ. 2. С. 228.

[38] ПСРЛ. 24. С. 117.

[39] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. // МИА. 1956. № 52. С. 145, 146.

[40] *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточної и Северо-Западной Руси X—XIV вв. // МИА. 1961. № 105. С. 206.

[41] ПСРЛ. 2. С. 147.

[42] *Толочко П. П., Боровский Я. Е.* и др. Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 80—121.

[43] *Толочко П. П.* Массовая застройка Киева X—XII вв. // Древнерусские города. М., 1981. С. 90.

[44] *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Ильинский раскоп: (Стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 112—116.

[45] *Свешников И. К.* Раскопки пригорода летописного Звенигорода // АО 1984 г. М., 1986. С. 306, 307; *Он же.* Дослідження пригорода літописного Звенигорода // Вісник АН УРСР. 1985. № 11. С. 38—44.

[46] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. . С. 114—127.

[47] *Буров В. А.* Уличанская община древнего Новгорода по археологическим данным // СА. 1985. № 4. С. 90—105.

[48] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 141—143.

[49] *Пеняк П. С.* К вопросу о ремесленных объединениях Древней Руси X—XIII вв. // Земли Южной Руси в IX—XIV вв. Киев, 1985. С. 128.

[50] ПСРЛ. 2. С. 340. Здесь упоминается «братещина», которая устраивалась в полоцкої церкви св. Богородицы и на которую звали князя.

[51] *Сергиевич В. И.* Лекции по истории русского права. СПб., 1890, С. 136; *Штыхов Г. В.* Киев и города Полоцкой земли // Киев и западные земли Руси в IX—XIII вв. Минск, 1982. С. 45—80.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате археологического изучения 36 гнезд поселений VI—X вв. и социально-исторической классификации селищ и городищ получены данные, позволяющие изучить эволюцию восточнославянской общины и выделить три основные ее стадиальные типа переходного периода от первобытности к классовому обществу: 1) большесемейную VI—VII вв.; 2) земледельческую (соседско-большесемейную VIII—IX вв. и 3) соседскую раннефеодальную. Каждый из этих типов общины связан с определенным уровнем развития социально-экономической и политической жизни населения и каждому из них свойственна своя социальная структура и свои формы собственности.

Большесемейная община VI—VII вв. как социальный микроорганизм представляла собой союз родственных патриархальных семей, поселки которых со своими площадками-коллективными дворами располагались рядом или на близком расстоянии один от другого. Между этими семьями сохранялось экономическое (коллективное владение землей, совместное ремесло), общественное (общие собрания, пиршества и т. п.) и идеологическое (например, культ предков) единство. В VI—VII вв. еще преобладала подсечно-переложная система земледелия. В большесемейной общине не было обособленной собственности патриархальных семей на пахотную землю. Значительная часть коллективно выработанной продукции потреблялась каждой супружеской парой отдельно. Часть этой продукции поступала на устройство коллективных пиршеств, которыми сопровождались религиозные праздники, общие собрания, свадьбы и т. п. Археологическими свидетельствами этих отношений являются коллективные хранилища и длинные дома-контины. Остальная часть коллективно выработанной продукции предназначалась для посевов, хранилась на случай неурожаев и т. п. Община имела свои выборные органы управления, которые регулировали социально-экономическую и политическую жизнь общинников.

Серьезные изменения в структурах социальных микроорганизмов связаны с формированием земледельческой общины, которое совпадает с началом более высокого уровня развития производительных сил, постепенным переходом к паровой системе земледелия, дальнейшим развитием животноводства, общинного ремесла и обмена.

Земледельческая община VIII—IX вв. была более сложным социальным микроорганизмом, чем большесемейная община VI—VII вв. В состав общины VIII—IX вв. наряду с большими патриархальными семьями входили малые неразделенные индивидуальные семьи (об этом свидетельствуют обнаруженные на территории гнезд-общин миниатюрные селища

и индивидуальные усадьбы). Все же основными хозяйственными единицами и далее оставались большие патриархальные семьи. Поселения последних часто располагаются рассредоточенно на территории гнезд-общин, что является свидетельством наличия в это время обособленной (а не родовой, общей) собственности этих семей на пахотную землю. Однако община сохраняла верховную собственность на все земли, прежде всего на угодья, которые находились в общем пользовании всех семей.

Олицетворением гнезд-общин VIII—IX вв. были общинные центры, часто довольно сложной структуры. В их состав могли входить крупные селища с развитым ремеслом, убежища, административно-хозяйственные центры, святилища. Эти общинные центры выполняли многочисленные функции, хозяйственные, административные, идеологические, регулировали производственные и социальные отношения на территории общины, были способы мобилизовать общинников на выполнение трудоемких коллективных работ.

Главными тенденциями социально-экономического развития общины VIII—IX вв. были: 1) отделение ремесла от земледелия, что нашло свое отражение в появлении ремесленных поселений, обслуживавших своей продукцией не только членов своей общины, но и производивших продукцию для внешнего обмена; 2) выделение поселков общинной знати (воинов-земледельцев), которая, отрываясь от остальных общинников, со временем становилась потребителем и распределителем прибавочного продукта и постепенно выключалась из сферы производительного труда. Эта социальная категория в общинах занимала господствующее положение; 3) начало формирования индивидуальных крестьянских хозяйств как следствие распада больших патриархальных семей; 4) появление обособленной собственности патриархальных семей на пахотную землю.

Поселения полупрофессиональных воинов, ремесленников и крестьян — это свидетельства расслоения земледельческой общины, ее дуализма; начала разделения населения не по родственному, а по общественно-производственному принципу. Складывались общественные отношения, которые порождали социальное неравенство. В общинах господствующее положение занимали отдельные знатные семьи. Но они еще находились внутри общины — свидетельство того, что класс эксплуататоров еще не сформировался.

Решительные социально-экономические перемены в восточнославянской общине происходят начиная с конца IX в., когда началось насильственное подчинение общин княжеской феодальной властью. Этот процесс нашел свое отражение в таких археологических материалах, как массовая ликвидация общинных центров и строительство княжеских (государственных) крепостей — опорных пунктов великокняжеской власти на местах. В эволюции восточнославянской общины наступил новый период, представленный таким ее стадиальным типом, как соседская община. Последняя в раннефеодальный период выступает в таких формах, как: 1) крестьянская, относительно свободная община-вервь; 2) феодально-зависимая община и 3) городская (посадская) община.

Наиболее массовыми в раннефеодальный период были крестьянские общины-верви. Каждая из них представляла собой объединение главным образом малых семей крестьян-собственников пахотной земли. Большие

патриархальные семьи в это время могли сохраняться как пережиток. Под угрозой насилия со стороны военно-дружинных гарнизонов княжеских крепостей общины-верви эксплуатировались государством через налогово-податную систему. В этой общине шел процесс расслоения крестьян: часть из них превращалась в мелких вотчинников, основная же масса общинников со временем становилась не собственниками, а держателями пахотной земли, попадая в разную степень феодальной зависимости.

Феодально-зависимые общины X—XI вв. являлись составной частью таких социальных микроорганизмов, как княжеские (государственные) крепости. Поселения этих общинников обычно располагались рядом с княжеской крепостью или недалеко от нее. Эти поселения в летописях упоминаются как княжеские села. На территории этих сел жили земледельцы (держатели пахотной земли), ремесленники-челядники и другие категории населения, попавшего в феодальную зависимость от княжеских властей. Зависимое население обеспечивало военные гарнизоны княжеских крепостей продуктами питания, ремесленными изделиями, выполняло другие повинности («работу») в пользу военно-дружинной знати. Все же население селищ-спутников княжеских крепостей сохраняло общинные порядки, о чем свидетельствуют длинные дома-контины, раскопанные на их территории.

Городская (посадская) община X—XI вв. являлась важной структурной частью древнерусского города. Она имела свое самоуправление, располагала своей территорией, могла иметь свои собственные укрепления. Ранняя посадская община со своими городскими правами сформировалась на основе общинных центров с развитым ремеслом и во многом повторяла свой прототип. Ее существование диктовалось необходимостью создания благоприятных условий для торгово-ремесленной деятельности свободного городского населения. Посадская община, объединяя людей с общими экономическими интересами, регулировала хозяйственно-производственную деятельность своих членов, защищала их интересы от притязаний княжеских властей, обеспечивала обмен товаров, защищала ремесло от внешних посягательств. Структура этой общины часто была довольно сложной, состояла из разного типа объединений (территориально-профессиональных). В посадской общине постоянно шел процесс социальной и имущественной дифференциации, власть постепенно переходила в руки богатых горожан.

Приложение

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ГНЕЗДАХ ПОСЕЛЕНИЙ VI—X вв.*

1. Бабинское гнездо поселений расположено на правом берегу Днестра, на территории сел Бабин, Бузовица и Днестровка Кельменецкого района Черновицкой области. Состоит из городища и девяти селищ (рис. 44, *А*).

Городище-святилище находится в 2 км на северо-запад от с. Бабин на останце высокого берега Днестра, в урочище Говда (рис. 44, *Б*). Круглая каменистая вершина останца диаметром 8 м окружена заплывшим ровиком. От этой вершины к Днестру отходит хребтообразный спуск, в конце которого над обрывом стоит каменная глыба, напоминающая фигуру сидящего человека. Глыба окружена пятью большими камнями. С южной напольной стороны по склону останца расположены два рва, выбросы из которых образуют внешние валы. У подножия городища, на высоком берегу Днестра находится селище IX—XIII вв. На его вспаханном поле видны пятна древних жилищ и обожженные камни. Собрана керамика раннежелезного века, славянская типа Луки Райковецкой и древнерусская (XII—XIII вв.) [1]. Второе поселение типа Луки Райковецкой находится недалеко от городища, на первой надпойменной террасе Днестра.

В северной части с. Бузовица на обоих берегах ручья расположено поселение, поверхность которого распахивается (рис. 44, *В*). В нескольких местах на пахоте видны разрушенные печи-каменки. Подъемный материал с этого селища относится к VIII—XIII вв. К северу от этого поселения находятся два миниатюрные селища (рис. 8, *Б*, *В*). Еще одно миниатюрное селище расположено вверх по ручью от большого селища (рис. 44, *Г*).

У с. Днестровка обнаружено два селища типа Луки Райковецкой. Одно из них расположено на север от села, на первой надпойменной террасе Днестра в уроч. Лука, второе — на северо-восток от села, на той же террасе Днестра, в уроч. Пидмет. Поселение культуры пражского типа обнаружено на север от с. Бабин, на левом берегу оврага, в уроч. Яма (рис. 44, *2*).

2. Баламутовское гнездо поселений Заставновского района Черновицкой области расположено на правом берегу Днестра, на территории сел Баламутовка, Онут и Ржавницы. Состоит из городища и четырех селищ (рис. 36, *А*). Городище находится в 3 км к югу от с. Баламутовка, на вы-

* В список гнезд поселений VI—X вв. Украинского Прикарпатья включены лишь те данные об исследованиях этих поселений, которые не вошли в основной текст данной работы, указаны литературные источники о них. Исследования поселений VI—X вв. проведены экспедицией Черновицкого университета в 1968—1973 гг. и Прикарпатской экспедицией Института археологии АН СССР в 1974—1985 гг.

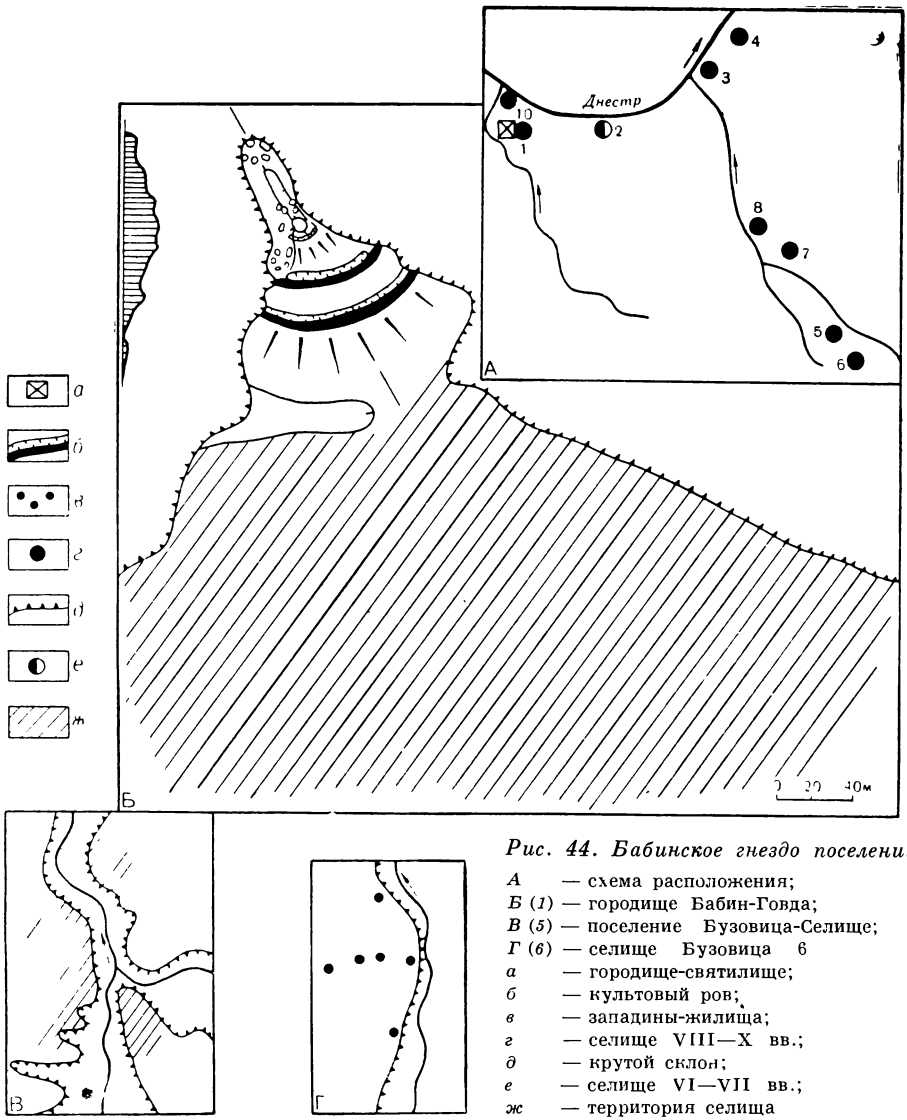


Рис. 44. Бабинское гнездо поселений

А — схема расположения;
Б (*1*) — городище Бабин-Говда;
В (*5*) — поселение Бузовица-Селище;
Г (*6*) — селище Бузовица 6
а — городище-святилище;
б — культовый ров;
в — западины-жилища;
г — селище VIII—X вв.;
д — крутой склон;
е — селище VI—VII вв.;
ж — территория селища

соком мысу правого берега Днестра, в уроч. Таборище (рис. 36, *В*). Его площадка (45×40 м) с напольной стороны ограничена дугообразным рвом и валом, который своими концами не доходит до обрывов. Вал насыпан на месте сгоревших деревянных стен IX в. На дне рва в слое угля найдена керамика X в. На площадке городища обнаружены полуземлянки с печами-каменками, которые датируются IX—X вв. К городищу примыкает большое селище этого же времени. Второе большое селище расположено

недалеко от городища, на первой надпойменной террасе Днестра, в уроч. Рудка [2].

Селище IX—X вв. обнаружено в с. Онут, на первой надпойменной террасе Днестра, в уроч. Стрелка (рис. 36, *3*). У с. Ржавчинцы селище типа Луки Райковецкой обнаружено на левом берегу р. Баламутовка, в уроч. Кадуб (рис. 36, *4*).

3. Беловское гнездо поселений расположено на территории с. Белая и в западной части г. Черновцов, на обоих берегах р. Прут. В его состав входят городище и пять селищ (рис. 36, *Б*).

Городище-убежище расположено в 2 км от с. Белая, на высоком плато правого берега Прута, в уроч. Царина (рис. 36, *Г*). (см. раздел 2). С западной стороны к городищу примыкает селище воинов-земледельцев. На его территории сохранилось пять западин-жилищ (рис. 36, *Г*). Раскопанные три из них оказались полуземлянками с печами-каменками и стенами столбовой конструкции. В них найдены целые горшки. Жилища погибли от пожара [3].

Селище IX—XI вв. расположено на правом берегу р. Белая, возле с. Белая, в уроч. Левады (рис. 36, *Б*, *6*). Здесь на трех небольших площадках, ограниченных ручьями и болотами, в местах темных пятен найдены обожженные камни и обломки славянской керамики.

Большое селище X—XI вв. находится в верховье р. Белая, в Цецинском лесу (г. Черновцы), в уроч. Графская Поляна (рис. 36, *Б*, *7*). На его территории сохранилось 10 западин-жилищ. Большая часть селища распахана. Здесь раскопаны две полуземлянки с печами-каменками. В 300 м на запад от селища Графская Поляна, на левом берегу ручья расположено миниатюрное селище. Здесь сохранилось три западины-жилища. Поселение культуры пражского типа обнаружено на левом берегу Прута, в Ленковцах (Черновцы) (рис. 36, *Б*, *8*).

4. Верхнестановецкое гнездо поселений расположено в бассейне р. Брусница, на территории сел Верхние Становцы и Брусница Кицманского района Черновицкой области. В его состав входят городище и пять селищ (рис. 45, *А*).

Городище-убежище находится на юге от с. Верхние Становцы, на вершине горы Городище, на территории городища раннежелезного века (рис. 45, *Б*). Площадка славянского городища диаметром до 100 м окружена кольцевым валом и рвом. Основу оборонительной линии, как показали раскопки, составляла деревянная стенка (от нее сохранилась канавка шириной 0,40 м, глубиной 0,10 м, наполненная углями и кусочками обожженной глины). Эта стена с внешней стороны была укреплена глиняным откосом с каменной сердцевиной, а с внутренней к ней примыкал длинный дом шириной 3,8 м (рис. 45, *Г*). На дне рва (его глубина 1,2 м, ширина 4 м) найдены угли, обожженные камни, куски глиняной обмазки с отпечатками дерева и обломки лепной посуды типа Луки Райковецкой.

Рядом с городищем на вершине горы находятся два селища, на территории которых сохранилось 25 западин-жилищ. Одна из них раскопана, оказалась ремесленной мастерской. На дне полуземлянки (3,7×3,8 м) обнаружены столбовые ямы, очаг и найдены обломки керамики IX—X вв.

К северу от городища, среди холмов и оврагов расположено большое поселение Турецкая криница. Жилища-западины на нем располагаются

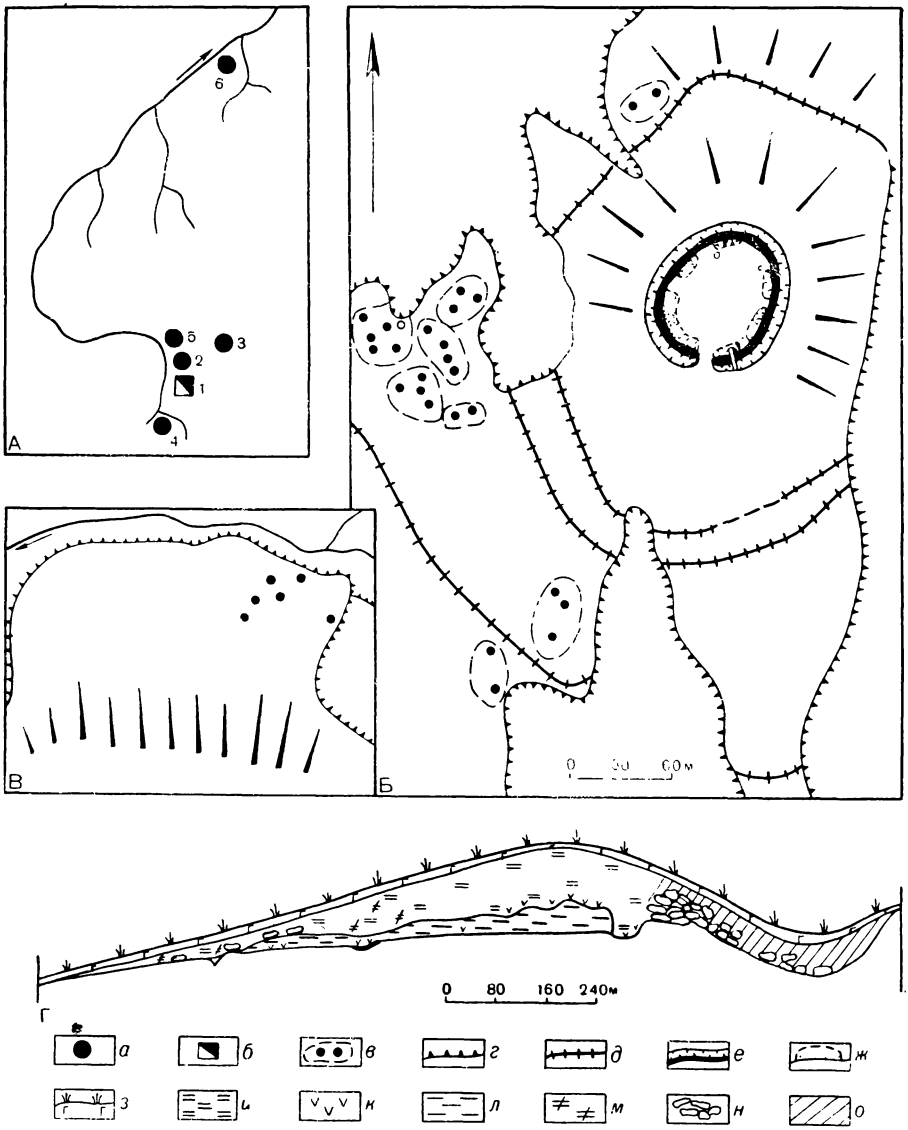


Рис. 45. Верхнестановецкое гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — городище Верхние Становцы; *В* (*3*) — селище Заваленый мост; *Г* — профиль вала IX в.; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — городище-убежище IX в.; *в* — группы западин-жилищ; *г* — крутой склон; *д* — вал раннежелезного века; *е* — вал и ров IX в.; *ж* —длинный дом; *з* — гумус; *и* — обожженная глина; *к* — угли; *л* — глина; *м* — глиняная обмазка; *н* — камни; *о* — серая земля

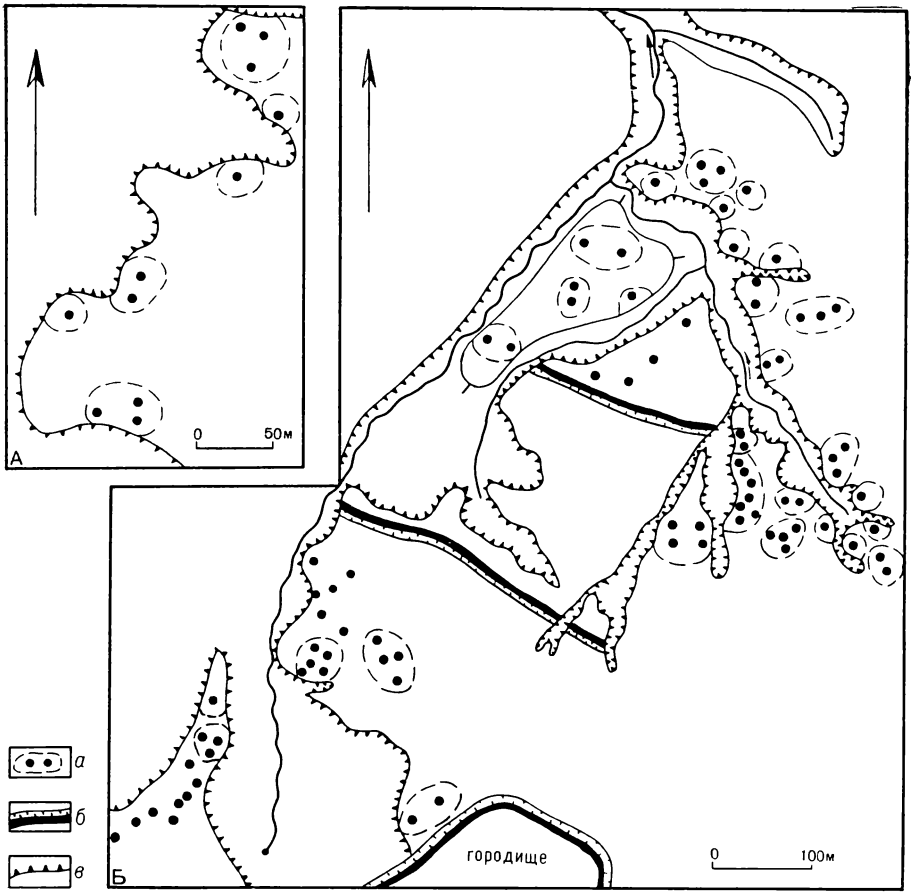


Рис. 46. Селища Верхнестановецкого гнезда поселений

А — селище «От Жадовой»; *Б* — селище Турецкая криница; *а* — группа западин-жилищ; *б* — вал и ров; *в* — крутой склон

отдельными группами (рис. 46, *Б*). На правом берегу ручья сохранилась 21 западина-жилище. Второе скопление западин-жилищ расположено на мысу, между двумя оврагами. Здесь 15 западин-жилищ.

К югу от городища, на склоне горы, на левом берегу глубокого оврага, в урочище «От Жадовой» сохранилось 11 западин-жилищ (рис. 46, *А*). На восток от городища, на левом берегу ручья, в лесу, в урочище Заваленый мост сохранилось шесть западин-жилищ (рис. 45, *В*).

Большое селище VIII—X вв. находится на территории с. Брусница, на правом берегу р. Брусница, в уроч. Кальновцы, напротив санатория. Здесь на огородах выделяются темные пятна древних жилищ, на территории которых найдены обломки керамики типа Луки Райковецкой.

5. Волоцкое гнездо поселений Глыбокского района Черновицкой области расположено в бассейне р. Дереглуй, на территории сел Волока и Валя

Кузьмина. В его состав входят городище и шесть селищ (рис. 47, *А*). Городище-убежище находится на юго-востоке от с. Волока, на высоком холме Городище, на территории городища раннежелезного века (рис. 47, *Б*). Его площадка (90×60 м) ограничена с юга обрывом, а с других сторон — распаханным валом и заплывшим рвом. Основу оборонительной линии, как показали раскопки, составляла деревянная стена, усиленная с внешней стороны глиняным, с каменной сердцевиной откосом, а с внутренней стороны к ней примыкал длинный дом шириной 4 м. Рядом с городищем, на укрепленной площадке раннежелезного века находится селище IX—X вв.[4]

К востоку от городища, у подножья холма, в уроч. Колодец Собеского расположено селище IX—X вв. На нем сохранилось 20 западин-жилищ. В 2 км к западу от городища, на левом берегу ручья, в уроч. Пашнина сохранилось 13 западин-жилищ, на территории которых найдена керамика типа Луки Райковецкой (рис. 47, *Б*).

Большое поселение VIII—X вв. находится у с. Валя Кузьмина, на левом берегу р. Дереглуй, в уроч. Селище. Здесь обнаружены распаханные печи-каменки и три железоплавильные печи. Селища этого же времени на территории с. Валя Кузьмина обнаружены еще в двух пунктах: 1) в центре села, на левом берегу р. Невольница, в уроч. Грушева и 2) на правом берегу р. Невольница, в уроч. Гора Будака. Возле автобусной остановки в центре села, на правом берегу р. Невольницы обнаружено поселение культуры пражского типа.

6. Горишнешеровецкое гнездо поселений расположено на территории сел Горишние Шеровцы и Задубровка Заставновского района Черновицкой области. В его состав входят два городища, восемь селищ и курганный могильник (рис. 48, *А*). Городище — административно-хозяйственный центр расположено в юго-восточной части с. Горишние Шеровцы, на высоком холме в уроч. Толока (рис. 48, *Б*). Его площадка (150×80 м) примыкает к обрыву глубокого оврага и с напольной стороны ограничена дугообразным рвом. Основу оборонительной линии, как показали раскопки, составляла деревянная стена типа «столпие», к которой с внутренней стороны примыкали наземные длинные дома. На вспаханной части площадки городища видны темные пятна древних жилищ, а возле оврага сохранились две западины-жилища. Здесь раскопаны: 1) полуземлянка (5,2×4,0) со стенами столбовой конструкции и очагом, опущенная в котлован глубиной 0,4 м; 2) наземная хозяйственная постройка (3,6×2,6 м), в середине которой находилась яма-погреб; 3) полуземлянка (2,8×2,7 м) глубиной 0,8 м с печью-каменкой (рис. 48, *В*). Керамика из раскопанных объектов датируется VIII—X вв. На поселении найдено много железных шлаков.

К западу от городища, на правом берегу ручья, в уроч. Долина расположено большое селище VIII—X вв. Здесь раскопана полуземлянка с печью-каменкой и стенами столбовой конструкции. В 2,5 км к югу от Горишних Шеровцов, у верховьев ручья, в уроч. Дворище расположено селище VIII—X вв. К северу от Горишних Шеровцов в уроч. Чоботарка, на террасах, разграниченных тремя ручьями, расположено большое селище VIII—X вв. К нему с севера примыкают могильник этого же времени, курганы которого почти полностью распаханы. Только в лесу сохра-

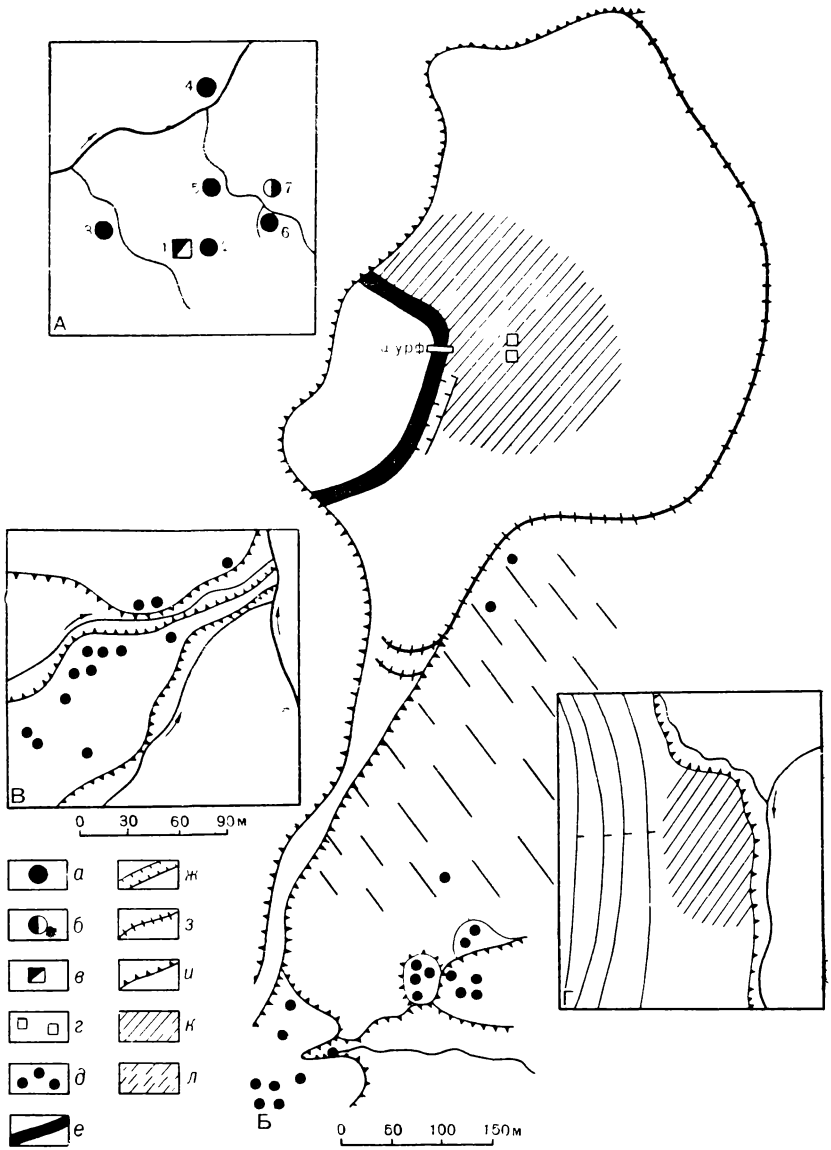


Рис. 47. Волоцкое гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — городище Волока; *В* (*3*) — селище Волока-Пашнина; *Г* (*7*) — селище Валя Кузьмина; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — селище VI—VII вв.; *в* — городище-убежище; *г* — раскопанные жилища-полуземлянки; *д* — западины-жилища; *е* — вал IX в.; *ж* — ров; *з* — вал раннежелезного века; *и* — обрыв; *к* — территория селища; *л* — оползни

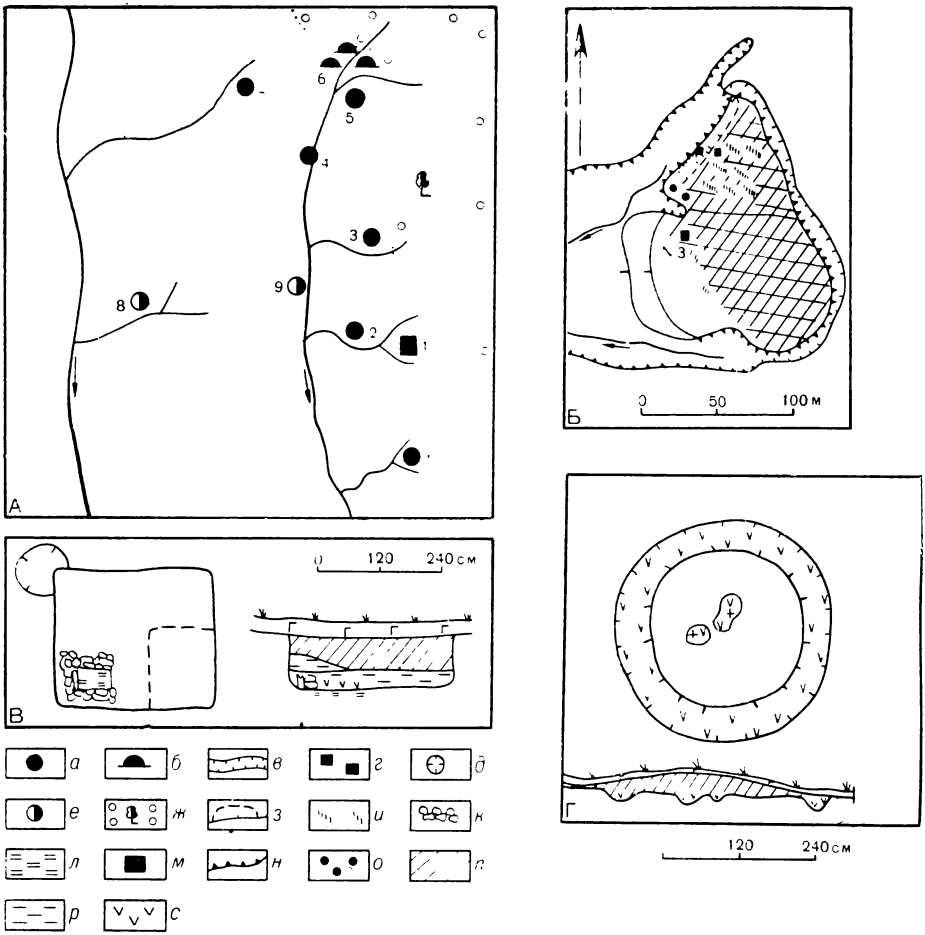


Рис. 48. Горишнешеровецкое гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — городище Толока; *В* — план и профиль жилища 3; *Г* — план и профиль кургана; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — курганный могильник; *в* — ров; *г* — раскопанные жилища-полуземлянки; *д* — яма-погреб; *е* — селище VI—VII вв.; *ж* — лес; *з* — длинный дом; *и* — следы жилищ; *к* — камни; *л* — обожженная глина; *м* — городище IX в.; *н* — обрыв; *о* — западины-жилища; *п* — серая земля; *р* — глина; *с* — угли

нились три кургана, из которых один был раскопан. В нем обнаружены две ямки, наполненные углями и мелкими кальцинированными костями (рис. 48, *Г*). Место погребения было окружено кольцевым ровиком. На запад от этого селища, на обоих берегах р. Китроса, в уроч. Церикова расположено еще одно большое селище VIII—X вв. В стенке дороги обнаружена полуземлянка с печью-каменкой. Селища этого же времени на территории с. Горишние Шеровцы обнаружены еще в трех пунктах: в урочищах Фоса, Цыгановка и Под лесом. Городище — княжеская крепость

X—XII вв. расположена на восток от с. Горишние Шеровцы, на горе Городище (см. раздел 1).

Поселения пражского типа обнаружены в двух пунктах: в центре с. Горишние Шеровцы, на правом берегу ручья в уроч. Гора (оно датируется V—VI вв.) и возле с. Задубровка, на правом берегу ручья, в уроч. Гропа (оно датируется VII в.) [5].

7. Городницкое гнездо поселений расположено в лесу возле с. Городница Гусятинского района Тернопольской области. Оно состоит из городища, пяти селищ и могильника (рис. 18, *А*). Городище-святилище X—XIII вв. расположено в 4 км на восток от с. Городница, на высокой горе Богит. Его площадка размерами 300×100 м со всех сторон окружена валом, который на всю высоту (до 2 м) сложен из рваного известняка без связующего раствора (рис. 18, *Б*). Кроме главного, на площадке городища имеются еще два каменных вала, которые делят площадку на три части. Каменные валы были сооружены в скифское время и использованы славянами для устройства святилища.

На склонах горы Богит, ниже главного вала, проходит культовый ров шириной 2,5 м, глубиной около 0,80 м. Его плоское дно выложено каменными плитками, на которых найдены угли и черепки X—XI вв.

На самой высокой части площадки городища раскопан круглый каменный пьедестал диаметром 9 м, высотой 0,5 м, окруженный восемью ритуальными ямами чашевидной формы (рис. 18, *а*). В двух ямах найдены останки человеческих скелетов, в других — обломки керамики X—XII вв., угли и кости животных. В 35 м к западу от пьедестала исследован курган, сложенный из больших камней (его высота 0,8 м, диаметр 6 м). В центре кургана обнаружена квадратная яма (2×2 м), глубиной 0,7 м, наполненная углистой землей, слоями камней, обломками глиняной посуды X—XII вв., небольшим количеством костей животных. В яме также найдены в обломках точило, глиняное пряслице, стеклянный браслет и железный гвоздь.

На площадке городища, за пределами капища сохранились 44 западины-жилища. Раскопанные три из них оказались землянками с очагами и стенами столбовой конструкции. В этой части городища частично исследованы остатки длинного дома (35×12 м). Второй длинный дом обнаружен в северо-восточной части городища, возле культового рва (рис. 18, *в*). К городищу с северо-востока примыкает земляной вал, сооруженный в X в. (рис. 18, *е*). Он окружал могильник, на котором раскопан курган-кенотаф и три ямные погребения с остатками кремации покойников.

Городище Богит со всех сторон окружают западины-жилища. Одна из них раскопана и оказалась полуземлянкой с печью-каменкой. В подножии горы Богит обнаружены три селища: 1) за пределами земляного вала X в. (сохранилось 13 западин-жилищ и при раскопках обнаружена еще одна полуземлянка с печью-каменкой и керамикой X—XI вв.); 2) к югу от городища (сохранилось 14 западин-жилищ, расположенных вокруг большой западины-кольца); 3) в 200 м к западу от второго селища (сохранились три западины и культурный слой X—XI вв.). Четвертое селище расположено в 1 км к юго-востоку от городища, в уроч. Скала (сохранилось 80 западин-жилищ X—XI вв.). Пятое селище находится в 1 км на северо-восток от городища, в долине между холмами (сохранилось 12 западин) [6].

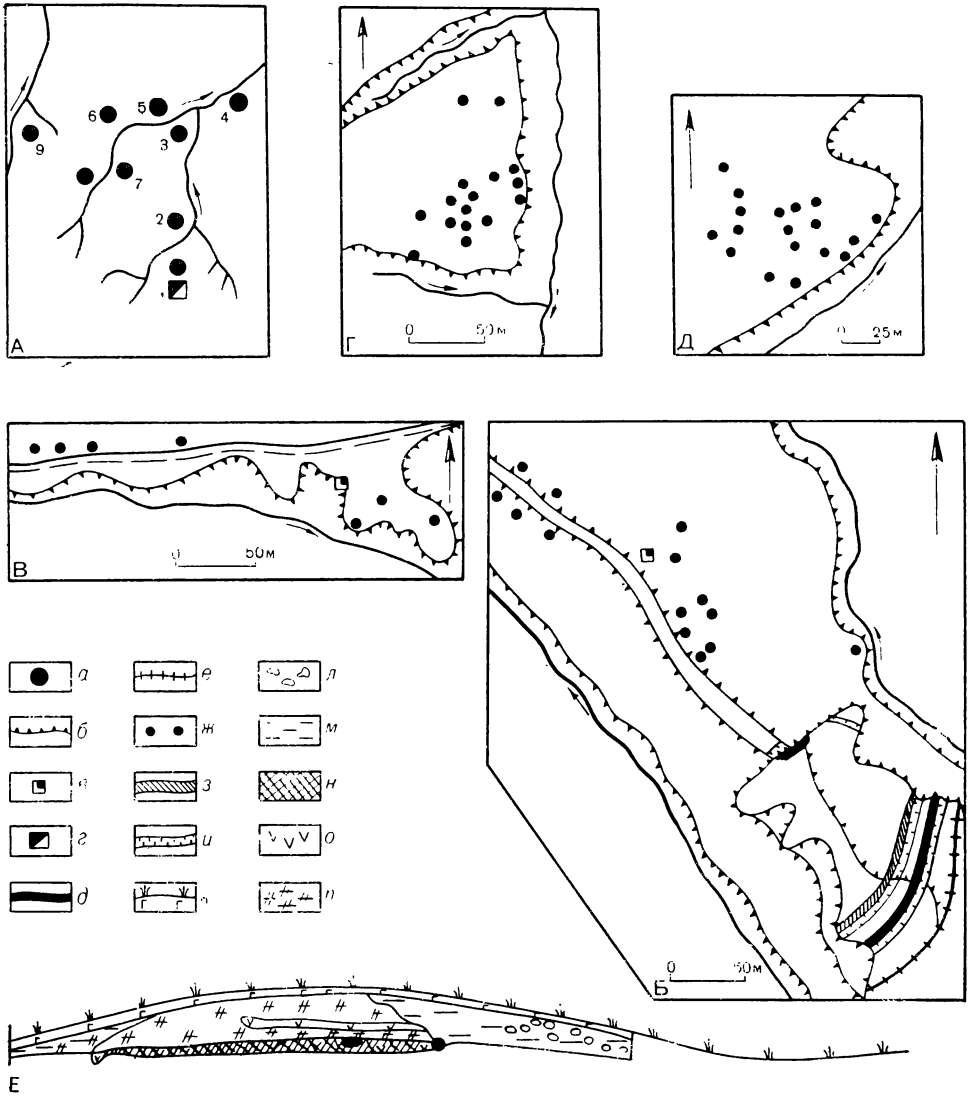


Рис. 49. Горошевское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — городище Червоный горб; *В* (*2*) — селище Горошевцы—Первые тополя; *Г* (*8*) — селище Боянчук 2; *Д* (*7*) — селище Боянчук 3; *Е* — профиль вала IX в.; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — крутой склон; *в* — раскопанное жилище; *г* — городище-убежище IX в.; *д* — вал IX в.; *е* — вал раннежелезного века; *ж* — западины-жилища; *з* — вал XII—XIII вв.; *и* — ров; *к* — гумус; *л* — камни; *м* — глина; *н* — остатки длинного дома; *о* — угли; *п* — глиняная обмазка

8. Горошевское гнездо поселений расположено на территории сел Горошевцы, Боянчук и Юрковцы Заставновского района Черновицкой области. В его состав входят городище и девять селищ (рис. 49, *А*).

Городище-убежище находится в 3 км к югу от с. Горошевцев, на высоком мысу, в уроч. Червоный Горб (рис. 49, *Б*). Оно ограждено с напольной стороны тремя валами. Они, как показали раскопки, сооружены в разное время: внешний вал — в раннежелезном веке, средний — в IX в., внутренний — в XII в. Таким образом, вал IX в. ограничивал площадку размерами 130×100 м. Основу оборонительной линии IX в. составляла деревянная стена из горизонтально положенных бревен, которая была усилена глиняным откосом с внешней стороны (внешний склон этого откоса был вымощен каменными плитками) и наземным длинным домом шириной 5,4 м с внутренней (рис. 49, *Е*).

Въезд на городище находился с северо-запада, где есть хребтообразное возвышение. С обеих сторон этого возвышения сохранилось 15 западин-жилищ. В траншее на месте одной из них найдена лепная и гончарная керамика типа Луки Райковецкой.

В 2 км от с. Горошевцы, на левом берегу ручья, в лесу в уроч. Первые Тополя находится селище, на котором сохранилось восемь западин-жилищ (рис. 49, *В*). Раскопаны остатки полуземлянки с печью-каменкой. В ней найдены обломки гончарной и лепной керамики типа Луки Райковецкой. Большое селище этого же времени находится в южной части с. Горошевцев. Еще одно селище этого же времени расположено в западной части с. Горошевцев, на высоком левом берегу ручья, в уроч. Русначка. Здесь исследованы три полуземлянки с печами-каменками, разрушенные оползнем. В восточной части этого же села, в уроч. За гончарами обнаружены остатки еще одного селища VIII—X вв.

Большое поселение VIII—X вв. расположено в центре с. Боянчук, на левом берегу ручья, на территории колхозного двора. В 2 км на юго-запад от с. Боянчук, на левом берегу ручья, в лесу сохранилось 18 западин-жилищ этого же времени (рис. 49, *Д*). Еще одно селище расположено в 0,5 км на юг от этого села. На нем сохранилось 16 западин-жилищ (рис. 49, *Г*). Это поселение разрушается оползнем, и в обрывах видны полуземлянки и печи-каменки.

Большое поселение VIII—X вв. находится в южной части с. Юрковцы, на левом берегу ручья, в уроч. Солонцы. В кювете дороги обнаружены остатки полуземлянки с печью-каменкой.

9. Грозинецкое гнездо поселений расположено на территории сел Грозинцы и Колинковцы Хотинского района Черновицкой области. В его состав входят городища и пять селищ (рис. 50, *А*).

Городище находится к западу от с. Грозинцы, на территории Калинковецкого лесничества, в уроч. Городище (рис. 50, *Б*). Его площадка (314×270 м) со всех сторон окружена земляным валом X в., который был насыпан на месте деревянных укреплений IX в. Основу последних составлял частокол, усиленный с внешней стороны глиняным откосом, а с внутренней стороны к нему примыкали длинные дома и отдельные срубы, нижняя часть которых была опущена в материк. На укрепленной площадке в лесу сохранилось 47 западин-жилищ (рис. 50, *Б*). Три из них раскопаны. В полуземлянках находились печи-каменки, столбовые ямы и керамика

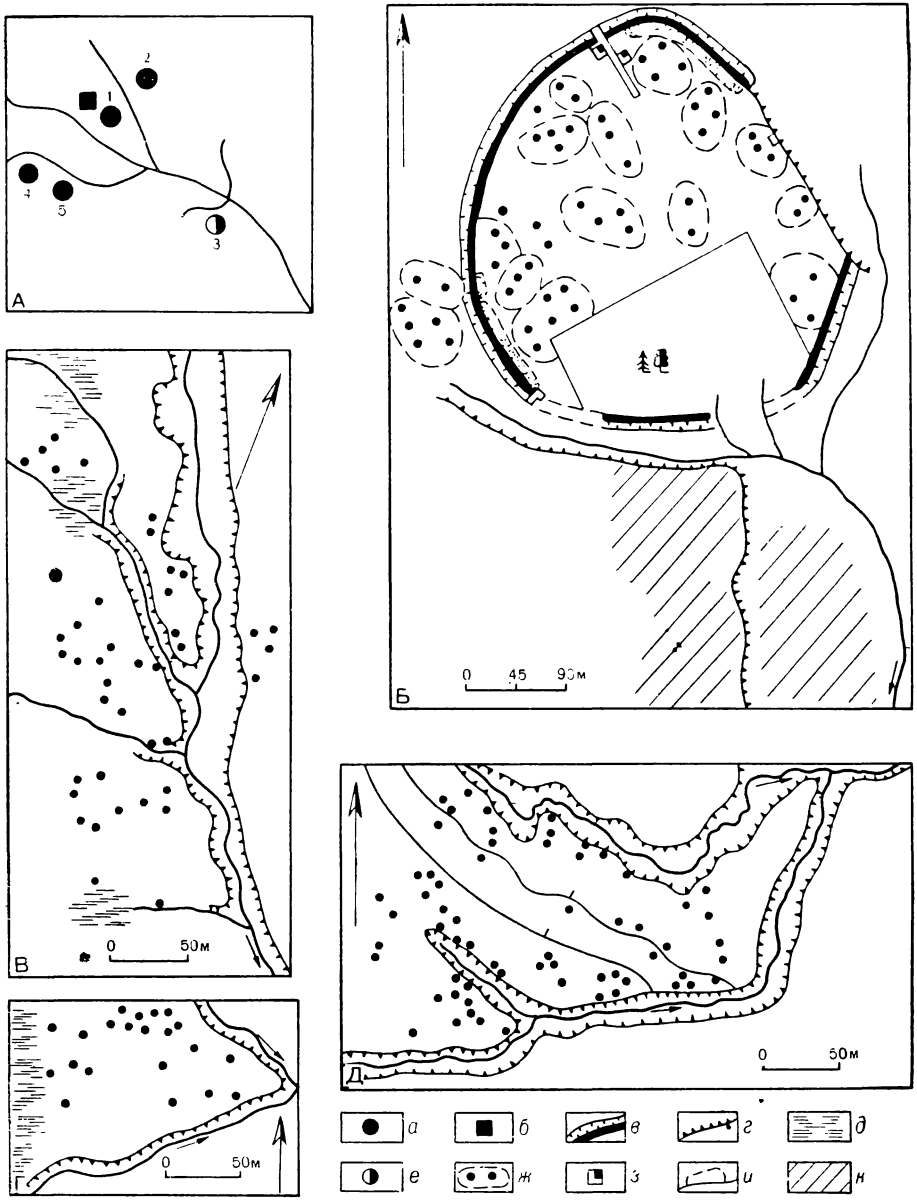


Рис. 50. Грозинецкое гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — городище Грозинцы; *В* (*2*) — селище Грозинцы-Мочары; *Г* (*4*) — селище Колинковцы 2; *Д* (*5*) — селище Колинковцы—Поляна Хабули; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — городище IX—X вв.; *в* — вал и ров IX—X вв.; *г* — обрыв берега; *д* — болото; *е* — селище VI—VII вв.; *ж* — западины-жилища; *з* — раскопанное жилище; *и* — длинный дом; *к* — территория селища

IX—X вв. На этой же площадке найдены железные шлаки, а в насыпи вала X в. — остатки разрушенных металлургических горнов.

Большое селище VIII—X вв. расположено возле городища, вдоль правого берега ручья. Здесь на вспаханном поле выступают темные пятна, на территории которых найдены обожженные камни, обломки гончарной и лепной керамики. Раскопана полуземлянка с печью-каменкой, в которой найдены обломки лепной керамики VIII в. В верховье ручья, в лесу возле городища сохранилось семь западин-жилищ [7].

В 300—400 м к северо-востоку от городища, в уроч. Мочары, в окружении ручьев и болот находится большое поселение VIII—X вв. На нем сохранилось 43 западины-жилища и шесть западин-погребов (рис. 50, *В*). Постройки концентрируются в пяти отдельных группах. Они между собой разграничены болотами и ручьями.

На территории с. Колинковцы обнаружены два селища VIII—X вв.: 1) в верховьях р. Ракитина, на мысу между двумя ручьями, в уроч. Поляна Хабули, где сохранилось 66 западин-жилищ и 10 западин-погребов (рис. 50, *Д*); 2) в 300 м к югу от первого селища, на склоне мыса, в лесу, где сохранилось 22 западины-жилища и пять западин-погребов (рис. 50, *Г*).

Поселение культуры пражского типа обнаружено на юг от с. Грозинцы, в уроч. Фоса, на правом берегу ручья.

10. Добрыновское гнездо поселений расположено на территории сел Добрыновцы и Ржавинцы Застановского района Черновицкой области. В его состав входят два городища и семь селищ (рис. 34, *А*).

Городище — общинный центр IX в. — находится в 1 км к северо-востоку от с. Добрыновцы, в уроч. Толока. Его площадка (160×100 м) окружена ручьями и болотами (рис. 34, *Б*). Основу оборонительной линии, как показали раскопки, составляла стена из горизонтально уложенных бревен, которые укреплялись столбами, а на отдельных участках — срубами-опорами (рис. 15, *А*). К городищу примыкает большое селище VIII—X вв.

Второе городище является остатками святилища IX в. Оно расположено в 2,5 км к северу от первого городища в Ржавинском лесу, на высоком холме Хринова, на территории городища раннежелезного века (рис. 21). Состоит из двух концентрических валов. На центральной площадке (ее диаметр 22 м) культурного слоя не обнаружено. Между валами имеются следы длинных домов, на территории которых найдены обломки лепной и гончарной керамики IX в. (рис. 34, *В*). Возле святилища находится большое селище, на котором сохранились западины-жилища. Большая часть селища распахана. Раскопаны две полуземлянки с печами-каменками и одна хозяйственная яма. К северо-востоку от святилища, в лесу, на берегу ручья, в уроч. Около фабрики сохранилось более 30 западин-жилищ (рис. 34, *Г*). Часть поселения распахана и здесь видны темные пятна жилищ, на которых найдена лепная керамика типа Луки Райковецкой, глиняные грузила, пережженные камни от разрушенных печей.

Большое селище VIII—X вв. расположено на юг от с. Добриновцев, в лесу Обчина, в уроч. Щовб (рис. 34, *Д*). Здесь на мысу, образованном двумя ручьями, сохранилось 30 западин-жилищ. Селища VIII—X вв. обнаружены еще в южной части с. Добрыновцев, на левом берегу ручья, в уроч. Коропова и к востоку от этого села, на левом берегу ручья, в уроч. Московска Криница.

Поселение культуры пражского типа находится в центре села, на левом берегу ручья, в уроч. Долина. При строительстве дома культуры здесь раскопана полуземлянка с печью-каменкой [8].

11. Карапчовское гнездо поселений расположено на территории села Карапчов Вижницкого района Черновицкой области. В его состав входят городище и три селища (рис. 51, *А*).

Городище IX в. находится в южной части с. Карапчов, на высоком холме, в уроч. Городок, на территории земляной крепости XIV—XV вв. (см. рис. 51, *В*). Его площадка (ее размеры приблизительно 110×60 м) с юга была укреплена оборонительной линией, основу которой составляла деревянная стена, усиленная с внешней стороны глиняным откосом (рис. 51, *Г*, *п*). Последний вместе с внутренней стенкой оборонительного рва составлял склон шириной более 7 м. Посередине таким образом образованного широкого откоса был установлен частокол (от него сохранилась траншея глубиной 1 м, шириной 0,5—0,6 м с остатками сгоревших столбов). С внутренней стороны к оборонительной стене примыкал дом шириной 3,2 м, деревянные стены которого были обмазаны глиной (от них сохранились куски глиняной обмазки с отпечатками дерева) и слой угля толщиной до 0,15 м (рис. 51, *Г*, *р*). На земляном полу длинного дома найдены обломки лепной и гончарной керамики типа Луки Райковецкой. На месте остатков оборонительной линии IX в. была построена укрепленная линия крепости XIV—XV вв.

На укрепленной площадке городища сохранилось 18 западин-жилищ. Одна из них раскопана и оказалась полуземлянкой (3×3 м) (рис. 51, *Ж*). В ней обнаружены печь-каменка, столбовые ямы и обломки лепной и гончарной керамики типа Луки Райковецкой.

Три западины-жилища обнаружены к северу от городища, рядом с ним на высоком плато. В 1 км на юго-восток от городища, на левом берегу ручья Хмелевский расположено большое селище VIII—X вв. Обнаружены полуземлянки с печами-каменками в виде темных пятен, на месте которых лежат обожженные камни и обломки лепной и гончарной керамики типа Луки Райковецкой. Еще одно селище этого же времени находится в центре села, на правом берегу р. Глибочок [9].

12. Кицманское гнездо поселений расположено в бассейне р. Совица, на территории сел Давидовцы, Лашковка и г. Кицманя. В его состав входят шесть поселений (рис. 51, *Б*). Большое поселение находится в западной части г. Кицманя, на обоих берегах ручья, в уроч. Горишний Кут. На огородах найдены железные шлаки и обломки керамики типа Луки Райковецкой. В стенках дороги возле леса зафиксированы профили трех полуземлянок с печами-каменками. В лесу, примыкающем к этому поселению, сохранились три западины-жилища. Второе большое селище расположено на том же ручье, в лесу, возле прудов, в уроч. Савин Яр (рис. 51, *Е*). Здесь на левом берегу ручья находится 50 западин-жилищ. Третье кицманское селище расположено еще выше по этому же ручью, на правом берегу оврага, в уроч. Крайний Яр (рис. 51, *Д*). На нем сохранилось девять западин-жилищ. Четвертое Кицманское селище расположено на левом берегу Суховерховского ручья, в уроч. Диброва. На огородах, в местах темных пятен найдены обломки керамики типа Луки Райковецкой.

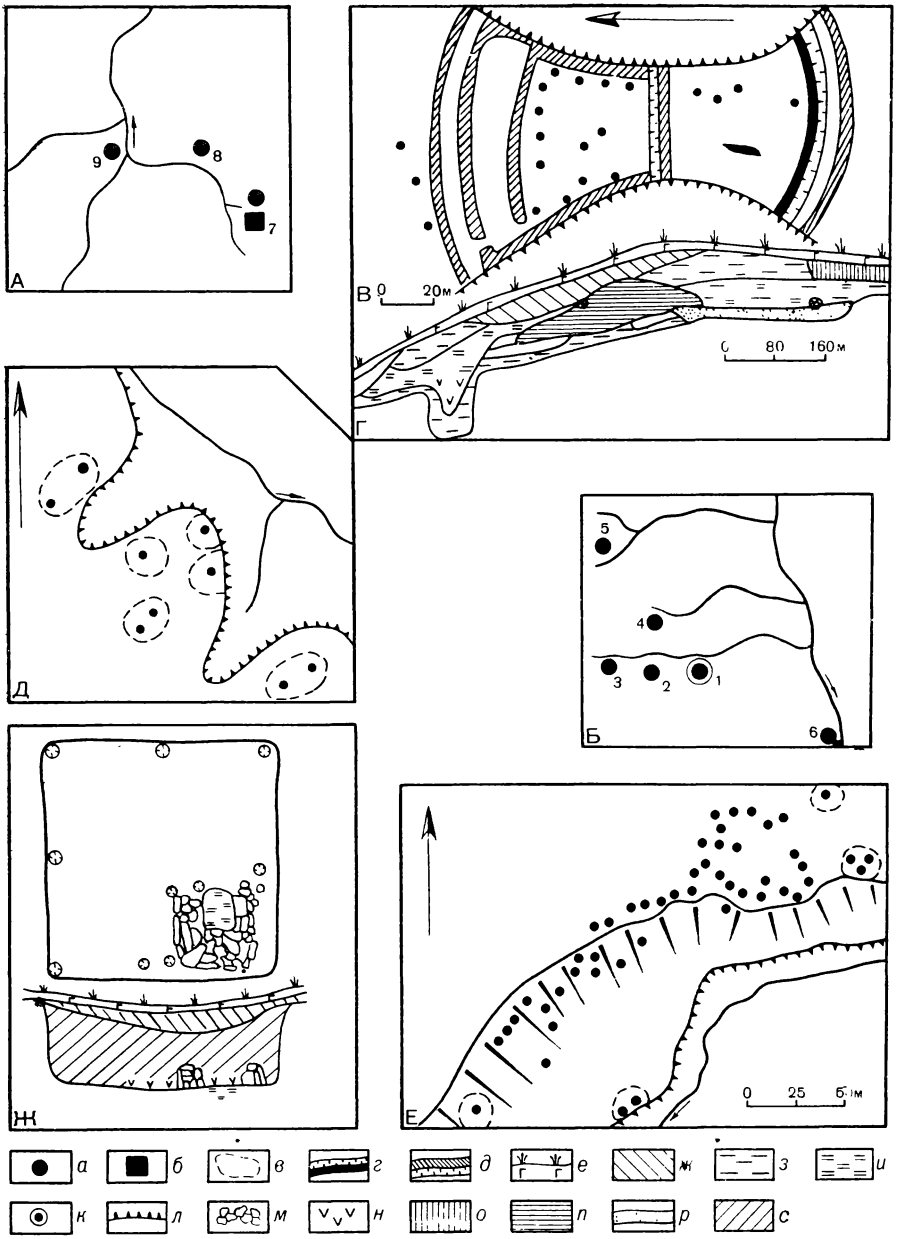


Рис. 51. Гнезда поселений

А — Карапчовское; *Б* — Кицманское; *В* (*7*) — городище Карапчов-Городок; *Г* — профиль вала городища; *Д* (*3*) — селище Кицмань-Крайний яр; *Е* (*2*) — селище Савин яр; *Ж* — жилище IX в. на городище Карапчов; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — городище — общинный центр; *в* — группы западин-жилищ; *г* — вал и ров IX в.; *д* — вал XIII—XV вв.; *е* — гумус; *ж* — серая земля; *з* — глина; *и* — обожженная глина; *к* — поселение — общинный центр; *л* — крутой склон; *м* — камни; *н* — угли; *о* — остатки дома XIV в.; *п* — откос деревянной стены IX в.; *р* — остатки длинного дома; *с* — темно-серая земля

В с. Давидовцы поселение типа Луки Райковецкой расположено на восток от села, на левом берегу ручья, в уроч. Чуркан. В с. Лашковка селище этого же времени расположено в южной части села, на правом берегу ручья, в уроч. Совица.

13. Коростоватовское гнездо поселений расположено в бассейне р. Коростовата, на территории с. Коростовата Кицманского района Черновицкой области. В его состав входят два городища и девять селищ (рис. 11, *А*). Городище-убежище IX в. расположено к югу от села, на высоком мысу, в лесу, на территории городища раннежелезного века, в уроч. Замчище (рис. 11, *Б*). Его центральная площадка (120×80 м) была ограждена оборонительной линией, основу которой составляла стена из горизонтально положенных бревен, обмазанных глиной. Остатки этой стены сохранились под насыпью вала X—XI вв. в виде канавки шириной 0,20 м, в которой лежали куски сгоревшего бревна. С внешней стороны стена была усилена глиняным откосом, за которым находился ров шириной 2 м, глубиной 0,5 м. С внутренней стороны к оборонительной стене примыкал длинный наземный дом шириной около 4 м. На его территории лежал слой из угля, обломков керамики IX в. и кусков глиняной обмазки с отпечатками плетня. Въезд на городище-убежище с запада защищала дополнительная оборонительная линия. Ее основу также составляла стена из горизонтально уложенных бревен, усиленная с напольной стороны глиняным откосом и рвом шириной 5 м. На укрепленной площадке следов заселения IX в. не обнаружено.

Вокруг городища Замчище, на территории между реками Коростовата и Владычна сохранилось более 80 западин-жилищ, которые располагаются отдельными группами, часто на значительном расстоянии одна от другой. Более плотно группы западин-жилищ располагаются рядом с городищем, на высоком правом берегу р. Владычина. На месте одной из западин раскопана полуземлянка с печью-каменкой и стенами срубной конструкции. Она датируется XI в.[10] Отдельная группа селищ X—XI вв. находится в верховье бассейна р. Коростовата, в уроч. Равнина. Приблизительно в центре этой группы на мысу высотой до 20 м расположено городище-убежище (рис. 41, *А*). Центральная площадка городища (60×30 м) с напольной стороны ограждена двумя земляными валами, расположенными между собой на расстоянии 30 м один от другого. С восточной стороны, где склон мыса пологий, находится ров-эскарп. С других сторон площадка городища ограничена крутыми склонами. Площадка городища неровная, и на ней не обнаружено культурного слоя. Городище датируется материалами жилищ, от которых в подножии мыса, на котором расположено городище, сохранились западины-жилища. В одной из этих западин, которая разрушается оползнем, обнаружена печь-каменка и найдены обломки керамики X в.

Вокруг городища расположены селища X—XI вв. Большое селище находится на запад от городища, на склонах левого высокого берега ручья, в уроч. Сенокос, где сохранились 33 западины-жилища.

Второе селище в уроч. Равнина расположено на северо-восток от городища, на ровной площади размерами 600×200 м, окруженной заболоченными ручьями. Большая часть этой площадки в прошлом вспахивалась, и

здесь западины-жилища не сохранились. Лишь по краям этой площадки, где растет лес, сохранилось 10 западин-жилищ.

На северо-восток от городища Ривнина, на правом берегу р. Солонец находится селище, на котором сохранилось более 20 западин-жилищ, расположенных на значительном расстоянии одна от другой. Они датируются X—XI вв. В 2 км к северо-западу от городища Ривнина, в уроч. Поляны находится селище X—XI вв., которое разрушается оползнями.

Селище VIII—X вв. находится в южной части с. Коростовата, на левом берегу реки. В стенках оврага и на вспаханном поле обнаружены остатки разрушенных печей-каменок и обломки керамики типа Луки Райковецкой.

Поселение культуры пражского типа расположено в северной части с. Коростовата, на левом берегу реки, в уроч. Вывоз.

14. Крутиловское гнездо поселений расположено на р. Збруч, возле с. Крутилов Гусятинского района Тернопольской области. В его состав входят городище и пять селищ (рис. 19, *А*).

Городище расположено на высоком мысу Замчище и его склонах (урочище Звенигород). Сложная система валов и рвов окружает площадь размерами 700×450 м (рис. 19, *Б*). Валы, как показали раскопки, были сооружены в разное время. Наиболее древний из них, невысокий земляной вал в урочище Замчище относится к концу эпохи бронзы — началу раннежелезного периода и принадлежит городищу-убежищу.

Два дугообразные каменные вала, опускающиеся по склону, сооружены в скифское время и являются остатками святилища раннежелезного века. В древнерусское время (X—XIII вв.) эти валы были приспособлены для нужд святилища восточных славян. Тогда на верхней площадке городища скифского времени (200×160—100 м), окруженной с юга и севера каменными валами, а с запада — земляным валом и с востока крутым склоном (здесь на краю площадки стоял длинный дом, который одновременно мог выполнять функцию ограды), были устроены четыре капища. На вершинах валов и во рвах, окружавших площадку-пантеон, были сооружены каменные площадки-алтари. На площадке-пантеоне, кроме капищ и длинных домов общественного назначения, обнаружены углубленные постройки, где язычники приносили жертвы (в том числе и человеческие) богам, и находились нишеобразные печи для выпечки ритуальных хлебов.

Овальная площадка в центре городища, ограниченная с севера каменным валом и с других сторон крутыми склонами, была застроена стационарными жилищами. В восточной части этой площадки сохранилось пять западин-жилищ. Раскопана одна из них, оказалась землянкой, опущенной в каменистый материк на глубину 1,2 м. Ее размеры 3×2,8 м. В ней находились печь-каменка, столбовые ямы, раздавленный горшок, целый стеклянный браслет, обгоревшие зерна ржи, черепки посуды XI—начала XII в.

В подножии городища в трех местах находятся «целебные» источники, которые, несомненно, почитались в древности. Недалеко от этих источников, но на территории городища, обнаружены остатки длинных домов и углубленные постройки для жертвоприношений.

Городище-святилище окружено пятью селищами X—XII вв. Селище Замчище располагается на высоком плато, на территории городища-убежища раннежелезного века. На нем сохранилось около 150 западин

на месте древних жилищ. Четыре из них раскопаны, при этом в двух обнаружены обычные для этой территории полуземляночные жилища с печами-каменками, и в двух других западинах находились остатки ремесленных мастерских с очагами в центре помещения. Все они датируются XI—началом XII в. В северной части селища сохранились остатки недостроенных земляных валов древнерусского времени.

Второе селище Стадна расположено в 0,5 км к востоку от городища, на первой надпойменной террасе Збруча. Значительная часть этого поселения распахивается, а в лесистой его части сохранились западины-жилища. Третье селище Сиванка расположено в 0,5 км к югу от городища на противоположном, левом берегу р. Збруч. На его территории обнаружен культурный слой X—XII вв. Здесь сохранились два кургана. Четвертое селище Бабина долина расположено на юго-запад от городища, на правом берегу р. Слепой яр. Оно вытянуто вдоль ручья на 700 м и на нем насчитывается более 70 западин-жилищ, семь из которых были раскопаны. Две из них представляли собой остатки полуземлянок с печами-каменками XI в. Четыре сооружения оказались ремесленными мастерскими с каменными рабочими площадками и очагами. Также раскопана жертвенная камера, в которой находилась нишеобразная хлебная печь и совершались в XII—XIII вв. жертвоприношения.

Пятое селище расположено в 0,5 км на север от городища, на высоком левом берегу Слепого яра. На нем сохранилось около 30 западин-жилищ [10а].

14. Кулишовское гнездо поселений расположено на правом берегу Днестра, на территории сел Кулишовка и Кормань Сокирянского района Черновицкой области. В его состав входят городище и пять селищ (рис. 17, *А*). Городище-святилище расположено на высоком мысу правого берега Днестра, в уроч. Паланка. На нем сохранилось пять валов (рис. 17, *Б*). На первом, внутреннем валу находилась площадка-алтарь, которая была выложена каменными плитками. Между первым и вторым валами находится плоский ров, на дне которого также находилась каменная площадка-алтарь шириной 1,6 м [11].

К югу от святилища, на обоих берегах р. Пидметья, в уроч. Леонтиеве расположено крупное поселение (общинный центр?). Правобережная часть поселения ограждена с напольной стороны дугообразным, теперь почти полностью распаханным валом. Время его сооружения не определено, но вполне возможно, что этот вал использовался для защиты славянского поселения. В обрыве берега на этом поселении обнаружены полуземлянки с печами-каменками, в которых найдена керамика типа Луки Райковецкой. На левом берегу ручья вместе с обломками керамики типа Луки Райковецкой найдено много железных шлаков. Еще одно селище этого же времени обнаружено в южной части с. Кулишовка, на правом берегу ручья, в уроч. Чагор. Поселение разрушается оползнями. Обнаружены разрушенные печки-каменки. Селище VIII—X вв. на первой надпойменной террасе Днестра в подножье мыса, на котором располагалось святилище, теперь залито водами Новоднестровского моря. Возле с. Кормань, на 10-метровой террасе Днестра, возле Шебутинского ручья, в уроч. Лужок находится еще одно поселение типа Луки Райковецкой.

16. Ленковецкое гнездо поселений расположено на правом берегу Днестра, на территории сел Ленковцы, Грушевцы и Нагоряны Кельменецкого района Черновицкой области. В его состав входят два городища и шесть селищ (рис. 52, *А*).

Городище-убежище расположено в 4 км от с. Ленковцы, на мысу, образованном р. Сурша и ее притоком, в уроч. Баба. Здесь сохранилось три вала, сооружение которых относится к разному времени (рис. 52, *Б*). К славянскому времени (VIII—X вв.) принадлежит средний вал, который ограждает площадку размерами 240×60 м. В подножье мыса, на котором расположено городище, на двух горизонтальных площадках левого берега р. Сурша располагаются селища типа Луки Райковецкой.

В 1 км к востоку от городища-убежища, на противоположном берегу р. Сурша, на землях с. Нагоряны, на останке правого высокого берега Днестра, в уроч. Могила расположено городище-святилище (рис. 52, *В*). На нем сохранилось четыре вала со рвами. На городище есть камни, напоминающие человеческие фигуры. На площадке городища найдена керамика трипольской и славянской культуры VIII—XI вв. Возле городища-святилища, на склонах мыса, образованного Днестром и р. Сурша, расположено селище VIII—XII вв.[12]

Славянское селище второй половины I тысячелетия н. э. находится в 1,5 км на север от с. Нагоряны, в уроч. Осова. Еще одно селище этого же времени обнаружено в 3,5 км к северо-востоку от с. Грушевцы, на первой надпойменной террасе Днестра.

17. Ломачинское гнездо поселений расположено на правом берегу Днестра, на территории сел Ломачинцы, Непоротово и Михалково Сокорянского района Черновицкой области. В его состав входят городище и три селища (рис. 12, *А*).

Городище-убежище расположено к юго-западу от с. Ломачинцы, на высоком мысу левого берега р. Каютин, в уроч. Окопы. Его площадка диаметром 65 м и была, как показали раскопки, ограждена деревянной стеной из горизонтально положенных бревен, закрепленных столбами-стояками (рис. 12, *В*). С внешней стороны эта стена была усилена насыпным земляным откосом. С внутренней стороны к оборонительной стене примыкал длинный дом. В одном из помещений этого дома исследована ремесленная мастерская (в ней находились остатки кузнечного горна). В конце IX—начале X в. на месте сожженной оборонительной стены был насыпан вал-платформа для деревянных стен княжеской крепости.

Рядом с городищем на высоком мысу находится большое селище VIII—XIII вв. Здесь обнаружено много распаханных печей-каменок и найдена керамика типа Луки Райковецкой и более позднего времени. Раскопана полуземлянка с печью-каменкой. Второе большое селище VIII—X вв. расположено на первой надпойменной террасе Днестра к северу от с. Непоротово, в уроч. Дубова. Селище этого же времени находится на высоком берегу Днестра, к северу от с. Михалково, в уроч. Рышинцы [13].

18. Магалянское гнездо поселений расположено на левом берегу Прута, на территории сел Магала и Ридковцы Новоселицкого района Черновицкой области. В его состав входят городище и семь селищ (рис. 53, *А*). Городище-убежище находится в 2,5 км к северу от с. Магала, в лесу, на правом берегу ручья, в уроч. Круглая канава (рис. 53, *Б*). Его площадка

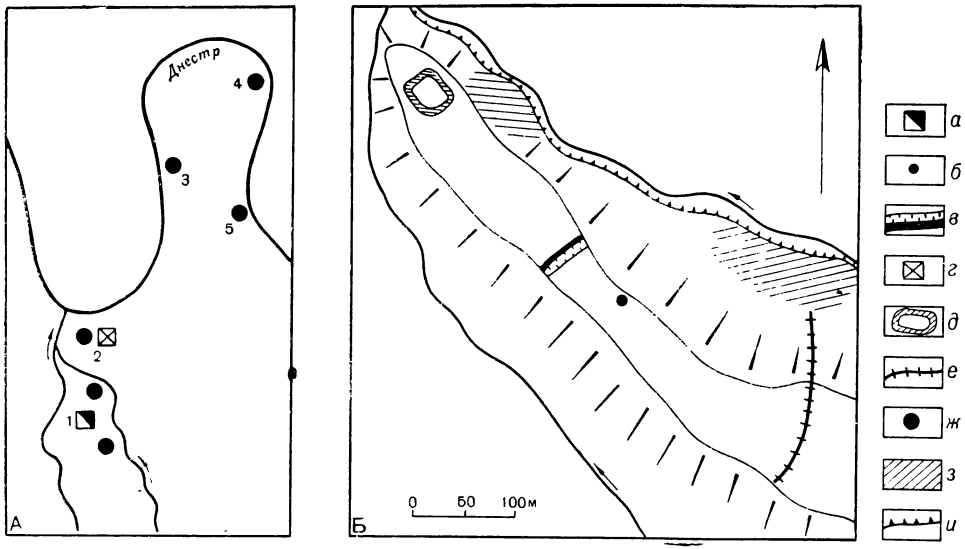


Рис. 52. Ленковецкое гнездо поселений

А —схема расположения;
Б (*1*) — городище Ленковцы-Баба;
В (*2*) — городище Нагоряны-Могила;
а — городище-убежище;
б — западина-жилище;
в — вал и ров IX в.;
г — городище-святилище;
д — городище XII—XIII вв.;
е — вал раннежелезного века;
ж — селище VIII—X вв.;
з — территория селища VIII—X вв.;
и — обрыв берега

(95×85 м) окружена валом высотой до 1 м. Прорезка этого вала показала, что основу оборонительной линии составляла деревянная стена из горизонтальных бревен, которая с внешней стороны была усилена глиняным откосом (его остатками является вал). Внешний склон откоса вымощен каменными плитами. С внутренней стороны к оборонительной стене примыкали длинные дома шириной 4 м. От них сохранились горизонтальные площадки, на месте которых обнаружен культурный слой толщиной до 0,20 м и найдены обломки гончарной и лепной керамики типа Луки Райковецкой, кусочки глиняной обмазки с отпечатками дерева и угли (рис. 53, *В*). Въезд на городище в виде разрыва вала шириной 3 м имеется в его восточной части, со стороны ручья, на противоположном берегу которого находится синхронное городищу селище.

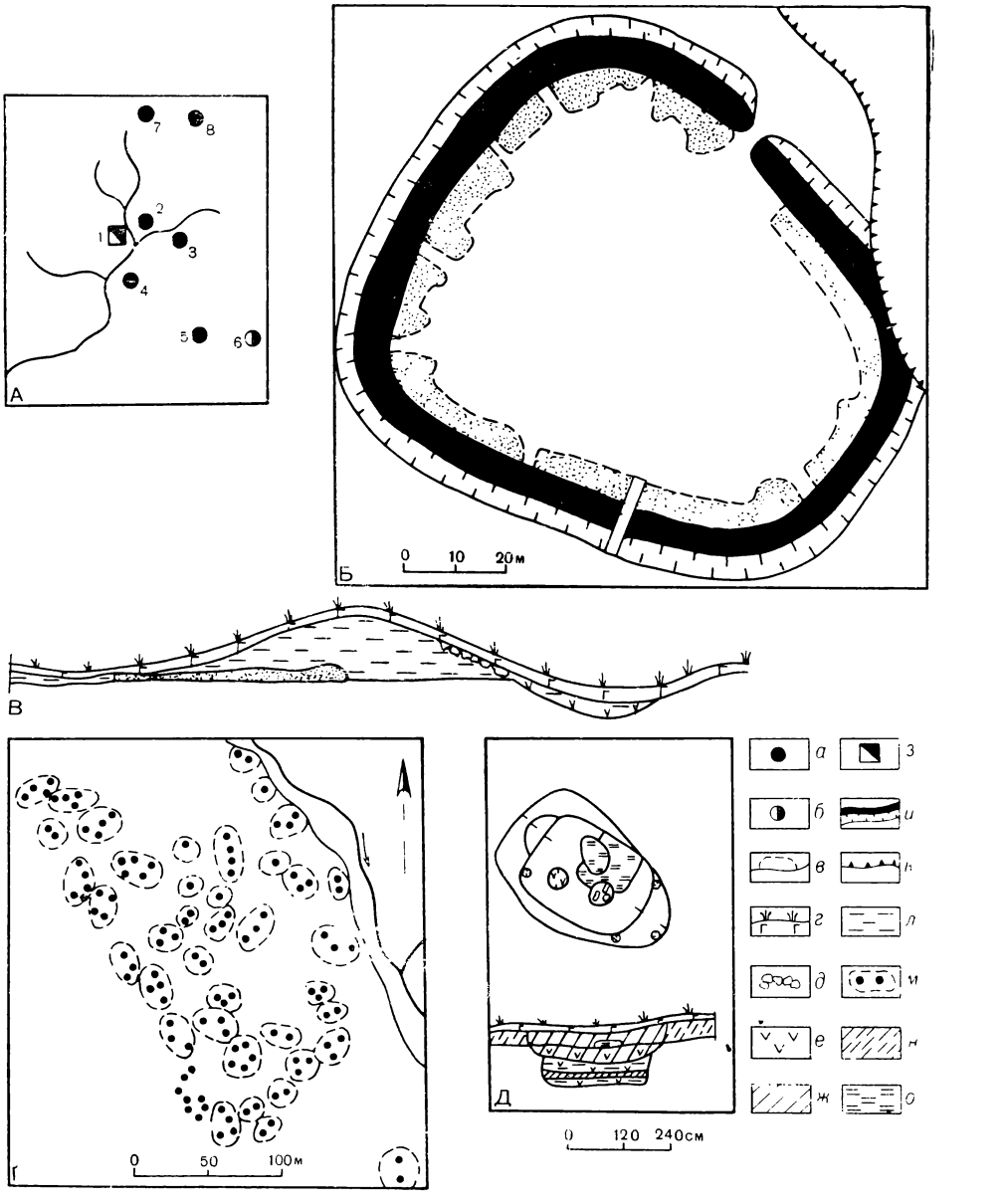


Рис. 53. Магалянское гнездо поселений

А — схема расположения; ***Б*** (*1*) — городище Магала-Круглая канава; ***В*** — профиль вала IX в.; ***Г*** (*4*) — селище Магала-Думбрава; ***Д*** — план и профиль ремесленной мастерской на селище Буда (*3*); ***а*** — селище VIII—X вв.; ***б*** — селище VI—VII вв.; ***в*** — длинный дом; ***г*** — гумус; ***д*** — камни; ***е*** — угли; ***ж*** — серая земля; ***з*** — городище-убежище; ***и*** — вал и ров IX в.; ***к*** — обрыв; ***л*** — глина; ***м*** — группы западин-жилищ; ***н*** — черная земля; ***о*** — обожженная глина

Возле городища на высоком плато сохранилось шесть западин-жилищ. Они расположены вокруг городища (рис. 31, *Б*). При въезде на городище расположены две западины-жилища. Одна из них раскопана. Она оказалась полуземлянкой размерами 2,6×2,6 м, опущенной в материк на 0,4 м. Столбовых ям и отопительных сооружений в ней не обнаружено.

Рядом с городищем-селищем, но на противоположном берегу ручья находится большое поселение VIII—X вв. Кожушна (рис. 31, *Г*). Оно почти со всех сторон окружено оврагами с протекающими по их дну ручьями. На поселении (его размеры 650×250 м) сохранилось более 200 западин-жилищ и несколько западин-погребов. Часть западин находится в густом кустарнике и на план не попала. Второе большое поселение расположено на юго-восток от поселения Кожушна, на высоком левом берегу глубокого оврага, в уроч. Буда (рис. 31, *В*). Приблизительно половина поселения распахана. Здесь выступают темные пятна древних жилищ, где найдены камни от печей, обломки керамики типа Луки Райковецкой и много железных шлаков. Вторая часть поселения находится в лесу, возле дома лесника. Здесь сохранилось около 50 западины-жилища. Раскопана западина, которая оказалась ремесленной мастерской (рис. 53, *Д*). Она была устроена в котловане глубиной 1 м, в котором на разных уровнях обнаружены два очага, найдены железные шлаки, обломки керамики типа Луки Райковецкой. Четыре западины-жилища, расположенные отдельно от остальных западин-жилищ этого поселения, приблизительно в 150 м от них вдоль склона глубокого оврага. Пробными раскопками в одной из них обнаружены остатки сгоревшего сруба.

Большое поселение VIII—X вв. расположено в 1 км к югу от городища-убежища, на правом берегу ручья, в уроч. Думбрава (рис. 53, *Г*). Здесь сохранилось более 120 западин-жилищ, занимающих площадь размерами 350×200 м. Поселение этого же времени есть в центре с. Магала, на восток от церкви, в уроч. Барон. Здесь на огородах колхозников выступают темные пятна, на месте которых найдены обожженные камни, обломки лепной и гончарной керамики типа Луки Райковецкой. Раскопана полуземлянка размерами 3,5×3,8 м, глубиной 0,8 м, в которой обнаружена разрушенная печь-каменка и найдены обломки керамики X в. В долине Прута, на юго-запад от с. Магала, в уроч. Скунтарь, на террасе, ограниченной ручьями, обнаружено семь распаханных печей-каменок и найдены обломки керамики типа Луки Райковецкой.

В с. Ридковцах обнаружено два селища VIII—X вв. Одно из них находится к западу от села, на левом берегу ручья, в уроч. Калатура, а второе — в центре села, на левом берегу ручья, в уроч. Выпханка.

Поселение пражского типа обнаружено в южной части с. Магала, на территории старого кладбища.

19. Малокучуровское гнездо поселений расположено в бассейне р. Кучур, на территории сел Малый Кучуров, Васловицы и Вербовцы Заставновского района Черновицкой области. В его состав входит 10 поселений (рис. 7, *А*).

Крупное поселение (возможно, общинный центр) находится в северо-восточной части с. Малый Кучуров, на обоих берегах р. Кучур, в уроч. Диброва (рис. 7, *А*, *1*). Оно занимает площадь более 4 га. На огородах колхозников выступают распаханные печи-каменки, обломки керамики

типа Луки Райковецкой. Исследованы остатки разрушенной оползнями полуземлянки с печью-каменкой. В западной части поселения сохранился небольшой отрезок оборонительного рва, но время его сооружения не установлено. Второе большое поселение VIII—X вв. находится в 2 км к северо-востоку от с. Малый Кучуров, в лесу, в уроч. «У вояка» (рис. 7, *Б*). Здесь сохранилось более 50 западин-жилищ. На юг от этого поселения, в лесу, на правом берегу ручья, в уроч. Четыре дуба находится девять западин-жилищ (рис. 7, *В*). Еще одно поселение этого же времени обнаружено в центре села, в уроч. Осередок [14].

У с. Вербовцы обнаружены два селища VIII—X вв. Одно из них расположено в центре села, на левом берегу р. Вербивчина, в уроч. Остров, а второе к югу от села, среди болот, в уроч. Толока. У с. Васловцы селища VIII—X вв. обнаружены в урочищах Середний горб (здесь в лесу сохранилось восемь западин-жилищ), Царина, Хабайлы и Койцаны. Поселение пражского типа обнаружено возле с. Вербовцы, в уроч. Толока.

20. Маморницкое гнездо поселений расположено на правом берегу Прута, на территории сел Маморница и Горбова Глыбокского района Черновицкой области. В его состав входят два городища и пять селищ (рис. 54, *А*).

Городище — административно-хозяйственный центр находится в северо-восточной части с. Маморница, на мысу высотой 20 м, в уроч. Лутария. Большая его часть уничтожена глинищем. В 1971 г. в стенке карьера обнаружена траншея от частокола, прикрывавшего городище с напольной стороны. На площадке, ограниченной частоколом, раскопана полуземлянка с печью-каменкой и стенами столбовой конструкции, в которой найдены обломки керамики типа Луки Райковецкой.

Городище-святилище расположено в 1 км от городища-административного центра, у с. Горбова, на невысоком мысу, в уроч. Читате (рис. 54, *Б*). Его центральная площадка диаметром 30 м ограждена кольцевым валом. Раскопки последнего показали, что на его вершине находилась каменная площадка для ритуальных огней. Такую же конструкцию имели валы, ограждавшие две боковые площадки, расположенные на склонах мыса. Культурного слоя на площадках городища не обнаружено. Оно датируется материалами селища, примыкающего к нему, IX—X вв.[15]

Между обоими городищами, на террасе, которая возвышается над долиной Прута на 10 м, находится большое селище. Здесь в траншеях для сахарной свеклы обнаружено несколько десятков полуземлянок с печами-каменками и найдены обломки керамики типа Луки Райковецкой. Раскопаны остатки металлургического горна, найдено много железных шлаков. Селища VIII—X вв. у с. Горбова обнаружены еще в трех пунктах: 1) в 1 км на север от средней школы, на правом берегу Прута, в уроч. Летний лагерь; 2) в северо-восточной части села, в уроч. Уробень и 3) в южной части села, на левом берегу р. Мольницы, в уроч. Рожина.

21. *Михальчанское гнездо* поселений расположено на территории сел Михальча, Камена, Дубова и Гадилов Сторожинецкого района Черновицкой области. В его состав входит семь поселений (рис. 55, *А*). Крупное поселение (возможно, общинный центр) VIII—X вв. находится в западной части с. Михальча, на первой надпойменной террасе правого берега р. Коровля, в уроч. Поляна. На его территории (500×50 м) выделяются

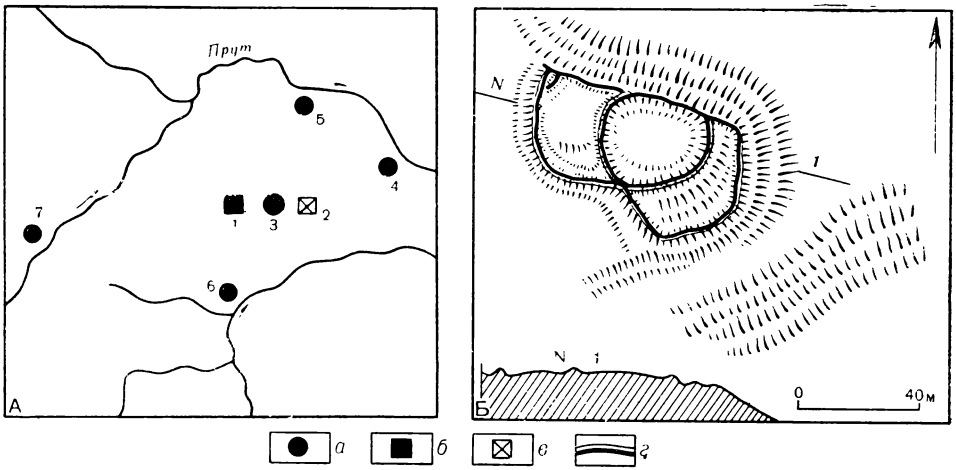


Рис. 54. Маморницкое гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*2*) — городище Горбова; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — городище— административно-хозяйственный центр Маморница; *в* — городище-святилище; *г* — культовый вал

темные пятна древних жилищ. В восточной части на месте одного из пятен раскопана полуземлянка (4,3×3,3 м) с печью-каменкой. На поселении также обнаружена разрушенная железоплавильная печь и найдено много железных шлаков. Второе большое селище этого же времени находится в центре села, на мысе, образованном реками Камена и Малая Стырка, в уроч. Каличанка. Два селища культуры типа Луки Райковецкой обнаружены в центре с. Гадилов, на левом берегу ручья. Поселение культуры пражского типа обнаружено в с. Михальча, в уроч. Перлева.

22. *Острицкое гнездо* поселений расположено на правом берегу Прута, в нижней части бассейна р. Дереглуй, на территории сел Острица, Чагор и Цурень Глыбокского района Черновицкой области. В его состав входит шесть селищ (рис. 55, *Б*).

Крупное поселение (возможно, общинный центр) расположено на границе сел Острица и Цурень, на правом берегу ручья, в уроч. Окопы. Раскопаны остатки полуземлянки с печью-каменкой, в которой найдены обломки лепной посуды типа Луки Райковецкой. Рядом с этим селищем, но на противоположном берегу ручья находится городище, на котором сохранились два оборонительные рва. На площадке городища культурный слой почти полностью уничтожен. Здесь найдены обломки керамики раннежелезного и древнерусского времени.

В центре с. Острица, на левом берегу р. Дереглуй, на первой надпойменной террасе раскопана полуземлянка с печью-каменкой. В ней найдена лепная керамика типа Луки Райковецкой. Большое селище VIII в. находится в 2,5 км в югу от с. Острица, на левом берегу р. Дуреглуй, в уроч. Кодын. В 1974—1979 гг. экспедиция Института археологии АН СССР здесь раскопала 24 полуземлянки с печами-каменками и две ремесленные

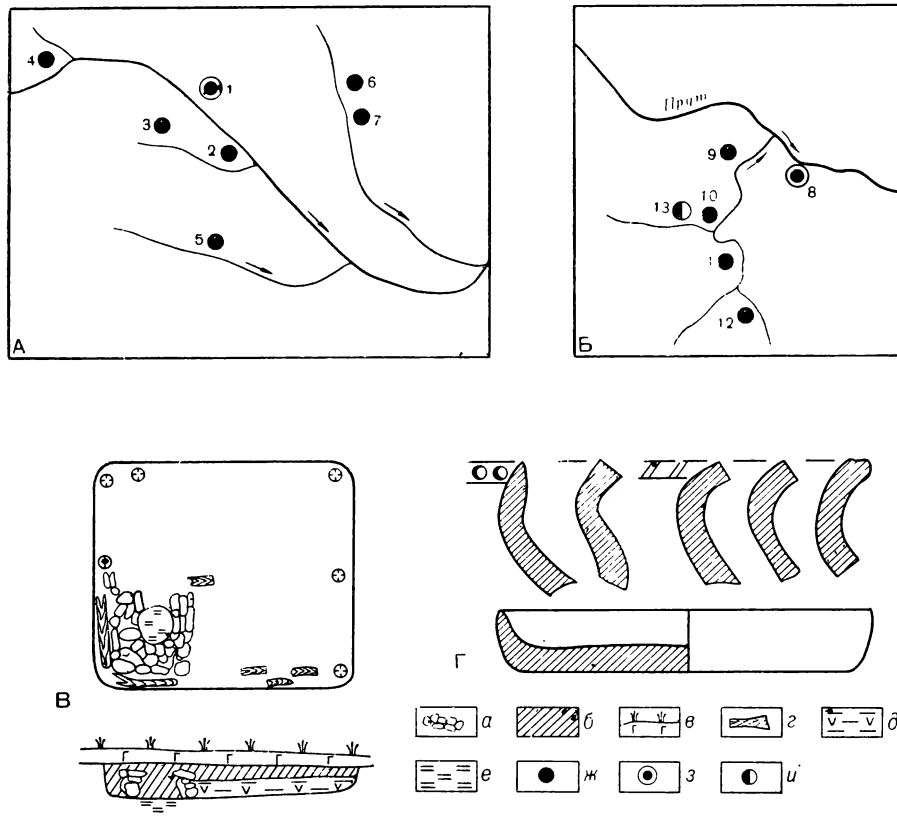


Рис. 55. Гнезда поселений

А — Михальчанское; *Б* — Острицкое; *В* — план и профиль жилища на селище Михальча-Поляна (*1*); *Г* — керамика VIII в. из селища Цурень—Окопы (*8*); *а* — камни; *б* — серая земля; *в* — гумус; *г* — обгоревшее дерево; *д* — глина, смешанная с углями; *е* — обожженная глина; *ж* — селище VIII—X вв.; *з* — поселение — общинный центр; *и* — селище VI—VII вв.

мастерские, представленные керамикой типа Луки Райковецкой. Здесь же раскопаны два селища культуры пражского типа [16].

В 1,5 км к югу от с. Чагор, на первой надпойменной террасе р. Дереглуй, в уроч. Багна находится большое селище VIII—IX вв. Здесь в обрыве берега обнаружены профили полуземлянок с печами-каменками. Еще одно селище этого же времени обнаружено в 1 км к северо-востоку от с. Чагор, на левом берегу р. Дереглуй, в уроч. Левада.

23. Перебыковское гнездо поселений расположено в излучине правого берега Днестра, на территории сел Перебыковцы и Зеленая Липа Хотинского района Черновицкой области. В его состав входят городище, святилище и три селища (рис. 56, *А*).

Городище X—XI вв. находится в 3 км к востоку от с. Перебывцев — на высоком мысу, в уроч. Городище. Укрепления городища X—XI вв. почти полностью уничтожены при строительстве новых оборонительных

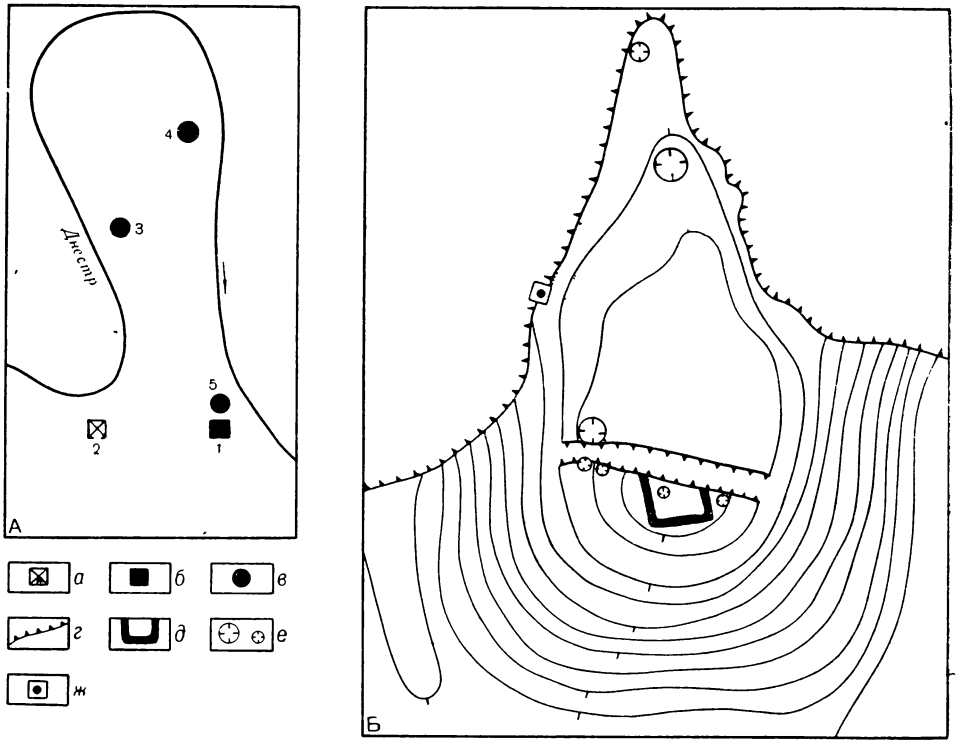


Рис. 56. Перебыковское гнездо повелений

А — схема расположения; ***Б (г)*** — святилище Зеленая Липа; ***а*** — святилище; ***б*** — городище-административно-хозяйственный центр; ***в*** — селище VIII—X вв.; ***г*** — обрыв берега; ***д*** — остатки языческого храма; ***е*** — ямы культовые; ***ж*** — сухой колодец

сооружений в XII—XIII вв. На площадке городища X—XI вв. (ее приблизительные размеры 80×30 м) раскопаны две полуземлянки X—XI вв. с печами-каменками и стенами столбовой конструкции. В подножьи этого городища, на первой надпойменной террасе Днестра находится большое поселение VIII—XIV вв. Здесь в 1970 г. раскопано два углубленных жилища VIII в. и остатки ремесленной мастерской.

Святилище расположено на высоком правом берегу Днестра, у с. Зеленая Липа, в лесу, в уроч. Турецкая Криница (рис. 56, *Б*). Оно представляет собой холм-останец высотой до 10 м и размерами 42×14 м, окруженный ручьями и болотами. На площадке останца, в его самой высшей точке, раскопаны остатки языческого храма X—XII вв. — прямоугольное здание длиной 5,3 м, шириной более 4,2 м, имевшее деревянно-глиняные стены. В середине этого помещения находилась столбовая яма для идола и раскопано погребение взрослого человека, которое находилось в круглой яме диаметром 2 м, глубиной 0,4 м. Возле храма раскопаны культовые ямы и обследован сухой колодец размерами 2,1×2,1 м, глубиной 14,5 м, вырубленный в скале (рис. 56, *Б*, *5*).

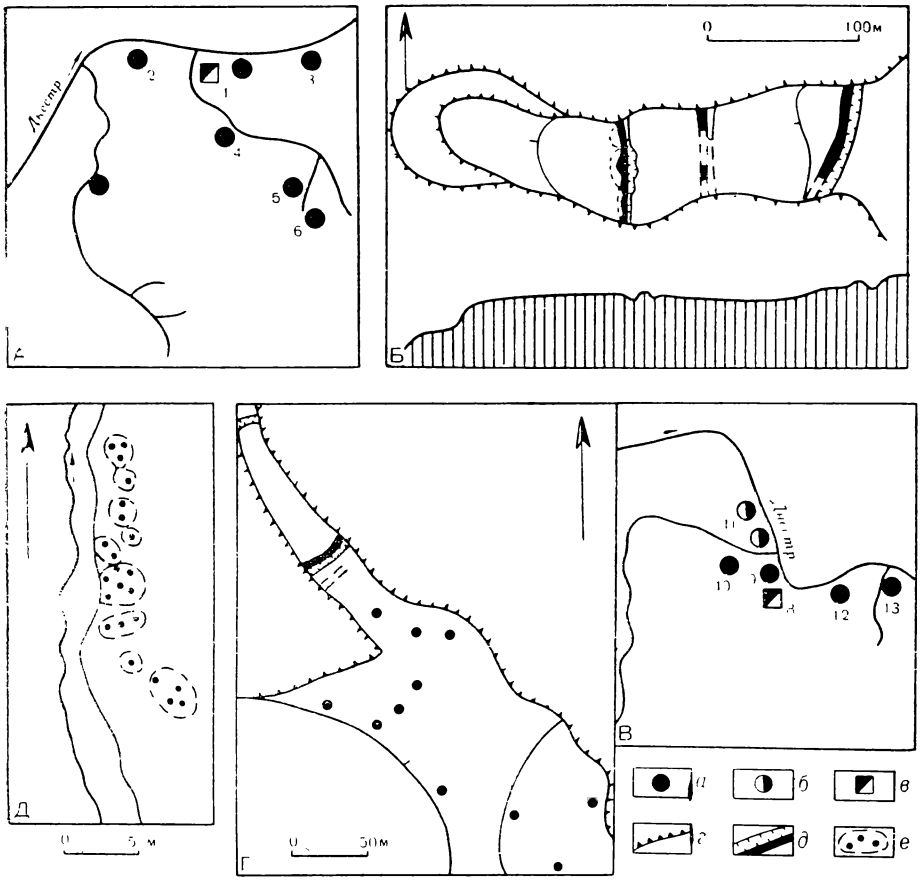


Рис. 57. Гнезда поселений

А — принородское; *В* — Рашковское: *Б* (*1*) — городище Пригородок-Калиновка; *Г* (*8*) — городище Рашков-Щовб; *Д* (*6*) — селище Варница 2; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — селище VI—VII вв.; *в* — городище-убежище; *г* — обрыв; *д* — вал; *е* — группы западин-жилищ

Большое селище VIII в. находится в 3 км к западу от с. Перебыковцы, на первой надпойменной террасе Днестра, в уроч. Лука. Здесь раскопано три полуземлянки с печами-каменками, несколько ям-погребов. В центре этого же села, на первой надпойменной террасе Днестра, в уроч. Долина находится селище VIII—X вв.[17]

24. Пригородокское гнездо поселений расположено на правом берегу Днестра, на территории сел Пригородок и Арестовка Хотинского района Черновицкой области. В его состав входят городище и семь селищ (рис. 57, *А*).

Городище находится в восточной части с. Пригородок, на высоком мысу, в уроч. Калиновка. На нем сохранились три вала с заплывшими рвами (рис. 57, *Б*). На центральной площадке обнаружен культурный слой

XII—XIII вв. Раскопки на городище не проводились. У подножья городища, на обоих берегах р. Варница находится большое поселение VIII—XIII вв. Второе большое селище VIII—X вв. расположено в 2 км к юго-западу от с. Пригородок, на обоих берегах ручья, в уроч. Гумма. Еще одно большое поселение этого же времени расположено в 2 км к северо-востоку от с. Пригородок, на правом высоком берегу Днестра, в уроч. Татарская Криница. Большая его часть уничтожена карьером для гравия. Селища VIII—X вв. обнаружены еще в трех местах с. Пригородок: 1) в центре села, в уроч. Цвынтарь (здесь раскопана полуземлянка с печью-каменкой); 2) в 3 км к югу от села, у верховья р. Варница, на обоих берегах ручья (здесь раскопана углубленная постройка с очагом); 3) в 300 м к юго-востоку от второго поселения, в лесу Варница, на правом берегу ручья (приток р. Варницы) сохранилось 22 западины-жилища (рис. 57, *Д*). Еще одно поселение VIII—X вв. обнаружено в 2 км к северу от с. Аристовка, на правом берегу ручья, в уроч. Довга долина [18].

25. Рашковское гнездо поселений расположено на правом берегу Днестра, на территории сел Рашков и Гордевцы Хотинского района Черновицкой области. В его состав входят городище и шесть селищ (рис. 57, *В*). Городище-убежище находится к востоку от с. Рашков, на высоком мысу правого берега Днестра, в уроч. Щовб (рис. 57, *Г*). Его площадка (100××30 м) с напольной стороны ограждена невысоким валом и заплывшим рвом. Основу оборонительной линии, как показали раскопки, составляла деревянная стена, усиленная с внешней стороны глиняным откосом (его остатками является вал), а с внутренней стороны к ней примыкал длинный дом шириной до 3 м (от него сохранился слой угля). Рядом с городищем, на том же высоком мысу находится селище-спутник этого городища. На этом селище в лесу сохранилось 13 западин-жилищ. Пробными раскопками в одной из них обнаружены на глубине 1,5 м обожженные камни и обгоревшие бревна.

У подножия мыса, на котором расположено городище, на первой надпойменной террасе Днестра, в уроч. Левада полностью раскопано селище VIII—IX вв. (Рашков I). Исследовано 80 полуземлянок с печами-каменками, железоплавильный горн и 11 ям-погребов. Поселение этого же времени обнаружено в центре с. Рашков, на левом берегу р. Бражанка, возле школы. На первой надпойменной террасе Днестра, у с. Гордевцы обнаружены два селища VIII—X вв.: 1) к восток от села, в уроч. Лозы и 2) к западу от села, в уроч. Перелог.

Поселения культуры пражского типа исследованы у с. Рашков, на первой надпойменной террасе Днестра, в уроч. Диброва. На селище Рашков II раскопано 14 полуземлянок с печами-каменками и на селище Рашков III раскопано 92 полуземлянки с печами-каменками, много ям-погребов. Еще одно селище культуры пражского типа обнаружено у с. Гордевцы, в уроч. Лозы [19].

26. Ревнянское гнездо поселений расположено на обоих берегах Прута, на территории сел Ревно, Стрилецкий Кут, Бурдей, Новоселка и Лужаны Кицманского района Черновицкой области. В его состав входят два городища и 10 селищ (рис. 58, *А*). Первое городище (Ревно I), которое является остатками убежища IX в. и княжеской крепости X в., находится к югу от с. Ревно, в лесу, на высоком мысу, в уроч. Городище (рис. 25, *А*).

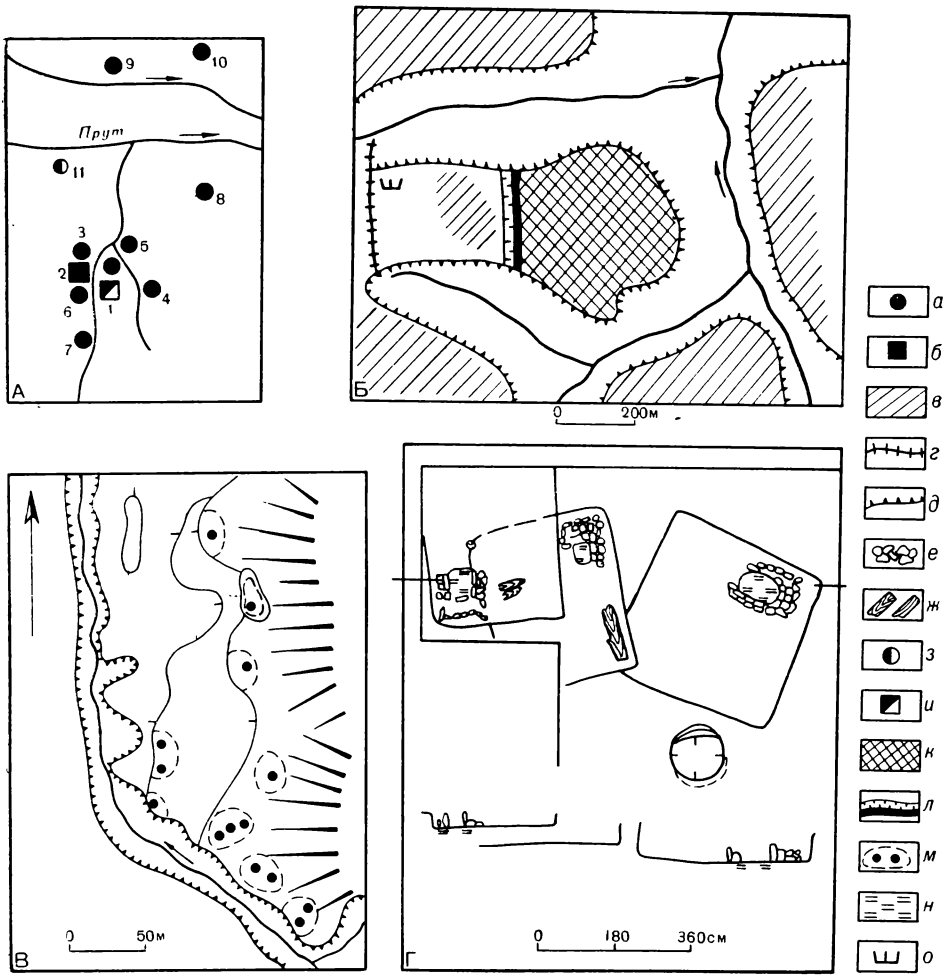


Рис. 58. Ревнянское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*2*) — городище Ревно-Царина; *В* (*4*) — селище Кидрына; *Г* — жилища на городище Ревно-Царина; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — городище VIII—X вв.; *в* — территория селища; *г* — вал раннежелезного века; *д* — крутой склон; *е* — камни; *ж* — обгоревшее дерево; *з* — селище VI—VII вв.; *и* — городище-убежище IX в.; *к* — территория ремесленного поселения; *л* — вал IX в.; *м* — группы западин-жилищ; *н* — обожженная глина; *о* — могильник IX—X вв.

Основу оборонительной линии убежища, как показали раскопки, составляла деревянная стена столбовой конструкции, усиленная с напольной стороны глиняным откосом, а с внутренней стороны к ней примыкали длинные наземные дома. На укрепленной площадке городища-убежища (600××400 м) стационарных жилищ IX в. не обнаружено. В ее западной части, возле западного въезда, располагался могильник. На нем исследовано 53 сожжения в ямках, остатки крематория и культовая площадка. Рядом

с городищем-убежищем, на том же высоком мысу со стороны поля располагается селище-спутник этого городища. На его территории сохранилось 20 западин-жилищ, из которых 12 раскопано. В конце IX—начале X в. селище-спутник и оборонительные сооружения убежища были сожжены, и на их месте построена княжеская крепость.

Центральная площадка княжеской крепости (300×160 м) со всех сторон была ограждена сплошным рядом оборонительных срубов, поставленных на валу-платформе. Кроме главной, княжескую крепость обороняли дополнительные укрепленные линии. На укрепленной площадке раскопаны постройки, которые примыкали непосредственно к оборонительной линии (две полуземлянки и пять срубных домов, расчлененных по вертикали), три срубные дома с подвалами, обнаружены большие наземные дома, стены которых были из плетня, обмазанного глиной.

Рядом с городищем-княжеской крепостью на высоком мысу находится селище-спутник X в. На его территории раскопаны два длинные дома, три ремесленные мастерские, 16 полуземлянок с печами-каменками, три нишеобразные печи для выпечки хлеба и усадьба земледельца.

Второе городище (Ревно II), которое в IX в. было общинным центром, а в X в. городским посадом, расположено к юго-западу от с. Ревна, на невысоком мысу, в уроч. Царина. Его площадка (450×450 м) с напольной стороны была укреплена в IX в. деревянной стеной столбовой конструкции, а в X в. стенами срубной конструкции, поставленными на валу-платформе. На этой площадке раскопано 11 полуземлянок с печами-каменками, пять ремесленных мастерских и яма-погреб. Полуземлянки обнаружены и за пределами укреплений, на мысу Царина.

Селища VIII—X вв. в Ревне обнаружены еще в шести пунктах: 1) в южной части села, на обоих берегах р. Ревняк (здесь раскопано четыре полуземлянки с печами-каменками); 2) в юго-восточной части села, на обоих берегах р. Лищик; 3) в западной части села, на высоком мысу, в уроч. Микулинка (раскопано две полуземлянки с печами-каменками и две ямы-погреба); 4) в юго-западной части села, на высоком плато, в уроч. Гевда; 5) к востоку от села, в лесу, в уроч. Кидрина (здесь раскопана усадьба крестьянина IX—X вв.); 6) в 2,5 км к югу от села, на левом берегу р. Ревняк, в уроч. Веретинниково (раскопана полуземлянка с печью-каменкой).

На левом берегу Прута селища VIII—X вв. обнаружены в двух пунктах с. Новосилка: 1) на левом берегу р. Совица, в уроч. Селище (территория колхозного двора); 2) в 3 км к северу от села, в уроч. Гуцулка. Поселение культуры пражского типа находится в центре с. Бурдей, в уроч. Расинкова [20].

27. Рудниковское гнездо поселений расположено на правом берегу Прута, на территории с. Рудники Снятинского района Ивано-Франковской области. В его состав входят городище и три селища (рис. 20, *А*). Городище-святилище расположено к востоку от села, в лесу, на высоком холме правого берега р. Рыбница, в уроч. Копана гора. Здесь на склонах холма сохранились культовые рвы двух святилищ: раннежелезного века и древнерусского времени (рис. 20, *Б*). На самом высоком конусообразном возвышении, на его верхней площадке (10×6 м) обнаружены остатки культового здания X—XII вв., стены которого были деревянными и об-

мазаны глиной. У подножия этого конусообразного возвышения находится кольцевой ров X—XII вв. На его плоском дне находятся остатки трех каменных площадок-алтарей (рис. 20, *В*).

На западном склоне городища, на месте засыпанного рва раннежелезного века находился наземный дом длиной около 70 м, шириной 3,6 м. От него сохранился культурный слой толщиной 20—30 см, насыщенный углем, остатками дерева, кусками глиняной обмазки и обломками посуды XI в.

В северной части холма, рядом со святилищем расположено селище X—XI вв. Здесь обнаружены две полуземлянки, разрушенные оползнем. Селище этого же времени располагается к югу от святилища, у подножья Копаной горы, на правом берегу ручья, в уроч. Городище (на месте лесорассадника). Еще одно селище этого же времени находится в 300 м к западу от святилища, на правом берегу р. Рыбница, в уроч. Поляна. Здесь в лесу сохранилось пять западин-жилищ. Остальная часть селища занята сенокосом, где также обнаружены углубленные постройки. Полуземляночные жилища X—XI вв. обнаружены на левом берегу р. Рыбница, в центре села, на территории колхозного двора [21].

28. Рухотинское гнездо поселений расположено на правом берегу Днестра, на территории сел Рухотины и Гренячка. В его состав входят городище и восемь селищ (рис. 42, *А*).

Городище-святилище находится к югу от села, на северном склоне высокого холма, в уроч. Замчище (рис. 42, *Б*). Вал высотой до 0,8 м имеет форму дуги, которая начинается у подножия мыса, возле источника воды и своими концами немного не доходит до укреплений раннежелезного века, расположенных на вершине мыса. Прорезка вала в его южной части показала, что насыпь состоит из кусков сильно обожженной глины, углей, обожженных камней. В насыпи найдены кальцинированные кости и обломки славянской керамики. На площадке, ограниченной культовым валом (размеры площадки 130×60 м), раскопана яма диаметром 0,5 м, глубиной 0,25 м, дно которой было посыпано углями. В яме найдены обломки лепных и гончарных горшков типа Луки Райковецкой. Здесь же, во время земляных работ найдена круглая каменная плита диаметром 0,8 м, толщиной 22 см. Ее поверхность хорошо обработана, и она могла использоваться как жертвенник (на плите сохранились следы огня).

Со всех сторон возле городища-святилища расположены селища VIII—X вв.: 1) на территории городища раннежелезного века; 2) на склонах мыса (здесь раскопана полуземлянка с печкой-каменкой); 3) на восток от святилища, на левом берегу ручья; 4) на север от святилища (здесь в лесу сохранились две западины-жилища) [22].

Большое селище VIII—X вв. находится к востоку от с. Рухотин, в лесу, на высоком правом берегу Днестра, на территории городища раннежелезного века, в уроч. Старые скалы (рис. 42, *В*). Здесь сохранилось 58 западин-жилищ. На месте одной из западин обнаружена печь-каменка. Еще одно селище этого же времени расположено в 2 км от с. Рухотин, вниз по Днестру, на его первой надпойменной террасе, в уроч. Левада.

Возле с. Гренячка селища VIII—X вв. обнаружены в двух местах: 1) к югу от села, в лесу, на левом берегу ручья, в уроч. У моста (здесь сохранилось 43 западины-жилища, в одной из них обнаружена печь-

жаменка); 2) на первой надпойменной террасе Днестра, в уроч. Мельница (здесь в обрыве берега зафиксированы три полуземлянки с печами-каменками).

Поселение культуры пражского типа обнаружено в северо-восточной части с. Рухотин, на первой надпойменной террасе Днестра, в уроч. Морфлот.

29. Садгорское гнездо поселений расположено на левом берегу Прута, на территории современного г. Черновцы. В его состав входят городище и семь селищ (рис. 59, *А*).

Городище-убежище находится в 1 км к северо-востоку от ул. Сибирской, в Новожучковском лесу, на высоком мысу, в уроч. Червона глина. Его центральная площадка (240×120 м) со всех сторон ограждена невысоким валом (рис. 59, *Б*). Прорезка вала показала, что основу оборонительной линии составлял частокол, от которого сохранилась траншея глубиной 1,1 м, шириной 0,6 м. Этот частокол с внешней стороны был усилен глиняным откосом, а с внутренней стороны к нему примыкал длинный дом шириной 3 м. Внешний склон откоса был вымощен каменными плитами. Частокол, как показало изучение стратиграфии оборонительной линии, был построен на месте разрушенной укрепленной линии, основу которой составляла стена из горизонтально уложенных бревен. Она также была усилена глиняным откосом, а с внутренней стороны к ней примыкал длинный дом шириной 3,2 м. Культурного слоя на площадке городища не обнаружено.

Со всех сторон городища сохранились западины-жилища. Больше всего их находится с напольной стороны, на месте земляных укреплений раннежелезного века. Здесь сохранилось более 80 западин-жилищ. Одна из них раскопана, и в ней обнаружена полуземлянка (3×3 м) X в. с печью-каменкой (рис. 59, *Г*).

Большое селище VIII—X вв. находится в Садгоре, на огородах по ул. Серова и Виноградному переулку. Здесь обнаружено несколько десятков распаханных печей-каменок. На селище этого же времени в Старожучковском лесу, в уроч. Парикова сохранилось больше 80 западин-жилищ. Раскопанная западина оказалась полуземлянкой X в. с печью-каменкой. Еще одно большое поселение этого же времени расположено на территории Садгорского лесничества. Здесь сохранилось 54 западины-жилища. Раскопана полуземлянка (3×3 м) с печью-каменкой. На ее полу найдены обломки лепной керамики, а в заполнении котлована — обломки лепной и гончарной керамики типа Луки Райковецкой. Поселения этого же времени обнаружены еще: 1) на огородах по ул. Дунайской, в уроч. Мошков и 2) на огородах по ул. Сибирской, на правом берегу ручья, в уроч. Старечий кут.

Поселение культуры пражского типа обнаружены по ул. Коминтерна, в уроч. Хмарна [23].

30. Снячевское гнездо поселений расположено на территории сел Снячев и Великий Кучуров Сторожинецкого района Черновицкой области. В его состав входят городище и пять селищ (рис. 60, *А*). Городище-убежище расположено к югу от с. Снячев, в лесу Паланка, на мысу, в уроч. Окопы (рис. 60, *Б*). Его площадка (220×150 м) с трех сторон окружена глубокими оврагами, а с четвертой — тремя, расположенными один возле

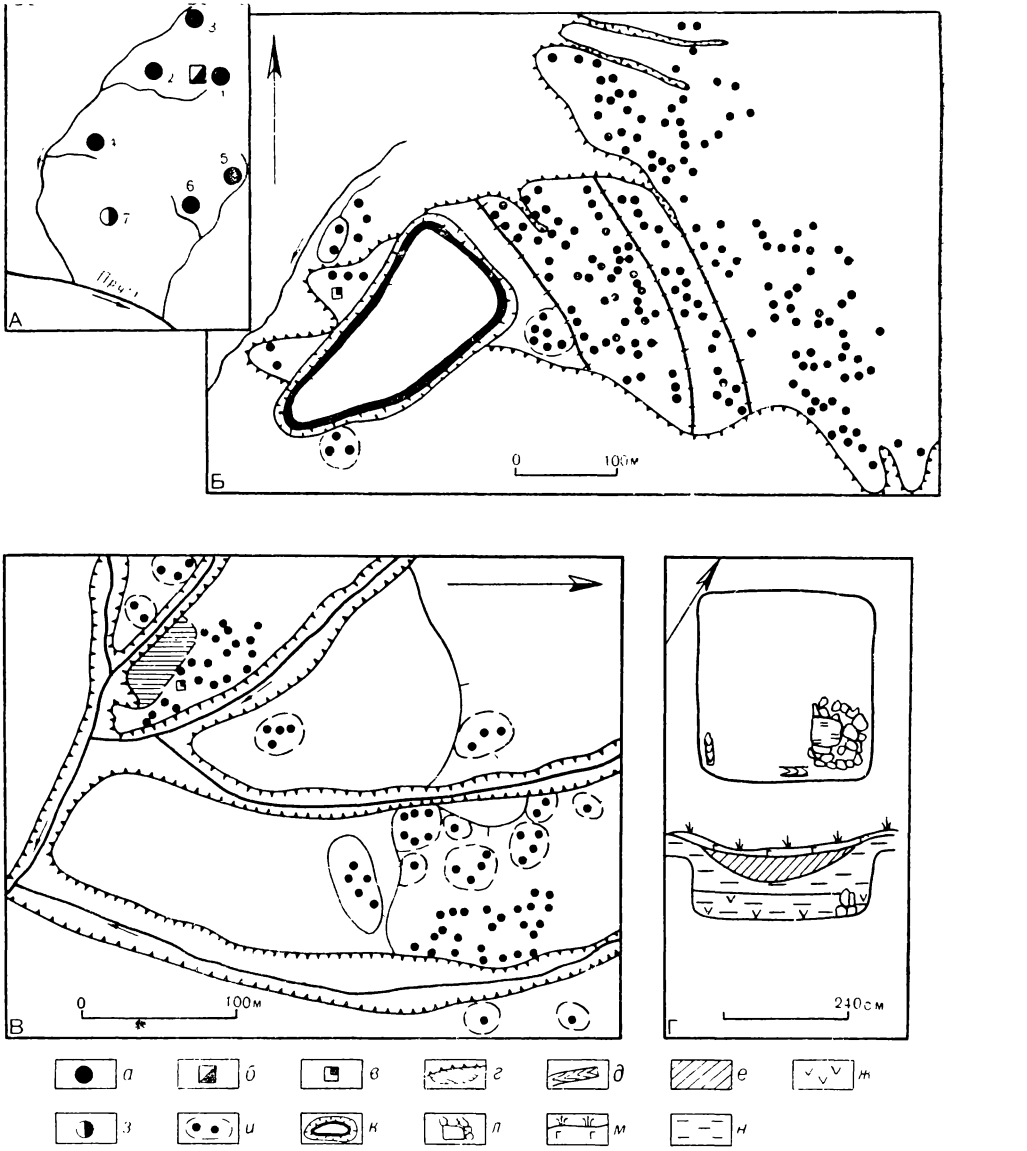


Рис. 59. Садгорское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — городище Новая Жучка; *В* (*6*) — селище Парикова; *Г* — план и профиль жилища на селище 1; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — городище-убежище; *в* — раскопанное жилище; *г* — площадка общего пользования; *д* — обгоревшее дерево; *е* — серая земля; *ж* — угли; *з* — селище VI—VII вв.; *и* — группы западин-жилищ; *к* — вал и ров IX в.; *л* — камни; *м* — гумус; *н* — глина

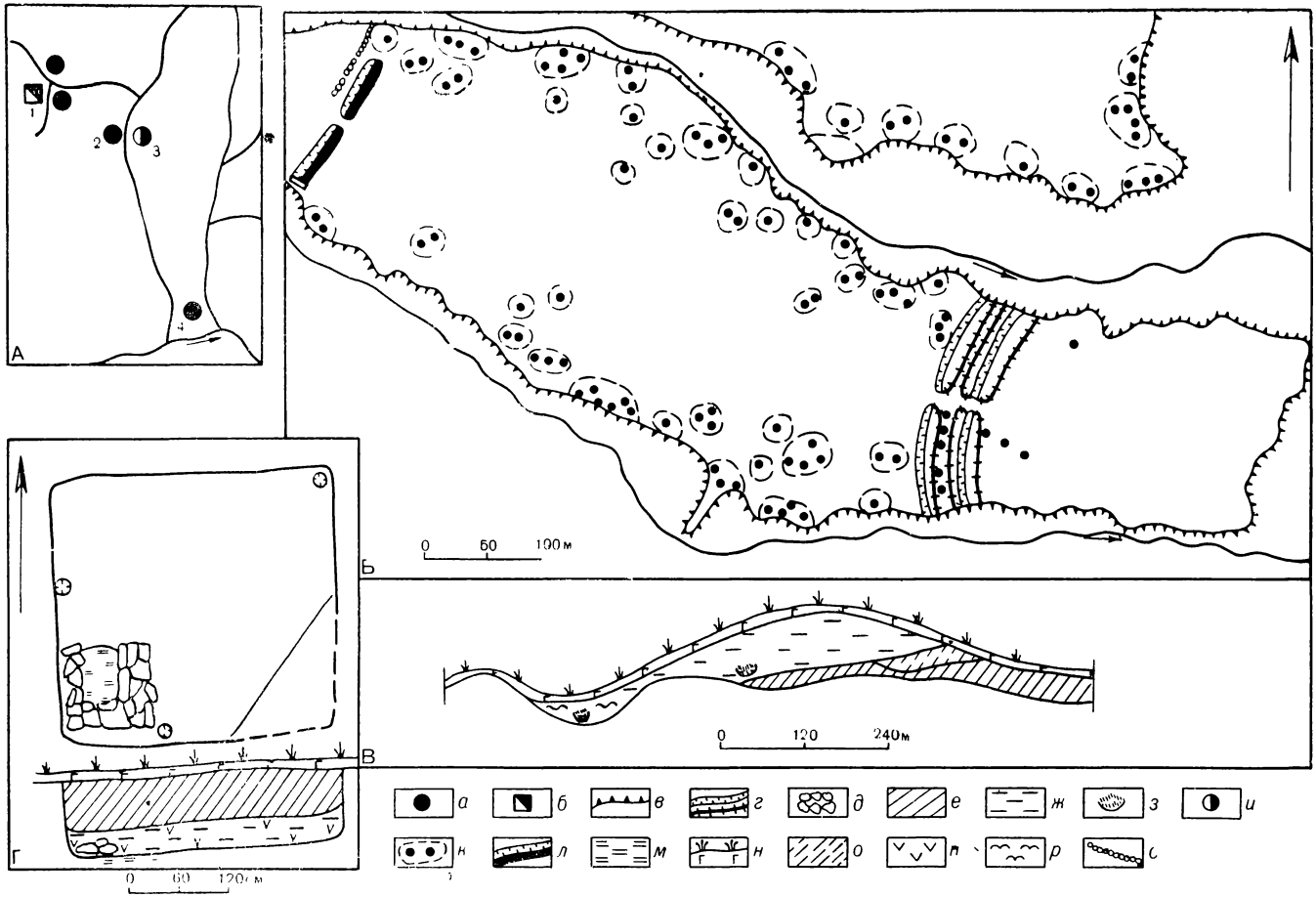


Рис. 60. Снячевское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*)— городище Снячев-Окопы; *В* — профиль вала X в.; *Г* — план и профиль жилища на селище 2; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — городище IX—X вв.; *в* — обрыв; *г* — вал раннежелезного века; *д* — камни; *е* — темно-серая земля; *ж* — глина; *з* — сгоревшее дерево; *и* — селище VI—VII вв.; *к* — группы западин-жилищ; *л* — вал древнерусского времени; *м* — обожженная глина; *н* — гумус; *о* — светло-серая глина; *п* — угли; *р* — зола; *с* — следы частокола

другого валами раннежелезного века. Между внешним и средним валами сохранились пять западин-жилищ VIII—X вв.

Рядом с городищем, на том же мысу, располагается большое поселение VIII—X вв. На нем сохранилось более 70 западин-жилищ. В последний период своего существования (X в.) поселение было укреплено частоколом, от которого сохранилась траншея шириной 0,50 м, глубиной 0,6 м. Рядом с траншеей находится вал, сооружение которого не было закончено. При прорезке вала в его насыпи обнаружено обгоревшее бревно, лежавшее вдоль внешнего склона вала.

К северу от укрепленного поселения, на противоположном берегу оврага находится селище IX—X вв., на котором сохранилось 20 западин-жилищ. Большое селище VIII—X вв. находится в восточной части с. Снячев, на обоих берегах речки, в уроч. Садовый кут. Раскопаны две полуземлянки с печами-каменками. Еще одно селище VIII—X вв. обнаружено в центре с. Великий Кучуров, на левом берегу р. Дереглуй, в уроч. Селище. Поселение культуры пражского типа обнаружено в с. Снячев, на левом берегу реки, в уроч. Толока.

31. Червонодибровское гнездо поселений расположено в верховье р. Дереглуй, на территории сел Червона Диброва и Глыбока Глыбокского района Черновицкой области. В его состав входят два городища и три селища (рис. 9, *А*).

Городище-убежище находится в западной части с. Червоная Диброва, на высоком холме, в уроч. Городище (рис. 9, *Б*). Его площадку ограждают крутые склоны, а с двух доступных сторон — заплывшие рвы и распаханные валы. Прорезка напольного вала показала, что основу оборонительной линии составляла стена из горизонтально положенных бревен, закрепленных столбами. С внутренней стороны к этой степе примыкал длинный дом шириной около 3,5 м, а с внешней стороны стена была усилена глиняным откосом с каменной сердцевиной. За пределами городища, на том же холме обнаружено три полуземлянки с печами-каменками. К югу и западу от городища, у подножия холма находится большое селище VIII—X вв.

Второе городище расположено в 3 км от Червонодибровского городища, к северу от с. Глыбока, в лесу, на высоком мысу, в уроч. Замчище (рис. 9, *В*). Его площадка (35×40 м) с напольной стороны ограждена уступом высотой 2 м и тремя валами раннежелезного века. Вдоль валов, с их внешней стороны имеются горизонтальные площадки — следы длинных домов. На их территории обнаружен культурный слой, в котором найдены обломки славянской керамики. К югу от городища, на левом берегу ручья, в уроч. у Широкого Дуба находится селище, на котором сохранилось 18 западин-жилищ (рис. 9, *8*).

Поселение культуры пражского типа исследовалось в 3 км к востоку от с. Глыбокой, на обоих берегах р. Котовец, в уроч. Словачина [24].

32. Черновицкое Первое гнездо поселений расположено на правом берегу Прута, в юго-западной части г. Черновиц, в бассейне р. Клокчука. В его состав входят городище и четыре селища (рис. 32, *А*). Городище-убежище находится в верховье р. Клокучука, выше ул. Лазарная, на месте городища раннежелезного века, в уроч. Турецкая Поляна (рис. 32, *В*). Прорезка внутреннего вала показала, что основу укрепленной линии

IX в. составляла деревянная стена, усиленная с внешней стороны глиняным откосом. На укрепленной площадке (40×38 м) культурного слоя IX в. не обнаружено. К северу от городища, на левом берегу ручья находится синхронное селище.

Большое селище VIII—X вв. расположено к востоку от городища, на левом берегу р. Клокучка, на огородах по ул. Межибродская, Алексеева и др. Здесь исследовано три полуземлянки с печами-каменками, которые разрушались оползнями. Еще одно селище этого же времени находится на высоком левом берегу той же реки, на огородах по ул. Стрийская, № 58—60 (здесь раскопано семь полуземлянок VIII—IX вв.).

Поселение культуры пражского типа находится на левом берегу р. Клокучка, в районе ул. Стрийская, 7.

33. Черновицкое Второе гнездо поселений расположено в восточной части г. Черновцы. В его состав входят городище и три селища (рис. 32, *Б*). Городище расположено на мысу рядом с турбазой «Черновцы», где стоит каменная церковь XVIII в. При строительстве этой церкви культурный слой здесь был почти полностью уничтожен. Лишь на территории церковного кладбища обнаружены две полуземлянки с печами-каменками. Они датируются IX в. К городищу примыкает большое селище IX—X вв. Большая часть этого селища занята постройками турбазы. На селище в нескольких местах при земляных работах были обнаружены полуземлянки с печами-каменками. Одна из них раскопана.

Второе селище VIII—X вв. находится на территории музея народного быта и архитектуры, на левом берегу ручья. Здесь раскопана полуземлянка с печью-каменкой и стенами столбовой конструкции. В ней найдены обломки лепных сосудов типа Луки Райковецкой и костяная проколка.

Поселение культуры пражского типа находится на огородах по ул. Любарская, в уроч. Царина. На нем раскопано восемь полуземлянок с печами-каменками [25].

34. Черновское гнездо поселений расположено в верховье р. Мошков, на территории с. Черновка Новоселицкого района Черновицкой области. В его состав входят девять селищ (рис. 28, *А*). Крупное поселение — общинный центр Черновка II находится в 1,5 км от села, на обоих берегах ручья, в уроч. Рулы (рис. 35, *Г*). На его территории в лесу сохранилось 160 западин-жилищ и 17 западин от агломерационных печей. Часть поселения распахана. Раскопано шесть полуземлянок с печами-каменками и две агломерационные печи. Ниже по течению ручья Рулы располагается селище Черновка I. На нем раскопано более 20 полуземлянок V—X вв., пять из которых относятся к культуре пражского типа. Еще одно большое селище VIII—X вв. — Черновка III находится в 1 км к западу от села, на левом берегу р. Солонец, в лесу, в уроч. Малые ярки. Здесь сохранились 32 западины-жилища, четыре из которых раскопаны. К селищу примыкает курганный могильник, насчитывающий более 80 невысоких курганов, 10 курганов раскопано. В них обнаружены остатки кремации покойников, находившиеся на древнем горизонте и в неглубоких ямках.

Селища VIII—X вв. обнаружены: 1) в северной части села, на правом берегу р. Солонец (Черновка V); 2) к юго-западу от села, на правом берегу

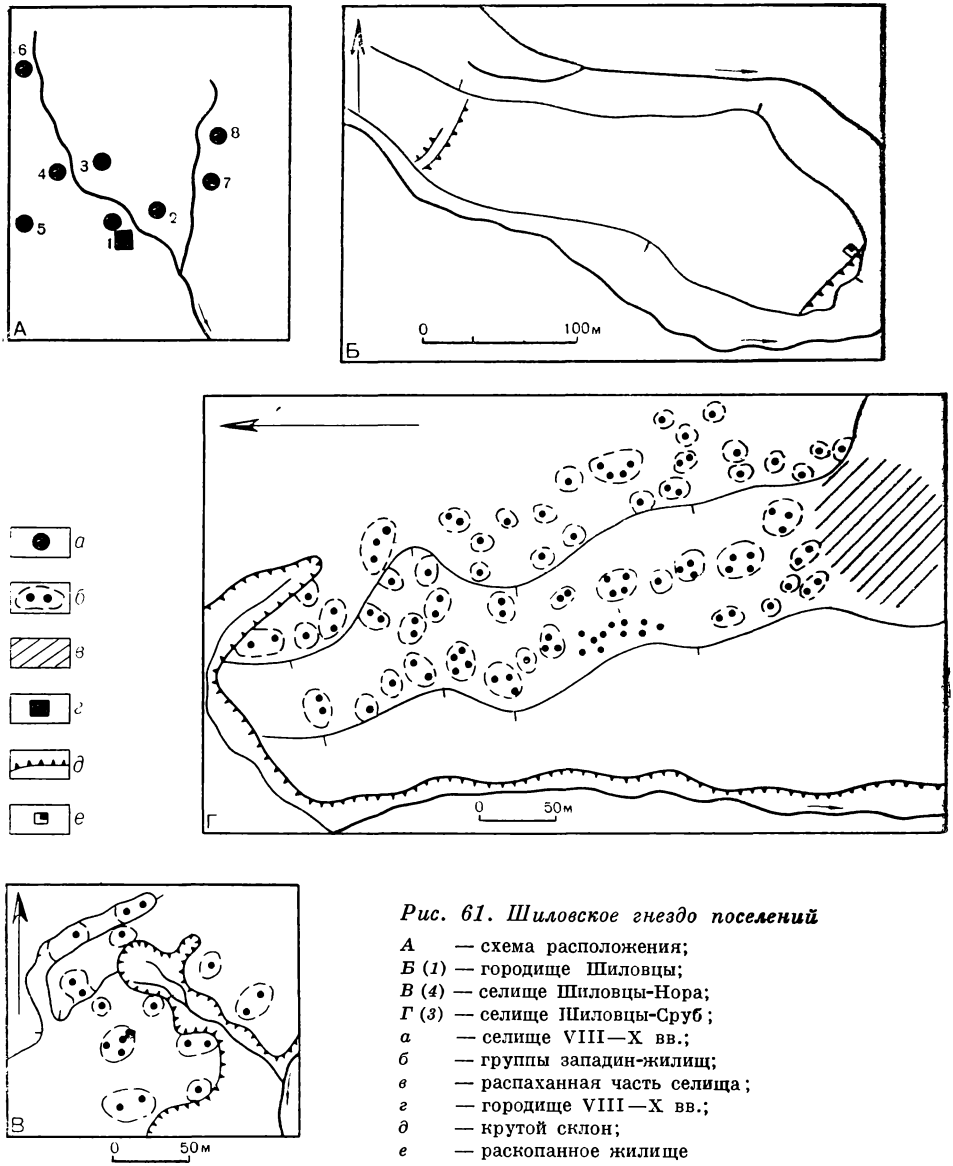


Рис. 61. Шиловское гнездо поселений

А — схема расположения;
Б (*1*) — городище Шиловцы;
В (*4*) — селище Шиловцы-Нора;
Г (*3*) — селище Шиловцы-Сруб;
а — селище VIII—X вв.;
б — группы западин-жилищ;
в — распаханная часть селища;
г — городище VIII—X вв.;
д — крутой склон;
е — раскопанное жилище

р. Сухой яр, в лесу, в уроч. Цигане (Черновка VI), где **сохранилось 39** западин-жилищ (рис. 35, *Б*); 3) в 1 км к западу от села, **на правом берегу** р. Вила, в уроч. Падиволос (Черновка VII), где сохранилось **15 западин-**жилищ; 4) в 4 км к югу от села, на правом берегу р. **Мошков, в уроч.** Турецкая могила и 5) в северо-западной части села, **на правом берегу** р. Солонец, в уроч. Выгона (Черновка IV) [26].

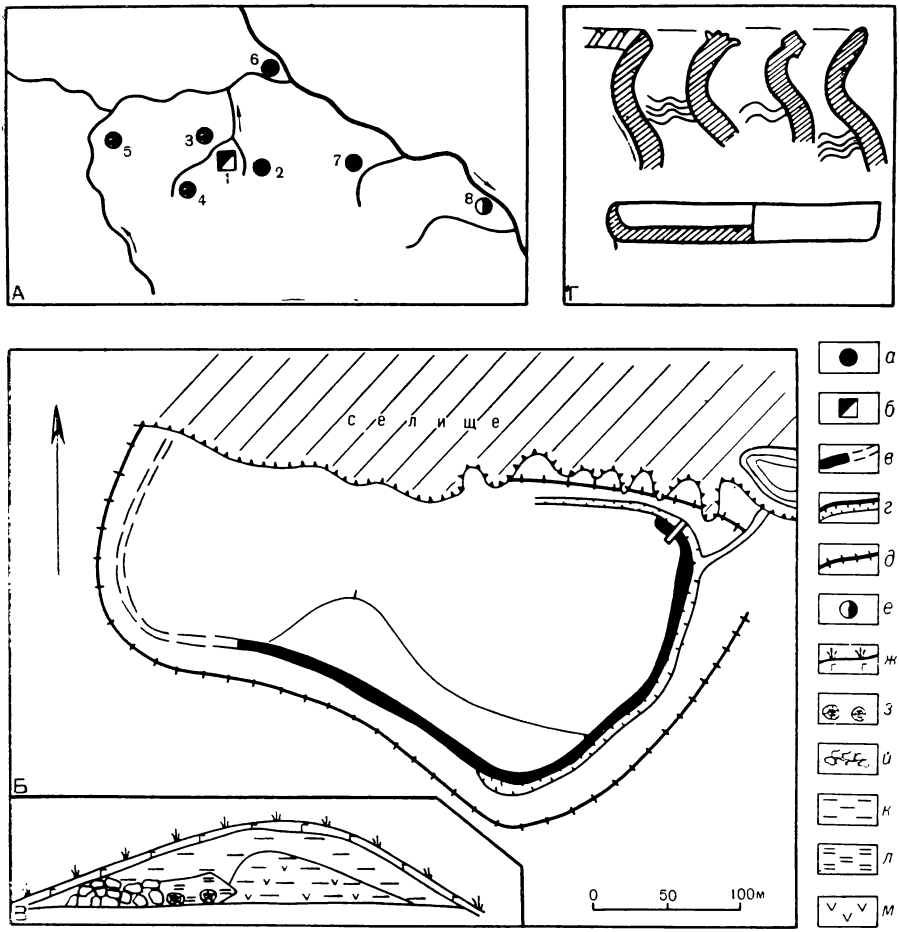


Рис. 62. Широкополянское гнездо поселений

А — схема расположения; *Б* (*1*) — городище Широкая Поляна-Коргана; *В* — профиль вала IX в.; *Г* — керамика из селища 3; *а* — селище VIII—X вв.; *б* — городище-убежище; *в* — вал IX в.; *г* — ров; *д* — вал раннежелезного века; *е* — селище VI—VII вв.; *ж* — гумус; *з* — обгоревшие бревна; *и* — камни; *к* — глина; *л* — обожженная глина; *м* — угли

35. Шиловское гнездо поселений расположено в верховьях р. Рынгач, на территории сел Шиловцы, Бочковцы и Малинцы Хотинского района Черновицкой области. В его состав входят городище и восемь селищ (рис. 61, *А*). Городище находится в северо-западной части с. Шиловцы, на невысоком мысу правого берега ручья, в уроч. Таисин горб (рис. 61, *Б*). Его площадка (240×90 м) с напольной стороны ограждена заплывшим рвом. На краю площадки исследована разрушенная оползнем полуземлянка с печью-каменкой. За пределами городища, на правом берегу ручья исследованы остатки наземного дома (10×4 м).

Большое селище расположено к северу от городища, в лесу, на левом берегу ручья, в уроч. Сруб. Здесь сохранилось 92 западины-жилища (рис. 61, *Г*). Одна из них раскопана. Это была полуземлянка (4,0×3,7 м) с печью каменкой. В ней найдена керамика X в. Часть селища занята под усадьбы местных жителей. На противоположном берегу ручья, в уроч. Нора сохранилось более 20 западин-жилищ (рис. 61, *В*). Еще одно селище этого времени обнаружено на левом берегу этого же ручья, в уроч. Фундоя.

Два селища VIII—X вв. обнаружены в с. Бочковцы: 1) в центре села, возле школы и 2) к западу от села, под лесом, в уроч. Панский лес. На территории с. Малинцы также обнаружены два селища VIII—X вв.: 1) в центре села, на правом берегу ручья и 2) в северо-западной части села, в уроч. Толока.

36. Широкополянское гнездо поселений расположено на правом берегу р. Серет, на территории сел Широкая Поляна и Каменка Глыбокского района Черновицкой области. В его состав входят городище и семь селищ (рис. 62, *А*).

Городище-убежище находится в 1,5 км к юго-востоку от с. Широкая Поляна, на высоком плато правого берега р. Серет, на месте городища раннежелезного века, в уроч. Коргана (рис. 62, *Б*). Основу славянского вала, который ограждает площадку размерами 350×200 м, составляют, как показала его прорезка, две стены из горизонтально положенных бревен, расположенных одна от другой на расстоянии 0,20 м (рис. 62, *В*). Пространство между этими стенами, по-видимому, было забито глиной. С внешней стороны эта стена была усилена глиняным откосом с каменной сердцевиной, а остальная ее часть была обмазана глиной. Культурного слоя VIII—X вв. на площадке славянского городища не обнаружено.

Большое селище VIII—X вв. находится к северу и востоку от городища, в уроч. Стремптура. Здесь, на склонах мыса выступают остатки разрушенных оползнями полуземлянок с печами-каменками, и на горизонтальных площадках сохранились западины-жилища. С востока городище прикрыто двумя оврагами, на правых берегах которых сохранилось 24 западины-жилища (рис. 6, *А*). Селище этого же времени обнаружено на огородах у восточной части с. Широкая Поляна.

Большое селище находится в 1 км к югу от с. Широкая Поляна, на обоих берегах ручья, в уроч. Гумина [27]. Левобережная часть селища почти полностью уничтожена карьером кирпичного завода. Здесь раскопаны две полуземлянки с печами-каменками IX—X вв. и две ямы-погреба. Селища этого же времени обнаружены еще в трех местах с. Широкая Поляна: 1) в юго-западной части села, на левом берегу р. Малый Серет; 2) в 2,5 км к югу от села, на левом берегу ручья, в уроч. Градина (здесь в лесу сохранилось восемь западин-жилищ); 3) к юго-западу от села на второй надпойменной террасе р. Малый Серет, в уроч. Багна.

Два поселения VIII—X вв. обнаружены в с. Каменка: 1) в центре села, на территории кирпичного завода и 2) к западу от села, на левом берегу ручья, в уроч. Полынак.

Поселение культуры пражского типа обнаружено в центре с. Каменка на территории кирпичного завода. Здесь раскопана полуземлянка с печью-каменкой.

[1] *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута // СА. 1983. № 4. С. 164, 165.

[2] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 154, 155.

[3] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 155—158.

[4] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 163.

[5] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976. С. 65, 156; *Он же.* Давньоруська Буковина. С. 57—66, 164—166.

[6] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Збручское святилище (предварительное сообщение) // СА. 1986. № 4. С. 90—99.

[7] *Тимощук Б. О.* Слов'янське городище Грозинці на Буковині // Археологія. 1974. № 13. С. 86—92; *Он же.* Слов'яни Північної Буковини. С. 78—80; *Он же.* Давньоруська Буковина. С. 167.

[8] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини. С. 74—78, 84—89, 152—154, 165. Рис. 70; *Он же.* Давньоруська Буковина. С. 168—171; *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища. С. 170.

[9] *Тимощук Б. О.* Древньоруська Буковина. С. 93—95, 171, 172.

[10] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 172—175; *Филипчук М. А.* Исследование крестьянской усадьбы XI в. в с. Коростовата // АО 1983 г. М., 1985. С. 367.

[10а] *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Второе Збручское (Крутиловское) святилище // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 78—90.

[11] *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища. С. 161—164.

[12] *Кучера М. П.* Обследование городищ в зоне водохранилища Могилев-Подольской ГЭС на Днестре // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев, 1983. С. 100, 101; *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища. С. 165.

[13] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини. С. 61—65; *Он же.* Ломачинское городище // Археологія. 1973. № 9 С. 100—107; *Кос А. И., Крушельницкая Л. И., Павлив Д. Ю.* Многослойный памятник у с. Непоротово // АО 1975 г. М., 1976. С. 342, 343.

[14] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 178.
Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини. . . С. 89—91.

[16] *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Кодын — славянские поселения V—VIII вв. на р. Прут. М., 1984. 86 с.

[17] *Приходнюк О. М.* Раннеславянские поселения в Среднем Поднестровье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 222; *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 182; *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища. С. 165—168.

[18] *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст.). Київ, 1975. С. 104, 105.

[19] *Приходнюк О. М.* Раннеславянские поселения. . . С. 222; *Баран Я. В.* Житла-майстерні на поселенні Рашків I // Археологія. 1983. № 42. С. 73—79; *Баран В. Д.* Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 28; *Он же.* Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев, 1988. С. 5—121.

[20] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини. С. 67—71, 161—163; *Он же.* Давньоруська Буковина. С. 39—57, 183, 184.

[21] *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища. . С. 168—171.

[22] *Приходнюк С. М.* Слов'яни на Поділлі. . С. 101; *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 184, 185.

[23] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 185, 186.

[24] *Вакуленко Л. В.* Раннеславянское поселение у с. Глыбокого в Прикарпатье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 242—251; *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 187.

[25] *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини. . С. 149, 150.

[26] *Тимощук Б. А., Русанова И. П., Михайлина Л. П.* Итоги изучения славянских памятников Северной Буковини V—X вв. // СА. 1981. № 2. С. 80—93; *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 187—190; *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Гнездо славянских поселений у с. Черновка Черновицкой области // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 19—25; *Войнаровский В. Н.* Работы Черновицкого музея // АО 1983 г. М., 1985. С. 266—267; *Он же.* Раскопки на Северной Буковине // АО 1984 г. М., 1986. С. 224.

[27] *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. С. 191.

SUMMARY

A complete archaeological investigation of the Ukrainian part of the Carpathians has identified the structure of 36 settlement clusters (dated between the 6th and 10th cc.) that are, in fact, remnants of community organisations. They proved to belong to different types. Three stadial types of the community among the Eastern Slavs that belonged to the transitional period from the primitive-communal to class society can be singled out: (1)an extended family community (clan—neighbour) of the 6th—7th cc.; (2) landtilling (neighbour-extended family) community of the 8th and 9th cc.; and (3) neighbour-early feudal community of the 10th—11th cc.

The extended family community that existed in the 6th and 7th centuries was an alliance of kindred patriarchal families that lived side by side in neighbouring villages. Their members retained economic ties (they collectively owned land and practised handicrafts together), and had social (common meetings and joint feasts of the community members) and ideological (the ancestors cult) unity. From the archaeological point of view this unity is supported by the long houses for holding meetings, collectively used storage buildings and community artisan shops.

The landtilling community of the 8th—9th centuries was organised in a more complex manner. Besides settlements of extended families it included large population centres with developed handicrafts, fortifications, administrative quarters and sanctuaries. The main development trends of such community were: (1) separation of handicrafts from agriculture testified by artisans' settlements; (2) fortified settlements of the communal nobility; (3) exclusive property of patriarchal families in arable land testified by the settlements of such families scattered within the limits of the communal clusters; (4) the earliest stages of the emergence of peasant households testified by settlements of nuclear families.

Starting with the late 9th century the life of the East Slavic community radically changed: the Grand Princes used coercion to subjugate them. The community centres were eliminated on the large scale and princely (state) fortifications appeared on their places. Eventually, a neighbour community, that united nuclear families, took shape. The new stadial type included three forms: (1) the **verv** (peasant community); (2) the feudally dependent community; (3) the town (**posad**) community.

The largest part of the population in the 10th and 11th centuries belonged to the peasant communities. They were directly dependent on the state, were exploited through taxes and were being rapidly stratified: some of the peasants joined the ranks of petty owners, while others slipped in time into the category of dependent tillers of feudally owned land.

The neighbour feudally dependent community was directly dependent on princely fortresses. The lingering community relations are illustrated by the long houses used for social purposes discovered in the settlements that existed side by side with the fortress. Landtillers (who did not own the land they tilled), artisans, and other groups of the population who supplied the fortress with foodstuffs, handwork, etc. lived in these settlements.

In the 10th and 11th centuries the town (**posad**) community was an important structural part, it was self-administered, controlled its own territory and had the right to erect its own fortifications and correspondingly to command its own military detachment. It was an alliance of people tied by common economic interests that was able to regulate its members' economic and production activity and to protect them against princely administration.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АН — Академия наук
АО — Археологические открытия. М.
ВДИ — Вопросы древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

СОЦИАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ VI—X вв. 11

Социальная типология селищ 11
Социальная типология городищ 29
Городища-убежища . 32
Городища-административно-хозяйственные центры 40
Городища-святилища 45
Городища-княжеские крепости . . . 55
Хронологическая классификация основных типов поселений VI—X вв. 62

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ОБЩИНА VI—IX вв. 72

Критерии выделения гнезд-общин . 72
Структура гнезд-общин VI—VII вв. . 79
Сдвиги в хозяйственной деятельности населения последней четверти I тысячелетия н. э. . . . 86
Структура гнезд-общин VIII—IX вв. 95

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ОБЩИНА РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА 112

Феодально-зависимая община 112
Крестьянская община-вервь 125
Городская (посадская) община 131

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 141

ПРИЛОЖЕНИЕ 144
Краткие сведения о гнездах поселений VI—X вв. . 144

SUMMARY 184

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 186

CONTENTS

INTRODUCTION . 5

THE SOCIAL-TYPOLOGICAL AND CHRONOLOGICAL CLASSIFICATION OF THE SETTLEMENTS OF THE 6th—10th CENTURIES 11

Social Typology of Populated Centres . 11
Social Typology of Fortified Settlements . . 29
The Fortified Settlements That Offered Protection . . . 32
The Fortified Settlements as Administrative and Economic Centres 40
The Fortified Settlements that Served as Sanctuaries . 45
The Fortified Settlements that were Princely Fortresses 55
Chronological Classification of the Main Types of 6th—10th 62

THE EAST SLAVIC COMMUNITY OF THE 6th—9th CENTURIES 72

The Criteria of Identifying the Settlement Clusters 72
The Structure of Community Clusters in the 6th and 7th Centuries . . . 79
Shifts in the Economic Activity in the Last Quarter of the First Millennium A. D. 86
The Structure of Community Clusters in the 8th and 9th Centuries 95

THE EAST SLAVIC COMMNUITY OF THE EARLY FEUDAL PERIOD . . . 112

The Feudally Dependent Community . 112
The Peasant Community (Verv) 125
The Town (Posad) Community 131

CONCLUSION 141

APPENDIX . . . 144
Short Description of the Settlement Clusters in the 6th—10th Centuries 144

SUMMARY 184

LIST OF ABBREVIATIONS 186

Борис Анисимович Тимощук

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ОБЩИНА VI—X вв. н. э.

Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. Н. Улунян*
Художник *И. А. Игнатьев*
Художественный редактор *И. Д. Богачев*
Технический редактор *Н. Н. Плохова*
Корректоры *В. А. Алешкина, Р. В. Молоканова*

ИБ № 39113

Сдано в набор 25.05.89. Подписано к печати 28.12.89.
Формат $70 \times 90^1/_{16}$. Бумага кн.-журнальная. Импортная.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 14,04. Усл. кр. отт. 14,33. Уч.-изд. л. 14,8.
Тираж 1700 экз. Тип. зак. 1619. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

2 р. 50 к.

«НАУКА»